

Marc Gascoigne and Christian Dunn

Легенды темного тысячелетия

Целый сектор Галактики, Предел Пируса, атакован неисчислимыми ордами Хаоса, орками и эльдарами, и остановить эту волну потребуются усилия многих доблестных защитников человечества. И очень многие сложат головы во имя Бога-Императора, но это цена, которую они готовы платить!

Рассказы, вошедшие в настоящую антологию, написаны по мотивам одноименной коллекционной карточной игры, вдохновившей таких авторов как Дэн Абнетт, Грэм Макнилл, Стив Паркер и других на создание впечатляющих историй в лучших традициях Warhammer 40 000.

Антология

ЛЕГЕНДЫ ТЕМНОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

(Под редакцией Марка Гаскойна и Кристиана Данна)

Сорок первое тысячелетие.

Уже более ста веков Император недвижим на Золотом Троне Терры. Он — Повелитель Человечества и властелин мириад планет, завоеванных могуществом Его неисчислимых армий. Он — полутруп, неуловимую искру жизни в котором поддерживают древние технологии, ради чего ежедневно приносится в жертву тысяча душ. И поэтому Владыка Империи никогда не умирает по-настоящему.

Даже в своем нынешнем состоянии Император продолжает миссию, для которой появился на свет. Могучие боевые флоты пересекают кишаций демонами варп, единственный путь между далекими звездами, и путь этот освещен Астрономиконом, зримым проявлением духовной воли Императора. Огромные армии сражаются во имя Его на бесчисленных мирах. Величайшие среди его солдат — Адептус Астартес, космические десантники, генетически улучшенные супервоины.

У них много товарищей по оружию: Имперская Гвардия и бесчисленные Силы Планетарной Обороны, вечно бдительная Инквизиция и техножрецы Адептус Механикус. Но, несмотря на все старания, их сил едва хватает, чтобы сдерживать извечную угрозу со стороны ксеносов, еретиков, мутантов и других, более опасных врагов.

Быть человеком в такое время — значит быть одним из миллиардов. Это значит жить при самом жестоком и кровавом режиме, который только можно представить.

Забудьте о достижениях науки и технологии, ибо многое забыто и никогда не будет открыто заново.

Забудьте о перспективах, обещанных прогрессом, о взаимопонимании, ибо во мраке будущего есть только война. Нет мира среди звезд, лишь вечная бойня и кровопролитие да смех жаждущих богов.

Предисловие

Вселенная «Warhammer 40 000» существует уже много лет — и я сам когда-то был не более чем ее рядовым фанатом. Я жадно поглощал любую информацию, какую только мог найти, зачитывался рассказами и с головой уходил в этот мир. Теперь же, занимая пост главы «Sabertooth Games», я

обрел возможность участвовать в развитии этой вселенной, выпустив в свет карточную игру «Dark Millenium» (а также ее более раннюю редакцию: «The Horus Heresy»).

Нам удалось совместить потрясающее воображение рисунки и великолепную игровую механику с грандиозной исторической линией Warhammer 40 000. Мы не только отразили ее в своих картах, но и предоставили игрокам возможность развивать ее на наших турнирах, решать судьбы отдельных персонажей и целых миров.

Многие из лучших авторов «Black Library» объединились, чтобы отразить это в своих рассказах. Они повествуют о событиях, созданных победами наших игроков, старательно воплощавших предначертанное звездами.

Под обложкой этой книги вы найдете восемь рассказов, написанных великолепными авторами. Место действия ограничено сектором Предел Пируса вселенной Warhammer 40 000 — сектором, где происходят события коллекционной карточной игры «Dark Millenium». Это истерзанный войнами сектор Галактики, где бушуют чудовищные варп-шторма, превращающие даже самое простое путешествие в весьма опасное предприятие.

И все же, невзирая на риски, очень многие сражаются за его планеты — кто-то ищет могущества и славы, в то время как другие мечтают предотвратить воплощение в жизнь кошмарных пророчеств. Каждым движут собственные надежды, планы и страхи.

Прежде чем завершить свое вступительное обращение, я хотел бы воспользоваться случаем и выразить искреннюю признательность тем, благодаря кому все это стало возможным. Дэну Абнетту, Майку Ли, Грэму Митчеллу и всем остальным авторам, воплотившим в литературную форму истории, созданные нашими игроками и включенные в наш сборник. Я хочу сказать спасибо Марку Гаскойну, которому пришла в голову мысль издать такую книгу, а также поблагодарить Кристиана Данна и Линдси Пристли, проделавших грандиозный труд по сведению в единое гармоничное целое столь разнородным произведениям. Особо следует отметить и Алана Мерретта, без чьей помощи у нас бы точно ничего не вышло.

И, наконец, позвольте мне сказать спасибо всем и каждому, кто когда-либо играл или только собирается играть в «Dark Millenium», придавая форму идее, послужившей основой для рассказов. Без вас персонажи никогда бы не ожили, не пролилась бы кровь, а события не обернулись бы столь мрачной стороной. Вы помогаете создавать наши миры, даже если попутно учиняете тотальный разгром.

Стив Паркер

ВОДОПАДЫ МАРАКРОССА

К полудню треск пальбы смолк. Воюющие стороны укрылись в надежных убежищах — никому не хотелось сражаться под палящим солнцем в зените. Меж окопавшимися противниками повисло раскаленное марево.

Улицы и рыночные площади города опустели. Жители Скалы, столицы планеты Кордасса, спасались в домах от жгучей жары. Этого не могли позволить себе бойцы Прето Скалы — войск гражданской обороны города. На протяжении многих часов претосы Одиннадцатого участка сражались, чтобы отбить клочок земли у секты культистов, известной как Дети Милосердного Бога. Еретики заняли большой район западных трущоб и, наплевав на имперский указ, распространявшийся на весь город, тянули из глубоких колодцев зараженную воду.

Но хотя культисты и были способны пить инфицированную воду без последствий, от жгучего солнца они страдали не меньше утомленных претосов.

...Внезапно тишину разорвал оглушительный рев реактивных двигателей. На улицы, за которые шла борьба, упала громадная черная тень. Взметнувшиеся облака пыли закружились над грязными нищенскими лачугами.

Обескураженные воины обеих сторон зажимали уши руками, сиюсья заглушить пронзительный вой мощных двигателей, удерживавших в правильном положении большой черный артиллерийский корабль.

Улочки казались слишком узкими для посадки. Пока ошеломленные претосы боязливо рассматривали зависшую в воздухе махину, в хвостовой части бронированного корпуса корабля открылся люк и выдвинулась рампа. И появились они — многочисленные угрюмые гиганты в блестящих доспехах, парами спускавшиеся по рампе и метеорами падавшие с десятиметровой высоты. Стены ощутимо дрожали, когда ноги воинов касались земли. Каждый исполин в зеленых доспехах приземлялся прямо, тут же отходил в сторону и занимал позицию, прикрывая высадку товарищей.

Последним из люка вышел некто в белых одеждах, они развевались вокруг черных доспехов, пока он летел вниз. Пандус втянулся, люк запечатал корабль, тон реактивных двигателей стал другим. Боевой катер набрал высоту и полетел над крышами прочь, вновь открыв улицу палящим лучам солнца.

Пыль запорошила претосам глаза, они моргали, рассматривая возникших среди них великанов.

Чудовище в белых одеждах пророкотало из-под капюшона:

— Кто тут командует? Сделать шаг вперед.

Голос был резкий. Механический. Нечеловеческий. Каждое слово отзывалось вибрацией у претосов в груди.

Вышла невысокая темнокожая женщина.

— Я капитан ус-Калмир, — назвалась она. — Я команду Прето Скала, участок Одиннадцать, — на готике она говорила с сильным акцентом. — К кому я обращаюсь?

Великан шагнул вперед. Он, словно башня, возвышался над женщиной. Подняв закованные в броню руки, он откинул капюшон. Кто-то из младших претосов ахнул и попятился, решив, что ему явилась сама смерть. Вместо лица из-под капюшона показалась белая кость зловещего черепа.

Ловкими пальцами великан расстегнул зажимы, фиксировавшие шлем. Зашипев, кабели отсоединились и змеями отползли в стороны от искусно изготовленной маски. Человек поднял ее.

Под щитком шлема оказалось лицо. Страшно обезображенное, рябое, преждевременно состарившееся в жутких бесчисленных битвах, но все-таки человеческое. Холодные серые глаза встретились со взглядом женщины.

— Вольно, капитан, — проговорил незнакомец. Голос у него был глубокий и повелительный — не такой страшный, когда не усиленный техникой, но более звучный. — Меня зовут Артемий Гром, я капеллан-дознаватель ордена Темных Ангелов, Первая рота, и я служу Императору Человечества.

Он воздел руку, и металлический кулак сверкнул на солнце. Его бронированные собратья тут же двинулись на баррикады культистов. Вскоре послышались выстрелы и крики.

Великан посмотрел вниз, на капитана Прето Скала, и ухмыльнулся.

— Мы прибыли вам на помощь, — пояснил он.

— Инквизитор, у меня совсем мало времени, — сказал Артемий, протискиваясь в дверь, предназначенную для людей ростом поменьше. Оказавшись в помещении, он выпрямился и осмотрелся: дорогая мебель, изящные статуэтки, пышные портьеры над стеклянными дверями, ведущими на просторный балкон, — все во дворце правителя призвано было поражать роскошью. Определенно, губернатор Кордассы отвел престарелому инквизитору Хейрону шикарные покои, сам Артемий предпочитал условия попроще. После обжигающей жары улиц воздух в комнате казался приятно прохладным. — Не для того я летел через имматериум, чтобы сидеть на совещаниях.

— Именно потому я вас и вызвал, капеллан-дознаватель, — заявил инквизитор. — Я бы хотел услышать, зачем вы вообще летали через имматериум. Неужели только для того, чтобы попасть на планету, сотрясаемую предсмертной агонией? Слабо верится, что вы собрались покончить с перестрелкой между местными претосами и толпой культистов.

Артемий пересек комнату и подошел к столу инквизитора, не сводя со старика глаз. Маттий Хейрон казался совсем дряхлым. Морщинистая кожа потемнела от здешнего безжалостного солнца. Волосы старик аккуратно зачесывал на правую сторону, причем казалось, что легкие снежно-белые пряди того и гляди разлетятся от малейшего ветерка. На длинном носу с горбинкой красовалось старинное пенсне тонкой работы. Утопавший в складках дорогой кордассанской материи, старец казался хрупким и жалким.

Однако образ не соответствовал действительности. Чтобы понять это, Артемию достаточно было заглянуть в ледяные голубые глаза инквизитора.

«Против него меня предостерегал брат-кодиций Корвус. Что ж, инквизитор, посмотрим, какую роль тебе суждено сыграть».

— Почему бы вам не присесть? — спросил Хейрон.

Артемий с неприязнью взглянул на изысканно украшенный деревянный стул, на который ему указывал старик. Было очевидно, что выдержать человека в тяжелой броне он не способен.

— Прошу прощения. Для вас он и в самом деле не подходит. Давайте выйдем на балкон?

Артемий последовал за стариком.

К вечеру жара спала ненамного. С балкона открывался вид на город до самых оборонительных рубежей. Прямо внизу расстилались принадлежащие планетарному губернатору сады, огороженные и охраняемые. Даже сейчас, когда половина населения страдала и гибла от жажды, садовники поливали цветы и экзотические деревья.

За садами простирались обширные владения состоятельных горожан. Еще одна стена отделяла их от районов победней. На окраинах, у внешних стен города, располагались трущобы, с которыми уже познакомился Артемий.

— Не желаете ли амасека? — спросил старец, наполняя стакан. — Этот напиток делают из чудесного местного винограда.

— Вы просили меня прийти, инквизитор, — напомнил Артемий, отказываясь от предложенного вина. — Давайте вернемся к нашему разговору. Мне нужно заняться делами.

— Что ж, я повторяю вопрос: что это за дела, капеллан-дознаватель? Мне весьма любопытно.

— Я ничего не скрываю, инквизитор, — солгал Артемий. — Мы попали сюда обычным, легальным путем. Предел Пируса переживает катастрофический кризис. Инквизитор Сантос обратил наше внимание на проблему. Уверен, вам это известно.

— Предсказуемо уклончивый и банальный ответ, капеллан-дознатель. Поймите, я спрашиваю именно о Кордассе. Какие здесь, в этом мире, дела у Темных Ангелов? Отвечайте на поставленный вопрос.

Артемий чувствовал, как слова, тон и жесткая воля инквизитора слились воедино, дабы вырвать из его уст правду. Подобные трюки проходят с людьми, но бесполезны против капеллана-дознателя.

Из сада выпорхнула яркая пичуга, взмыла над окружавшей его стеной и полетела прочь; ее тень плясала на сияющих белых куполах городских крыш.

— Мы прибыли, чтобы оценить ситуацию на планете и, возможно, оказать местным силам поддержку, если я сочту это нужным. Больше мне нечего добавить.

— Капеллан-дознатель, в лучшем случае вы сказали полуправду, вызывающую разочарование. Когда это Темные Ангелы действовали без сверхзадачи? Будьте со мной откровенны, и, вероятно, я смогу вам помочь.

— Инквизитор, мы попусту теряем время, — сказал Артемий. — Вы задали вопрос. Не подлежит сомнению, что Темные Ангелы служат божественной воле Императора, и этого должно быть достаточно. Мы не потерпим вмешательства в наши дела, кто бы ни пытался сунуть в них нос. А теперь, если позволите...

Артемий развернулся и зашел обратно в комнату.

— Отчего Темным Ангелам, — со спокойным видом спросил инквизитор, покинувший балкон следом за ним, — вечно не терпится избавиться от общества Инквизиции? В известных кругах этот вопрос задают весьма часто.

«Ах вот что, теперь перейдем к сути проблемы. Интересно, как далеко ты готов зайти, чтобы выжать из меня правду?»

— Бессмысленные гипотезы едва ли пристали Ордо Маллеус, — обернулся к старику Артемий. — Я уверен, что вы могли бы заняться более важными делами.

— Уж не собрались ли вы читать мне нотации? Проживите еще сотню лет, прежде чем хотя бы подумать об этом. Когда появляется Инквизиция, Темные Ангелы спешат ретироваться. Не так ли? И вы туда же, готовы бегом бежать от меня, не желая отвечать на самый простой вопрос.

— В таком случае я тоже спрошу вас, инквизитор, — заявил Артемий. — Я заметил линейный крейсер Ордо Маллеус, «Копье Экселсиса», высоко на орбите вместе с Имперским Флотом. Предполагаю, крейсером командуете вы. Намерены ли вы разрешить санкцию Экстремис? Едва ли Кордасса продержится без помощи имперских сил. Интересно, почему вы так долго тянете?

Хейрон обошел вокруг стола, сел и сцепил пальцы рук.

— Инквизиция никогда не действует необдуманно. Пока что я не принял окончательного решения. Если этим людям суждено умереть, то лишь оттого, что мы исчерпали все прочие наши возможности. Их жертва сохранит чистоту Империиума. Но вы просто ищете предлога увильнуть от поставленного вопроса. Вероятно, вы не находите Экстерминатус обоснованным? Быть может, мне стоит просто уступить этот мир Хаосу?

«Он смеет сомневаться в моей верности? В моем рвении?»

— Берегитесь, инквизитор, — сказал Артемий. — Вряд ли кто-нибудь служит Золотому Трону столь же ревностно, как Темные Ангелы, тут нам нет равных. Мы готовы умереть, когда потребует Его

Божественная Воля. Никогда не сомневайтесь в этом. Никогда не подозревайте обратное. И никогда более не оскорбляйте меня, обвиняя в снисхождении к предателям.

Инквизитор Хейрон успокаивающе поднял руку:

— Прошу прощения, капеллан-дознатель. Рвение Темных Ангелов в службе известно всем, и мне в том числе. Сам этот факт крайне любопытен. Ибо за маской чрезвычайного рвения часто скрывается тайный позор, разве не так?

«Ах вот как! Все тайное когда-нибудь становится явным. Ищейка напала на след. Что же известно Ордо Маллеус?»

— Тайный позор? Вы хотите сознаться в чем-то, инквизитор? — спросил Артемий. — Я готов выслушать рассказ о ваших прегрешениях, если это поможет вам обрести Его прощение. Возможно, я смогу наложить подобающую случаю епитимью. — С такими словами Артемий шагнул к двери.

— Я бы хотел официально попросить вашей помощи, капеллан-дознатель, — сказал инквизитор Хейрон. — Темные Ангелы могут многое сделать для Империи. Вы не откажетесь поступить в мое распоряжение, зная, что я тоже каждым вздохом служу Его Божественной Воле?

— Я не сомневаюсь в вашей преданности, инквизитор Хейрон. Но наше пребывание здесь продлится недолго. Если вы желаете иметь в распоряжении вооруженный отряд, можете подать прошение в мой орден, только лорд милитант замкнет кольцо задолго до того, как вы получите ответ. Я признаю вашу власть, но напоминаю, что она имеет границы. Даже вам, инквизитор, приходится действовать в пределах правовых норм Империи. Я понимаю, как тяжела ваша ноша. И сочувствую вам.

— Как любезно с вашей стороны, — с горечью проговорил Хейрон. — Что ж, не хотите отвечать правдиво... Но знайте, я с вас глаз не спущу. Уж поверьте. Я узнаю цель вашей миссии, какой бы она ни была.

Не оглядываясь, Артемий протиснулся в дверь и пересек прихожую. Эхо от мраморных стен повторяло его шаги.

— Свободны, можете идти, — прорычал ему вслед инквизитор, поднимаясь с кресла.

Темный Ангел не закрыл за собой дверь.

Артемий вышел из дворца губернатора и тут же окунулся в пульсирующий жар яркого света. Он миновал ряды ливрейной стражи, укрывшейся в тени сводов арок, сложенных из массивных глыб песчаника. Когда капеллан-дознатель проходил мимо, они становились по стойке «смирно» и салютовали ему. Артемий был первым Астартес, которого им довелось увидеть.

«Они смотрят на меня как на ксеноса».

Почти трехметровый Артемий возвышался над всеми кордассанцами — низкорослыми и выносливыми людьми с миндалевидными глазами и черными, словно гагат, волосами. Здесь солнце палило так жгуче, что Артемия вовсе не удивлял местный непреложный обычай непременно носить урут — белую хламиду с капюшоном, выходить без которой на люди позволялось только военным. До появления здесь Миссионарус Галаксия наказанием за нахождение вне дома без урута была смерть.

Когда Артемий перемещался по городу в белом балахоне с капюшоном — одеянии, положенном ему по сану капеллана, — местные улыбались и кланялись ему. Они полагали, что великан из другого мира чтит их обычаи.

После того как он вышел из главных ворот поместья правителя, к нему присоединились два брата из его ордена. Братья-сержанты Сириил и Огион встали по обе стороны от Артемия и зашагали с ним в ногу.

Взглянув на братьев, Артемий заметил, как потемнели кожа и волосы Огиона.

«Моя кожа должна была бы стать такой же. Тринадцатый имплантат защищает наши клетки от негативного воздействия здешнего безжалостного солнца».

До вербовки Сириил жил в мире пустынь и всегда был темнокожим. Когда он говорил, на смуглой физиономии сверкали белые зубы.

— Как вы приказали, капеллан-дознаватель, мы набрали армию и сосредоточили войска у восточных ворот. Возражений не поступало. Большая часть гарнизона города отправлена на передовую для усиления Имперской Гвардии. Прето Скала пытаются поддерживать порядок среди беженцев. Горожане главным образом прячутся от солнца в домах. Многие умирают от жажды и чумы.

— Братья, эти люди чувствуют, как смерть дышит им в затылок, — произнес Артемий. — Все говорят, что бойцы Кордассанской Гвардии — умелые и бесстрашные воины. Боюсь, что лорд-милитант допустил серьезную ошибку с этой своей ловушкой на Кордассе. «Носороги» готовы?

— «Носороги» заправлены горючим и полностью готовы, брат-капеллан, — ответил Сириил.

— Огион?

Брат-сержант отчеканил своим характерным сиплым голосом:

— Исполняющим обязанности командира оставшихся в живых полков Гвардии является полковник Рхамис ут-Халарр, третий взвод Кордассанских гренадеров, Первая рота. Местный. И он, и комиссар Клова Брантин вчера вернулись с передовой. Они готовят город к длительной осаде. Линию фронта могут прорвать со дня на день.

— Поэтому у нас очень мало времени, — заключил Артемий.

— Они оба хотят познакомиться с вами, капеллан-дознаватель. Полковник пригласил вас в командный пункт. Он может поделиться информацией в обмен на нашу помощь.

— Интересно, сохранится ли у него это желание, если я буду вынужден отказать ему в непосредственной помощи? Отлично. Брат-сержант Сириил, можете идти и проследить за предстартовой подготовкой. Выступаем, как только я вернусь на военную базу. Оба отделения должны быть готовы.

— Так точно, брат, — с легким поклоном сказал Сириил, после чего свернул в переулок и спешно двинулся по направлению к казармам. От жары он не страдал.

Артемий продолжал свой путь. В какой-то момент краем глаза он заметил движение и резко обернулся. Десятки низкоросликов в страхе попятись в тень и шмыгнули за углы домов. На двух гигантов-иноземцев из-за укрытий поглядывали дети Скалы.

Они были всклокоченные, в изодранных урутах, которые из белых превратились в грязно-коричневые. Все как один дошли до стадии крайнего истощения.

— Беспризорники — и так далеко от трущоб? — удивился Артемий.

— При всем моем уважении, — ответил Огион, — но перед вами мальчишки и девчонки из знатных семейств. Чума давно выкосила большинство трущобных детей. Этим же богатство родителей отсрочило неминуемый конец. Но скоро и их ждет участь бедняков.

Артемий почувствовал сострадание.

Но стоило ему осознать это — он сразу подавил незванное чувство.

«Слаб тот, кто печалится о несправедливости Вселенной. Сохрани меня Император от западни жалости».

— В смерти — тени богатых и бедных равны, — заметил он. — Нам повезло, ибо мы погибаем в славе сражения, праведно служа Золотому Трону. Только такое служение способно возвысить нас, чтобы мы встали рядом с Ним.

Огион склонился перед капелланом-дознавателем и произнес:

— Твои слова, брат, всегда вдохновляют. — В этот момент оба Темных Ангела свернули в сторону штаб-квартиры командующего. — Мы счастливы служить под твоим началом.

Нерешительно ступая, толпа детей качнулась вперед из тени, стремясь не упустить из виду странных пришельцев. Однако ни у одного не хватило сил поспеть за космодесантниками.

Несколько детей заметили на нагруднике Огиона сияющего имперского орла. Они запели гимн верности Империи. Вскоре к первым присоединились остальные, все старательно напрягли пересохшие глотки, чтобы их услышали. Но Темные Ангелы быстро скрылись из виду, и скрипучая песня замерла в раскаленном неподвижном воздухе.

В кабинете с картами, расположенном глубоко в недрах штаб-квартиры сил обороны, было даже прохладней, чем в покоях инквизитора. В полумраке вокруг обширного стола расположились три человека, свет от зеленого экрана с картой делал их лица похожими на жуткие маски. Вдоль черных каменных стен выстроились, загадочно помаргивая огоньками, работающие когитаторы. Здешняя техника работала не один век.

«Брат-технодесантник Ульво был бы в восторге».

— ...Как вы понимаете, капеллан-дознаватель, — говорил тучный высокопоставленный кордассанец, — Скала фактически изолирована от других очагов сопротивления. Так долго мы продержались только благодаря космодрому. Скалу строили на экваторе специально для того, чтобы легче было осуществлять запуски. На всей Кордассе второго такого города не найти.

Говоривший, полковник Рхамис ут-Халарр, был старшим по званию офицером Гвардии Кордассы. В свете экрана его щеголеватый коричневый мундир приобрел блеклый оттенок, и золотые эполеты смотрелись отнюдь не величаво. Впрочем, взгляд их обладателя, устремленный на Артемия, был по-военному жестким.

Справа от полковника стоял некто, ростом повыше и более сухощавый. Инопланетник. Он взирал на карту из-под козырька странной фуражки. Обдумывая отображенные на дисплее тактические данные, он машинально барабанил по крышке стола пальцами аутентичской руки.

Иномирца звали комиссар Клова Брантин. Закончив изучать карту, он откашлялся и воскликнул:

— О, если бы вы раньше присоединились к нам, капеллан-дознаватель! Я не хочу вас обидеть, но Гвардия Кордассы уже давно могла бы воспользоваться помощью Астартес.

Артемий игнорировал замечание комиссара и обратился к полковнику:

— Цель нашего прибытия, конечно же, разглашению не подлежит. Я не имею права говорить с вами о ней. Вам достаточно знать, что мы действуем на благо Империи. Мы собираемся прямо в сердце поразить тех, кто разрушает мир Кордассы. Возможно, это вас немного утешит.

Полковник ут-Халарр кивнул и сказал:

— Да услышит Император мои молитвы о том, чтобы вы заставили их заплатить за содеянное, капеллан-дознаватель. Я видел, как эти культы превращают мой народ в диких безумцев. Однако если вы не дадите мне хотя бы общего представления о вашей миссии, я едва ли смогу предложить вам адекватную помощь.

— Моим Темным Ангелам не требуется помощь, нам нужна только информация, — Артемий постучал пальцем по карте, светившейся на экране. — Вот эта река Иммен. Не она ли — причина ваших внутренних беспорядков? Смут в трущобах?

— Безусловно, — ответил полковник. — Во время засухи город снабжает водой только река. У нас повсюду расположены глубокие колодцы, которые сохраняют запас воды. Многие почитают реку священной.

— Терпимо ли относится к подобным верованиям инквизитор и здешняя миссия?

Заговорил комиссар Брантин:

— Почитание реки они полагают безвредным. Вернее, во время перехода к Имперскому господству Екклезиархия сочла его безвредным.

— Во время перехода?..

— Флот эксплораторов заново открыл Кордассу только двести лет назад, — пояснил Брантин. — Чтобы не провоцировать гражданскую войну, Адептус Терра постановили, что процесс возвращения Кордассы в лоно Империи должен проходить постепенно. Поэтому пользующихся уважением местных мужей избрали временно исполняющими обязанности правительства.

Артемий поднял бровь. Обычно в Империи такая терпимость встречалась крайне редко. Тем не менее здесь, в зоне Гало, где присутствие Империи было минимальным, подобные подходы казались весьма мудрыми.

— А сейчас река забирает жизни вместо того, чтобы их поддерживать?

— Так и есть, — согласился полковник. — У людей в течение стандартной недели проявляются симптомы чумы: мокнущие болячки, жирные белые личинки в пустулах, под конец — некроз мышц. Ужасное зрелище, перед едой на такое смотреть не стоит. Не успели мы сообразить, в чем дело, — как тысячи жителей уже заразились.

— Местная миссионерка сообщила нам о первых случаях болезни, — добавил комиссар. — Теперь, как вы уже могли видеть, городские колодцы и русло реки огорожены колючей проволокой. Имперским указом запрещено пить речную воду. Отряды Прето Скала постоянно патрулируют территорию, но их удручающе мало. Тех, кто по-настоящему отчаялся, не останавливает даже угроза смертной казни. Сразу по прибытии ваши люди помогли уже претосам, верно? В стычке с Детьми Милосердного Бога?

— Да, мне сказали, что этот культ называется именно так, — кивнул Артемий.

— Псы, погрязшие в ереси, — зло выругался полковник. — Они всюду трубят, что их не берет чума, и горожане стекаются к ним. Они вербуют отчаявшихся, измотанных жаждой людей, нападают на патрули претосов и распространяют ересь по всему городу.

— Они на самом деле неуязвимы? — спросил Артемий.

— В этом-то и дело! Мы провели вскрытие сотен тел еретиков, но всё напрасно. К биологии их неуязвимость не имеет никакого отношения.

— Но должен же у них быть отличительный знак, — заметил Артемий. — Какой-нибудь символ? Или, быть может, клеймо?

— Да, — ответил полковник. — Они клеймят всех, кто присоединяется к культуре.

— Опишите мне его.

— Это выжженный на груди, плече или бедре круг, пронзенный заостренными спицами, которые расходятся из центра. Когда смотришь, тошнит от одного только его вида.

— И неудивительно, — согласился Артемий. — Ибо это наиболее скверный из всех знаков, самая мерзостная метка нечисти. Звезда Хаоса — антитезис всему, за что борется Империиум.

— Разрази их Император! — взревел комиссар Брантин. — Дети Милосердного Бога поклоняются демонам?

— Они купили неуязвимость, — пояснил Артемий, — ценой собственных бессмертных душ. Слуги Хаоса мастерски используют обострение кризиса в своих целях. Ведь это так просто — обращать отчаявшихся. Расскажите мне, откуда берет начало река.

— Ее воды текут с Дхаргийской возвышенности вниз, к городу Маракроссу, — ответил комиссар Брантин и ткнул в экран, показывая на карте место к северо-востоку от Скалы.

— Маракросс... — повторил Артемий.

«Все так, как ты говорил, брат-кодиций».

— Это самые новые карты, которые нам передал с орбиты боевой флот Горгорус, — сказал капитан ут-Халарр. — Вы можете видеть, что по своему расположению Маракросс — уникальный город. Он стоит вокруг искусственного озера у подножия массивной арочной плотины, в висячей долине, вот этот полукруг на краю плато.

— Не шаткое ли у города положение? Наверняка можно сломать плотину и уничтожить расположенные там силы.

— Так-то оно так, только плотина — слишком прочное сооружение. Она выстроена с расчетом на невероятное давление. У Гвардии Кордассы нет ничего, что могло бы ее обрушить. Кроме того, чтобы подобраться к ней, нужно захватить город. Капеллан-дознаватель, история войн планеты Кордасса впечатляет. Наши города долговечны. И Маракросс тому наиболее совершенный пример.

Артемий внимательно изучил сделанный с орбиты снимок. Маракросс в самом деле производил впечатление — и оборонительными свойствами местности, и инженерными сооружениями. Город приютился в изгибе нагорья. С двух сторон его защищали высокие утесы. Сзади возвышалась плотина, которая протянулась на всю высоту плато. Спереди город был отгорожен стеной, не уступающей фортификациям самой Скалы. Река Иммен низвергалась из стоков плотины, текла по каналам города, затем проходила через систему шлюзов.

— Какова высота плато? — спросил Артемий.

Ему ответил комиссар:

— Над равнинами оно поднимается почти на два километра.

— Вы пробовали напасть с воздуха?

— Сначала — да. Сейчас у нас нет таких возможностей. Нынче мы стянули все силы к линии фронта. В основном мы полагаемся на сухопутные войска. Кроме того, если хорошенько присмотреться, то можно увидеть: как только еретики захватили город, они укрепили оборонительные сооружения. Тяжелые болтеры, лазерные пушки, противовоздушная артиллерия — они стянули в Маракросс оружие со всей планеты. Вопреки своему безумию, псы отлично подготовились.

«За оккупацией Маракросса стоят не только еретики. Корвус, пока твои предсказания оправдываются самым удивительным образом. Интересно, где скрывается то, чего ты не смог разглядеть?»

— Итак, плотину слабым местом не назовешь. Вы запрашивали орбитальный удар по самому городу?

— Первое время нет, — ответил полковник. — Мы надеялись взять Маракросс невредимым. Но вскоре это стало невозможно — на наши границы наседали, и чума косила наши полки. Когда мы наконец запросили тактический удар, Имперский Флот ответил отказом. Причем никто не соизволил обосновать отказ.

«Вот вам влияние инквизитора Хейрона в действии. Чего он добивается в случае с Маракроссом? Он мог бы покончить с чумой одним ударом».

— Ваши воды оскверняет сила Хаоса, — заявил Артемий. — Сейчас еретики ощущают себя в полной безопасности, сидят в Маракроссе и раньше времени празднуют победу над этим миром. С мизерными поставками воды от боевого флота Горгорус вам едва ли удастся пережить грядущую осаду. Если падет столица, та же участь ожидает космодром. А погибнет космодром — планета пропала.

Артемий перевел взгляд на комиссара:

— Вы понимаете, что это значит, учитывая, что основная инстанция, утверждающая решения здесь, — Инквизиция? Удачно, что моя цель также находится в Маракроссе. — Тут Артемий снова посмотрел на полковника Кордассы и продолжил: — Может статься, что Темные Ангелы в ходе операции покончат с вашей чумой.

Ут-Халарр склонился перед огромным космодесантником:

— Если вам что-нибудь потребуется, скажите — и я постараюсь вам помочь.

В глазах военного светилась надежда.

«Пропади она пропадом, твоя надежда, гвардеец, — подумал Артемий. — Если на то будет воля Императора, то я преуспею в своих замыслах, а вместе с этим придет конец чуме. Ничто не отвлечет меня от охоты».

— Вы можете сделать две вещи, — сказал он вслух. — Только две. Во-первых, я бы хотел, чтобы все карты и прочую информацию по Маракроссу скопировали мне на инфопланшет, сейчас же.

Полковник ут-Халарр кивнул в знак согласия.

— А во-вторых? — спросил комиссар Брантин.

Артемий нахмурился.

— Держите этого проклятого инквизитора подальше от меня.

Почти весь день два бронетранспортера «Носорог» резво катили по твердой пыльной равнине Альхааль в верховье реки Иммен. Они проезжали мимо туш громадных брюхоногих — местных сухопутных моллюсков с раковинами величиной с дом, не желавших пить ядовитую воду из ближайшей реки и умерших от жажды.

Долгое время по сторонам мелькал один живучий сухоцвет да колючие кустарники, слегка оживлявшие выжженный солнцем пейзаж. У самой реки погибли все растения и животные. По берегам лежали, распространяя зловоние, раздутые серебристые трупы амфибий.

На заднем сиденье одного из бронетранспортеров ехал Артемий. Он изучал инфопланшет, пытаясь отыскать слабое звено в защите Маракросса. Вариант со сливными трубами и шлюзами не годился — из-за давления воды проникнуть в город через них не представлялось возможным. Как и подняться по скалам: сторожевые посты еретиков располагались удачно и были начеку. Попытку взобраться по каменной стене быстро обнаружат, после чего людей Артемия перестреляют. Судя по всему, командующий защитниками Маракросса обладал изрядным военным опытом.

Широкая рокритовая автомагистраль, соединявшая Маракросс с остальной частью континента, была тщательно заминирована.

В конце концов Артемий решил вести свои силы через густой лиственный лес, который возвышался по обоим берегам рассекавшей долину реки.

Вдобавок к размышлениям, как лучше пробраться в город, Артемия снедала тревога: непосредственно перед тем, как Темные Ангелы покинули Скалу через восточные ворота, к ним прибыл посланец от комиссара Брантина и сообщил, что инквизитор Хейрон со свитой покинул столицу планеты. «Химеру», личную боевую машину инквизитора, в последний раз видели, когда она выехала из южных ворот города и затем свернула на восток.

Итак, инквизитор урвал преимущество во времени и стартовал первым, хотя чего он добивался — оставалось тайной.

«Откуда старый ворон узнал, что мы направляемся в Маракросс? Ни полковник, ни комиссар не могли предать моего доверия».

— Капеллан-дознаватель, мы приближаемся к лесу, — доложил брат Балтур, сбавляя скорость.

— Отлично, — отозвался Артемий и по вокс-связи обратился к своим людям в обоих «Носорогах»: — Приготовьтесь, сейчас будем высаживаться. Дальше пойдем пешком.

За спинами Темных Ангелов садилось солнце и заливало все оранжевым светом. Оно согревало землю последними лучами, прежде чем грядущая ночь придет и высосет из равнин и плоскогорий все тепло. Через лес шел небольшой отряд Артемия — два тактических отделения, каждое по девять десантников из Шестой роты, плюс брат-аптекарь Таррос. Над головой, словно огни, перемигивались звезды. Овальная луна Кордассы — ахл-Голусс — начала свой путь по ночному небосводу.

Впрочем, Артемий ничего этого не видел: широкие круглые листья над головой наслаивались друг на друга, образуя непроницаемый купол.

Темные Ангелы медленно пробирались между толстыми белыми стволами, генетически усиленное зрение десантников было способно распознать малейшее движение в густых тенях впереди.

Час следовал за часом — и ни звука вокруг, лишь сапоги топали по жесткой земле.

Шагавший в голове колонны Артемий внезапно остановился. Впереди между стволов он разглядел кое-что подтверждавшее его худшие опасения. На окутанной тьмой поляне, не разводя костра, чтобы не привлекать внимания врага, в окружении нескольких человек сидел инквизитор Хейрон.

Артемий жестом отдал приказ космодесантникам окружить отряд сующегося не в свое дело инквизитора. Но прежде чем первый из Темных Ангелов успел выйти из-под прикрытия деревьев, знакомый голос произнес:

— Не пытайтесь застать нас врасплох, капеллан-дознаватель. Вы пришли как раз вовремя. Мое терпение не безгранично.

«Будь проклято его чванство! Да, лишнего внимания избежать не удалось, и это чрезвычайно усложняет возложенную на меня миссию».

Артемий вышел на поляну.

— Немного света? Рискнем? — спросил его Хейрон.

— Я бы не стал, инквизитор, — ответил Артемий. — Мне отчетливо видно и вас, и ваших людей. Что, во имя Императора, вы тут делаете?

— Вы, Астартес, очень хорошо знаете, что мы ждем вас. Довольно долго я раздумывал, как попасть в Маракросс. Мне даже в голову не пришло просить о помощи космодесантников. Но вот вы сами тут как тут. Император явно мне благоволит. Впрочем, что-то я забыл о хороших манерах, давайте-ка я представлю вам собравшихся.

Глядя на сидящего перед ним инквизитора, Артемий едва не рычал от раздражения.

В своих роскошных апартаментах Хейрон показался космодесантнику беспомощным. Сейчас на нем были мастерски изготовленные черные силовые доспехи с инквизиторской монограммой «I». Даже в темноте Артемий видел замысловатую филигрань священных символов на массивных оплечьях. С брони, закрывавшей грудь Хейрона, свешивались инквизиторские розетты и печати чистоты. В руке он держал богато украшенный лазпистолет, на поясе в ножнах висел силовой меч.

— Инквизитор, у меня нет ни времени, ни желания слушать вас, — заявил Артемий.

— Нет, я все-таки представлю, — без страха перебил его инквизитор. Он показал на крупную бледную фигуру слева поодаль и сказал: — Этот, пожалуй, самый большой — Клегг шестьдесят шесть.

Настоящий зверюга ростом не уступал Астартес, но его туша имела менее благородные очертания. Он не был обычным человеком. Голову его защищал шлем — сложное сооружение из титана и пластиковых трубок, по которым поступали гормоны, стимуляторы и супрессивные средства. Вместо пальцев на руках торчали массивные и острые, словно бритва, алмазные когти. Живая марионетка, Клегг 66 был печально известен как аркофлагеллент инквизитора.

Слева от великана-раба расположился некто в капюшоне и одеянии Адептуса Механикуса.

— Техноадепт Оссио, — представил Хейрон. — Принадлежит к культуре Машины.

На Артемия поверх сложного дыхательного аппарата глядели немигающие глазные окуляры. Из-за спины техноадепта торчал мощный сдвоенный механодентрит — бесценный механический придаток, столь любимый приверженцами Бога-Машины.

Справа от инквизитора сидел ветеран Имперской Гвардии с изуродованным шрамами лицом. Он был почти таким же старым, как Маттий Хейрон, но куда более крепким.

— Генерал-майор Адам Гудвин, — назвал имя и звание сидящего инквизитор.

Старый ветеран встал, официально поклонился капеллану космодесантников и произнес:

— Прежде я служил в Сто двенадцатом Кадийском полку. Капеллан-дознаватель, мне доводилось сражаться бок о бок с Темными Ангелами. Почту за честь вновь биться вместе.

— Я слышал о вас, генерал-майор, — ответил Артемий. — Слава идет впереди вас. Но вынужден вас огорчить: во время нынешней операции ни с кем сражаться бок о бок мы не намерены. Инквизитор ошибается, если полагает, что я собираюсь облегчить его работу.

Генерал-майор взглянул на Хейрона. Тот, как будто не слыша, что сказал Артемий, продолжил:

— А это Орфия Ле-Гранж, — с гордостью представил он худощавую женщину средних лет, одетую в темно-фиолетовое. — Она из Адептус Астропатика.

Орфия сидела, прислонившись спиной к стволу дерева, и тасовала колоду карт. Капеллан-дознаватель явно ее не интересовал.

«Так вот как ему стало известно о наших целях. Должно быть, она покопалась в голове у комиссара или полковника».

Псайкер Ле-Гранж излучала силу. Артемий почувствовал тошноту, когда к нему в поисках бреши в психических защитах прикоснулся чужой разум. Она желала знать, зачем он здесь.

Мысли Артемия обратились к братьям-космодесантникам, которые были беззащитны перед такими вторжениями. Хотя ему претило скрывать правду от подчиненных, присутствие у Хейрона псайкера в очередной раз подтвердило, что он поступает правильно, соблюдая секретность.

«Скрытность порождает ложь. Но если бы братьям из Шестой роты было ведомо, кого мы разыскиваем, леди-псайкер в свою очередь узнала бы это от них. И всему Империи стало бы известно о позоре нашего ордена.

Нет. Мне доводилось видеть, как братья сражаются и умирают за то, о чем даже не догадываются. Надо спасти честь Темных Ангелов и навсегда смыть порочащее орденом пятно».

Артемий навел на псайкера болт-пистолет:

— Только попробуй влезть в мою голову, и все увидят, что внутри у тебя. Ясно?

— Ну что вы, капеллан-дознаватель, — покачал головой инквизитор и медленно поднялся со своего места. — В этом нет никакой необходимости. К тому же, — с усмешкой продолжил он, — неужели вы станете стрелять в единственного человека, способного помочь нам пробраться внутрь? Ни за что не поверю.

Долго ждать не пришлось.

У Артемия не было выбора. Из-под прикрытия окутанных полночными тенями деревьев он изучал громаду стены, ограждавшей Маракросс, и думал о том, что Хейрон говорил правду: единственную слабинку в обороне города можно было найти в мозгах самих защитников.

То есть в сфере, подвластной Орфии Ле-Гранж.

С неба струился серебристый свет луны. Из больших ворот шлюза в центре стены извергалась река Иммен. Тонны воды пенились и с ревом устремлялись в долгий путь — к столице и дальше. Казалось невероятным, что при таком количестве воды жители Скалы умирают от жажды. В обманчиво живительной влаге глаза не могли разглядеть инфекции — но на самом деле поток нес смерть.

И на всей стене тоже царил смерть. С высоких зубчатых бойниц на длинных ржавых цепях свисали сотни тел простых горожан. У многих высохших на солнце трупов не хватало голов, рук или ног. Гладкий белый камень стен окрасился буро-красными потеками.

Этой же самой кровью был намалеван отвратительный символ в нижней части стены — круг, пронзенный заостренными спицами, расходящимися из центра.

Звезда Хаоса.

Там были и другие знаки, большей частью Артемию незнакомые, но омерзительные — их принадлежность к темным богам варпа сразу бросалась в глаза. Один из символов привлек внимание капеллана, ибо неоднократно повторялся на стене: три вписанных в треугольник круга, соединенные двумя наклонными штрихами, и объявлявший все это круг побольше.

«Здесь видна рука служителей Нургла — бога болезней и разложения. Значит, с ним предатель заключил союз».

— Ну, так что? — прошептал стоявший за спиной Артемия инквизитор Хейрон. — Согласны? Только сотрудничая, мы сможем ворваться в город.

Артемий перевел взгляд на высокие зубчатые стены, гребни которых были увенчаны орудийными башнями с тяжелыми болтерами. В широкой зоне обстрела между лесом и главными воротами рыскали лучи прожекторов.

«Без больших потерь добраться до ворот не удастся. И потом, двери очень прочные. Если их не открыть со стороны города, пробраться внутрь не получится. Сколько мелта-бомб понадобится, чтобы прожечь дыру в пластах такой толщины? А у нас ни одной нет».

Уже в который раз Артемий пожалел, что с орбиты отбыл «Непреклонный», боевой крейсер Темных Ангелов. Арсенал лэнс-излучателей легко бы пробил в стене брешь.

Что ж. Другого выхода нет.

Придется воспользоваться замыслом инквизитора, Император его задери.

В неверном свете лампы, едва разгонявшем полумрак орудийной башни, сидел Масси ут-Хауда и вертел в руках пиктографию покойной жены. Вдруг затрещал и зашипел комлинк.

— Открыть ворота, быстро! — приказал пробивавшийся через статику голос. — Всем стрелкам спуститься вниз.

— От кого исходит приказ? — спросил кто-то по тому же каналу связи.

— От Властелина, идиот. Разве не видишь, что он направляется к воротам?

— Властелин? Правда? — взволнованно воскликнул ут-Хауда.

Ему очень хотелось лично повстречать Милосердного Бога. Иммунная система ут-Хауда, который родился и вырос в Маракроссе, всегда была слабой. И он заразился чумой раньше других. Болезнь пожрала плоть у него на лице, и молодая жена его бросила. Друг семьи пришел к нему и рассказал об одном человеке, который знал, как избавиться от напасти.

Чтобы спастись от неминуемой гибели, нужно всего лишь стать последователем Милосердного Бога. Ут-Хауда страшился смерти, а потому прислушался к наставлениям друга и обещал душу богу разложения, умоляя об избавлении. В конце концов, чего стоит душа? Жизнь можно прожить и почувствовать, а душа — субстанция неосязаемая.

Лицо его сделалось раздутым, странным и настолько отвратительным, что он вдребезги разбил все зеркала в доме. Но в то время как бесчисленные жертвы чумы со стонами и воплями умирали в лужах собственных испражнений, ут-Хауда продолжал существование. У него все зудело, чесалось, мокло и воняло, но он был жив.

Только одно печалило его: когда культ возвысился и захватил весь Маракросс, ут-Хауда, обуреваемый яростью и позором, убил жену и всю ее семью.

Он содрал с них кожу, сварил и съел с другими культистами.

Масси ут-Хауда поднялся со стула и заковылял к наблюдательному посту. Встал возле тяжелого болтера и пристально посмотрел вниз. В свете прожекторов, пронзавших ночную тьму, он увидел две медленно бредущие через зону обстрела фигуры. Одной из них был темный великан в броне со знаком проклятого орла лживого Императора, согнувшийся в три погибели и тащившийся, словно раненый.

— Смерть врагам великого Нургла! — воскликнул ут-Хауда, сердце его наполнилось презрением.

Позади этого великана шел второй. Он одной рукой приставил к спине пленника стрекочущее цепное лезвие, а другой толкал того вперед. И второй был именно таким, как представлял его себе ут-Хауда. Милосердный Бог во всем своем величии. Как он возвышался над имперским рабом! Каким казался могущественным, как сверкали в лучах прожектора его черные доспехи! Ут-Хауда почувствовал, как его омыло преобразующее присутствие властелина.

— Откройте ворота, мои верноподданные, — донеслось из устройства связи. — Я пленил сына ложного Императора. — Это был голос из снов ут-Хауды. Наконец-то обезображенному культисту предстоит встретиться с избавителем, спасшим его от болезненной и жуткой смерти. — Немедленно откройте, — снова прогремел чудный глас. — Этим вечером мы вместе надругаемся над плотью врага и разделаемся с ним.

Культисты с ближайших стен побросали посты и заспешили к воротам, стремясь скорее приветствовать спасителя. Ут-Хауда развернулся и со всех сил похромал вниз по ступеням башни, крича:

— Открыть ворота! Открыть ворота!

Спрятавшийся под покровом деревьев Артемий не сводил глаз с брата-сержанта Сириила и брата Фазтона, разыгрывавших свои роли. Наблюдавшие за развернувшимся действием Темные Ангелы напряглись, готовые покинуть укрытие и устремиться к воротам, как только спадет пелена навеянной псайкером иллюзии.

Рядом с Артемием стоял инквизитор Хейрон. Он с заметным беспокойством смотрел на Орфию Ле-Гранж. Леди-псайкер вводила в заблуждение сотню человек, ее вены вздулись от напряжения. Тонкие ручейки крови струились из носа и ушей женщины. Еще немного... Помогало то, что культистам самим хотелось поверить в обман. Только бы Орфии удалось завести двух космодезантников за ворота...

Артемий положил руку на защищенное доспехом плечо инквизитора:

— Они проникли туда, — прошептал он.

Теперь все зависело от двух отважных Темных Ангелов.

В тот миг, когда Милосердный Бог вошел в ворота следом за пленником, собравшиеся культисты повалились на колени и прижались к земле лбами, покрытыми струпьями. Каждому не терпелось взглянуть в лицо Властелина, но ни один не решался без позволения поднять глаза.

И все-таки что-то было не так.

Лежа ниц, ут-Хауда ощутил, как изменилось что-то трудноуловимое. Он не понял, когда именно это произошло, но чувство сакрального присутствия исчезло. Уже не испытывая прежнего благоговейного страха, он поднял обезображенное лицо над рокритом. И уткнулся взглядом в широкий ствол болт-пистолета.

— Я под защитой, — заявил культист возвышавшемуся над ним громадному имперскому рабу. — Милосердный Бог даровал мне бессмертие.

— Давай-ка это проверим, — прогремел брат-сержант Сириил.

И кругом воцарилась смерть.

— Сделано! — рявкнул Артемий, сообщая информацию по всем каналам связи. — Вперед, братья мои!

Темные Ангелы выскочили из-под прикрытия деревьев и устремились к распахнутым воротам. Артемий бросился вперед, и его башмаки застучали по иссушенной земле. Воздействие псайкера распространялось только на тех, кто находился в непосредственной близости от ворот. Теперь уже слышались выстрелы, скоро орды предателей заполнят улицы. Да будет так! Космодесантники отдают предпочтение решительному бою. Хитрости и уловки пристали лазутчикам и наемным убийцам. В оставшиеся ночные часы преимущество будет на стороне Астартес. С помощью генетически модифицированного зрения, усиленного визорами шлемов, они видели погруженные во мрак улицы так же ясно, как днем.

Когда последний Темный Ангел оказался внутри городских стен, Артемий решил было отдать приказ закрыть ворота. Проще всего гарантировать невмешательство инквизитора — оставить его за пределами города. Но стоило капеллану повернуться, как он тут же увидел Хейрона, который в сопровождении свиты уже входил в ворота. Генерал-майор Гудвин тащил на спине выдохшуюся леди-псайкера Ле-Гранж.

Артемий выругался.

— Среди членов культа, — заметил инквизитор, взглянув на груды оставленных Сириилом и Фаэтоном тел, — свирепствуют самые ужасные мутации, — и он отпихнул с дороги обезглавленный труп, семипалой рукой сжимавший пиктографию улыбающейся женщины. — Сейчас, когда мы наконец проникли в город, какими будут ваши предложения, капеллан-дознаватель?

Темные Ангелы заняли позиции, прикрывая отряд. Брат-сержант Огион запечатал ворота, уничтожив механизм управления. Теперь никто не сможет ни войти, ни выйти.

— Инквизитор, я предлагаю разделиться, — ответил Артемий. — Займитесь поисками вашей цели без нас, я же буду искать свою. Благодарю за помощь псайкера.

— Ну уж нет! — улыбнулся Хейрон. — Наконец-то я решился пробить брешь в стенах Маракросса, и это удалось исключительно благодаря вам. Выжить здесь мы так же сможем лишь под защитой космодесантников. Само собой, я намерен остаться с вами. Боюсь, вам, капеллан-дознаватель, теперь от нас не отделаться. Если только вы не пойдете на государственное преступление и умышленно не убьете имперских верноподданных.

«Не искушай меня, Хейрон. Если будешь ходить за мной по пятам, твои люди погибнут. Как только кто-то узнает о моей цели — его настигнет заряд болтера. Инквизиция никогда не сможет доказать свои подозрения».

Псайкер Ле-Гранж, которая все еще покоилась на спине ветерана-гвардейца, шевельнулась и произнесла:

— На противоположном конце города я ощущаю присутствие. Темное, тошнотворное и ужасное.

Только это Артемию и было нужно.

Темные Ангелы быстро тронулись в путь.

«Все так, как ты говорил, Корвус. Здесь мы его и догоним. В конце концов предателя постигнет кара».

По разрушенным улицам Маракросса гуляло эхо, повторявшее сигналы тревоги, а Темные Ангелы перебежали от укрытия к укрытию, ища в темноте малейший намек на движение.

Многие здания были выщерблены оружейным огнем. Без сомнения, Прето Маракросс бились храбро. Но тот, кто возглавлял предателей, десять тысячелетий упражнялся в военном искусстве. Борьба получилась отнюдь не равная.

На главных улицах угловые здания уцелели лишь наполовину. Обрушившиеся фасады были свидетельством жестокости развернувшейся здесь борьбы. Некоторые дома превратились в обугленные руины, но дым еще поднимался в небо.

Артемию знал, что в первую очередь враг должен был уничтожить все объекты Прето. Если бы хоть один из этих объектов получал сводки разведки, за Темными Ангелами следили бы даже сейчас.

Улицу позади отряда осветила вспышка, за которой последовал оглушительный грохот разорвавшейся крак-гранаты. В то время как остальные десантники двигались вперед, братья Фракий и Марод установили между зданиями растяжку. Толпа культистов, шедшая по следу отряда, на собственной шкуре прочувствовала, насколько это неразумно — пытаться напасть на Темных Ангелов сзади.

Артемию оглянулся. Его колонна двигалась быстро, но инквизитор со свитой, хоть и с превеликим трудом, но не отставал.

Генерал-майор Гудвин передал измученную леди-псайкера великану Клеггу бб, но монстр на бегу так прижал свою ношу острыми когтищами, что несколько царапин на спине женщины уже кровоточили.

Артемию вздохнул и по каналу связи отдал распоряжение брату-сержанту Сириилу:

— Поручи одному из братьев взять псайкера, пока она не умерла на спине аркофлагелланта от потери крови.

— Будет исполнено, капеллан-дознаватель, — ответил Сириил.

От колонны отделился брат Ольтос и побежал назад. Он забрал ношу у Клегга бб, устроил ее у себя на плечах и снова вернулся на свое место.

Как любой густонаселенный город, Маракросс представлял собой лабиринт, некогда сбивавший с толку приезжих. На улицах и перекрестках валялись кости убитых жителей. В неподвижном ночном воздухе чуть колыхались знамена из драной человеческой кожи, расписанной отвратительными символами. Стены повсюду были испятнаны кровью.

В воздухе смердело мертвечиной, роились мухи.

Артемий держал в памяти сделанные с орбиты снимки, которые видел раньше на инфопланшете. Он безошибочно вел отряд к противоположной от ворот стороне города, а за космодесантниками в окружении свиты поспешал инквизитор. На расстоянии грохот водопада казался нескончаемым шумом, усиливавшимся по мере приближения.

Труднее всего было пересекать мосты и широкие перекрестки. Ауспик Артемия предупреждал о культистах, которые заняли возвышавшиеся над улицами здания.

«Снайперы на верхних этажах и крышах. Разграбили оружейные склады».

На первом простреливавшемся перекрестке Артемий приказал Сириилу и Огиону уничтожить четыре засады, по две на брата. После он повернулся к инквизитору и объяснил:

— Чтобы пересечь это широкое пространство, нужно прежде снять стрелков. Я хочу, чтобы и вы, и ваша свита ради безопасности не высывались, пока мои братья не освободят дорогу.

— Пустая трата времени, — ответил Хейрон. — Гудвин и Оссио — обладатели аугментических глаз, они отменно стреляют. Почему бы не использовать для борьбы с их снайперами наших снайперов?

— Я считаю, инквизитор, что эта операция всецело в ведении Темных Ангелов. Я не стану приказывать вашим людям, я только прошу держаться в безопасности. Если вы хотите, чтобы ваши бойцы вызвали огонь противника на себя — я не буду возражать. Они по крайней мере послужат приманкой. Вам так хочется пожертвовать двумя вашими людьми?

Инквизитор замялся.

— Думаю, едва ли, — продолжил Артемий. — Пусть со снайперами разберутся Темные Ангелы. К тому же вашим сопровождающим нужно отдохнуть.

— Не стоит относиться к нам так пренебрежительно, капеллан-дознаватель, — огрызнулся Хейрон. — Мы вам еще покажем, уверяю вас.

Но Артемий уже отдавал приказы космодесантникам.

Брат Метандес обладал столь примечательным телосложением, что не заметить его было просто невозможно — даже по меркам Астартес он считался великаном. Медленно, но без страха он поднимался по каменным ступеням, помня о возможных опасностях и западнях, которые могли помешать выполнению задания.

Дважды Метандес замечал тонкую железную проволоку, натянутую поперек лестницы, — он осторожно переступал через нее и шел дальше. С улицы разбитые окна заливал неверным оранжевым светом одинокий гудящий фонарь. В какой-то миг на стене высветилась тень Метандеса, затем фонарь моргнул и погас.

Космодесантник добрался до верхней площадки, шагнул к единственному дверному проему и взгляделся в большую комнату. Несмотря на то что в помещении было совершенно темно, своим острейшим зрением Метандес тут же разглядел снайпера. И еще много чего.

У двери противник разбросал осколки стекла, чтобы никто не застал его врасплох. Снайпер явно не принадлежал к числу культистов-горожан, он скорее всего был предателем из Прето.

Метандес замер в ожидании условного сигнала.

Пора!

Когда посреди перекрестка внизу разорвалась крак-граната, черные стены на мгновение осветились ярким белым огнем.

Вспышка ослепила снайпера, он отшатнулся от окна, закрывая глаза руками.

Метандес бросился вперед и вонзил пилообразное лезвие кинжала для ближнего боя в спину культисту. Когда великан-космодесантник выдернул нож, снайпер оказался рассечен почти надвое.

Тело не успело упасть на пол, а Метандес уже отбросил кинжал и вскинул болтер. Гололитический визор-дисплей выдал увеличенное изображение крыши здания на другой стороне улицы.

Там сидел второй снайпер, он еще тряс головой, силясь вернуть зрение. Болтер Метандеса сердито громыхнул один раз, и голова культиста взорвалась, плеснув темным жидким месивом.

— Западный угол очищен. Северный угол очищен, — отчитался в комлинк Метандес.

— В южном чисто, в восточном тоже, — протрещал комлинк другим голосом.

— Хорошая работа, — отозвался капеллан-дознаватель. — Сверьтесь со сканерами. К нам движутся толпы культистов. Я хочу, чтобы вы оказали нам огневую поддержку сверху. Фраг-гранаты — на ваше усмотрение.

— Есть, брат, — ответил Метандес. Он подобрал кинжал, спрятал в ножны, затем проверил магазин болтера.

Внизу ревела приближавшаяся к перекрестку толпа. В свете факелов орали и хохотали уродливые перекошенные физиономии. Одержимые жаждой крови, безумцы падали в воздух и напрасно тратили боеприпасы. Некоторые еретики несли жуткие знамена из человеческой кожи.

Метандес уперся ногой в подоконник, прицелился и прошептал:

— Да познают они ярость Его. О Лев, направляй мои болты! Позволь поразить врага во имя Его.

Болтер космодесантника принялся сеять смерть.

Темные Ангелы продвигались вперед, их вел капеллан-дознаватель, ориентировавшийся по картам на инфопланшете. На каждого Астартес приходилось по тысяче врагов, и отряд неминуемо нес потери.

Киррис и Ланидей своими телами закрыли братьев от культистов-смертников, обвязавшихся мелта-бомбами — но дорого продали свои жизни. Храбрые космодесантники оттеснили смертников назад. Взрывами убило сотни еретиков, а Астартес живьем изжарились в раковинах доспехов. Подвиг двух братьев спас орден от куда более многочисленных жертв. Оставшиеся в живых космодесантники бросились на культистов и заставили их заплатить за гибель друзей. Затем аптекарий Таррос с чувством глубокого уважения удалил у павших братьев прогеноиды. Артемий вверил две отважные души бессмертному Императору.

— Все павшие во имя Его погибли не зря, — сказал он космодесанникам, салютовавшим героям. — Огион, спрячь тела. Когда все закончится, мы заберем их и похороним в Башне Ангелов.

Во время стычки на большой базарной площади брат Ольтос, прикрывая отступление спутников инквизитора, пал жертвой плотного лазерного огня. Темные Ангелы жестоко отомстили убийцам. Даже Хейрон с неприязнью воспринял зверство космодесантников.

Псайкер Ле-Гранж опустилась на колени над телом Ольтоса, оплакивая того, кто нес ее, обессиленную, на своих плечах.

Его больше нет.

Инквизитор мягко увлек Ле-Гранж прочь от тела.

Темные Ангелы не могли позволить чувству печали помешать их дальнейшему продвижению. Напротив, они раскрыли сердца и мысли вопиющему гневу и набросились на врага с еще большей яростью.

Скорость и свирепость космодесантников поражала инквизитора Хейрона. Его свита билась рядом с Астартес, но лишь один из его сподвижников, безмозглый Клегг бб, мог сравниться с ними по числу сраженных противников.

Аркофлагеллянт бросился в гущу мутантов-культистов, повинувшись единственному слову, произнесенному Хейроном. Он не замечал порезов и пронзавших его бледное тело пуль. Клегг бб бился молча, острыми как бритвы адамантиновыми когтями он косил ряды проклятых и швырял растерзанные тела врагов своего хозяина высоко в воздух.

Когда ночь уступила место зарождающемуся дню, Астартес наконец вышли из лабиринта городских улиц. Они добрались до водопада Маракросса.

Артемию показалось, что он способен носом учуять врага — такое тошнотворное зловоние отхожего места висело в воздухе.

— Инквизитор, — позвал он Хейрона. Они вместе притаились в тени разрушенного склада. Артемий медлил, ожидая, пока запыхавшийся старик переведет дыхание. Прямо перед ними вздымалась к небесам громадная белая стена маракросской плотины.

— Ну и ну, — удивился Артемий.

Инквизитор Хейрон безмолвно кивнул, соглашаясь с ним.

Гигантская вогнутая поверхность поднималась на два километра до самой вершины нагорья. Где-то на высоте трети плотины, в семистах метрах над землей, из стены выдавались сливные трубы, изрыгавшие тонны белой пенистой воды. Водопад с грохотом обрушивался в рукотворное озеро, над поверхностью которого стлался, выползая на рокритовую набережную, прохладный влажный туман.

От озера расходились каналы, на многих шлюзы были закрыты по причине засухи. Их полагалось открывать в другое время года, чтобы вода не подмывала искусственные берега. У озера стояло множество складов и мануфактур, на северо-западе над ними возвышалась громада гидроэлектростанции, на юго-востоке — оскверненный храм Императора.

Артемий заметил, как от гнева зарделось лицо инквизитора, когда тот увидел, что сотворили со Священным Домом Императора культисты. С каменного фасада здания они оторвали золотого орла. Он валялся на земле, весь в экскрементах, над которыми с жужжанием вились тучи жирных мух.

На месте орла теперь висел отвратительный знак Хаоса, сделанный из связанных окровавленной колючей проволокой человеческих костей и украшенный выбеленными солнцем черепами. С многочисленных спилей храма сотнями свисали высохшие тела жертв Маракросса.

— Наше путешествие подошло к концу, — проговорил Артемий. — Инквизитор, я должен повторить свое предупреждение. Необходимо, чтобы вы не вмешивались в дела Темных Ангелов.

Хейрон не успел ответить — заговорила Орфия Ле-Гранж:

— Господин, оно здесь: присутствие темное и ужасное.

Женщина была бледна. Ее руки дрожали.

— Разве мы сейчас не вместе, Астартес? — спросил Артемия старый инквизитор. За жутким шлемом в форме черепа не было видно лица капеллана-дознавателя, но ощущалось его напряжение.

— Нечто противоестественное, — прошептала леди-псайкер, — окутанное абсолютным злом, — она задыхалась и вертела головой во все стороны, будто отчаянно разыскивая что-то. — Оно смотрит на нас прямо сейчас!

Хейрон обнял Ле-Гранж облаченными в доспехи руками и сказал:

— Иди с Темными Ангелами. Среди них ты не падешь духом.

Артемий не произнес ни слова.

Шаткой походкой леди-псайкер вернулась в строй.

«Она к этому не готова, — сказал про себя Хейрон. — Здешнее зло ошеломило ее».

— И вы должны последовать собственному совету, инквизитор, — заявил капеллан-дознаватель. — Встаньте среди космодесантников. Сражайтесь вместе с ними. От этого зависит, выживите вы или нет.

Артемий разгадал план врага: добыча устроила для охотников западню. Предатель избрал для сражения именно это место, он знал, что Темным Ангелам придется отступить прямо к кромке воды. Больше отходить было некуда. Показания ауспика говорили о массированном биологическом заражении, стягивавшемся сюда со всех районов города. Сейчас, когда в свете дня Астартес лишились преимущества ночного зрения, пришлось дать приказ к открытому наступлению.

«Я один должен противостоять предателю. Только я могу спасти орден. Братья будут прикрывать мою спину. А инквизитор со свитой пусть займется толпой безумцев».

Глупо было играть по навязанным предателем правилам и сражаться на набережной. Боеприпасы кончались, поблизости не наблюдалось никакого укрытия, откуда можно было бы вести боевые действия против такой массы врагов.

— Братья! — передал по воксу Артемий. — Рабы Хаоса наседают и дышат нам в спину. Двигайтесь парами, прикрывайте друг друга. Командирами назначаю братьев-сержантов Сириила и Огиона. Пусть каждая пара займет позицию где-нибудь на крышах или на высоко расположенных балконах близлежащих зданий. Старайтесь заманивать врага в узкие проходы и уничтожать гранатами.

— Есть, капеллан-дознаватель, — хором ответили братья-сержанты.

— Я должен выполнить порученное мне дело. Прикройте меня. Ни один пес-еретик не должен прошмыгнуть мимо вас, чтобы ударить мне в спину.

Гиганты в темно-зеленых доспехах склонились перед предводителем.

— Император смотрит на нас, — продолжал Артемий; он говорил и чувствовал, как его охватил пыл праведного рвения. — Подле нас выслеживает свою добычу Лев. Клыки его готовы вонзиться,

когти — рвать. Вы — эти клыки. Вы — эти когти. Да наполнит вас Императорский гнев! Пусть каждый из вас обернется ураганом смерти и обрушится на врага во имя Его!

— Во имя Его! — отозвался хор голосов.

— Благословляю ваше оружие, братья.

Тут Артемий обратился к инквизитору:

— А вы прячьтесь, ибо начинается настоящая битва.

«Не вынуждай меня убивать тебя, Хейрон. Не пытайся мериться со мной силой воли».

Из-за спины Артемия, перекрывая грохот водопада, доносились вопли гибнущих культистов, раскаты взрывов гранат, непрерывный низкий рык болтеров космодесантников. Братья расправлялись с ордой Хаоса. Но несмотря на жуткую какофонию, все органы чувств Артемия сфокусировались, подобно лазеру, на существе, которое надвигалось на него из распахнувшихся двустворчатых дверей оскверненного храма.

— Что ж, наконец ты догнал меня, маленький брат, — прогрохотал монстр. Голос исходил вовсе не из месива изуродованного лица, на котором не было даже челюстей, а из динамиков вокса, вмонтированных в выдавший виды силовой доспех. Даже усиленный электроникой, голос казался сиплым и больным. — Мне пришлось ждать тебя на этой планете всего лишь, ох, около года.

— Я почти настиг тебя на Трантефе V, — ответил Артемий. У него внутри все клокотало от ненависти, которую он испытывал к этой греховной твари. — Если бы ты тогда не взорвал мост...

На фоне пенящихся потоков воды они сошлись лицом к лицу.

Артемий был рослым, но предатель — еще выше.

«Борролет Осквернитель. Борролет Падший. Предатель-капитан, раб Нургла Нечистого. Теперь-то тебе конец!»

Из-за высоких скал взошло солнце и высветило стоявшее перед Артемием существо во всех жутких подробностях. Космодесантник Хаоса был облачен в черный, испещренный пустулами и нарывами керамит — будто твердый материал страдал от той же болезни, что разъедала гниющую харю существа.

Плечи и колени Борролета украшали зловеще ухмыляющиеся морды, вырезанные из костей его жертв. Некоторые кости принадлежали Астартес, братьям Артемия.

С плеч монстра свисал плащ из человеческой кожи — сшитых воедино лиц, содранных с убитых.

— Тебе нравится мой вид, как я погляжу! — расхохотался Падший.

«Я должен попытаться. Это мой долг. Если я заставлю его раскаяться, не исключено, что он приведет нас к остальным. Быть может...»

— Твой вид печалит меня и вызывает отвращение, — ответил Артемий. — Когда-то ты был избранным сыном самого Императора. Ты стоял подле Льва, примарха. Твои деяния сияющими буквами записаны в анналы нашего ордена. Как ты дошел до такого? Как мог пасть столь низко?

И вновь динамики вокса воспроизвели странный влажный смех:

— Хочешь, чтобы я раскаялся? Я вижу черные жемчужины у тебя на розариусе. Представляю, сколь велико твое желание добавить к ним новые! Оно сжигает тебя. Не такие уж мы разные. Меня тоже обуревают желания.

— Чего может хотеть такое несчастное существо, кроме как вернуться к Священному Императору? Разве ты не желаешь согреться Его прощением? Падший, ты можешь спастись. Я предлагаю тебе это.

Предатель-космодесантник нахмурился, выгнув бровь, и несколько жировых пустул у него на лбу брызнули отвратительной жижей. Гной медленно стекал по его изуродованному лицу.

— Прощение? За что? За то, что я выжил? Когда Калибан уничтожили, меня закинуло в варп с единственной перспективой погибнуть в зубах ужасных тварей. Но Владыка Распада отыскал меня, спас и даровал удивительные способности. Пока ваш фальшивый бог жадно ловит каждый вздох и с трудом поддерживает в себе жизнь с помощью машин и жертвоприношений, Повелитель Распада пожаловал мне бессмертие. Я прожил десять тысяч лет, и еще столько же готов посвятить разрушению твоего дражайшего Имперума! Даже сейчас Темные Ангелы утопают во лжи, а ты разглагольствуешь о свете и искуплении. Лицемер! Твои братья гибнут у тебя за спиной, не зная правды. Вина точит тебя, пылает в твоем сердце, сжигает живьем. Тебе надоел бессмысленный фарс, не так ли? Сколько еще смогут Азраил и Изекиил продлевать этот подлый обман?

«Я не могу позволить, чтобы его слова проникли в меня. Он просто хочет подчинить мою волю. Нельзя слушать...»

Зловонный великан посмотрел вдаль, за плечо Артемия, и снова захохотал. Отсмеявшись, он произнес:

— А вот еще один, живущий во лжи. Еще один лицемер. Жалкий пес, алчно глотающий блевотину вашего убогого, обгадившегося Императора.

Артемий услышал шаги нескольких пар ног, ступающих по рокриту. Не оборачиваясь, он уже знал, что это приближается инквизитор со свитой.

— Значит, вот кого вы разыскивали, капеллан-дознаватель, — произнес Хейрон.

— Добро пожаловать на наше маленькое семейное собрание, — прогремел Борролет.

За спиной инквизитора бурно вытошнило Ле-Гранж, она была не в силах вынести пагубную ауру космодесантника Хаоса. Техноадепт Оссио не мог даже поднять глаза на возвышавшуюся перед ним омерзительную тварь.

— Семейное собрание? — переспросил инквизитор Хейрон и посмотрел на Артемия.

Артемий с отвращением увидел, как лишившийся челюстей предатель силится улыбнуться.

«Инквизитор, время вышло. Я предупреждал: не вставай у меня на пути. Этот предатель нужен мне живым. Все остальное не важно. Лучше бы ты остался среди моих братьев».

Артемий стремительно бросился вперед, кулак метнулся к лицу предателя. Борролет подставил тяжелое бронированное предплечье и, отразив первую атаку Артемия, нанес сильный встречный удар в защищенный доспехами живот космодесантника. Астартес опрокинуло назад, но он успел выбить ногой оружие врага, и оно, лязгнув по рокриту, упало с набережной в озеро.

Утрата древнего болтера взбесила предателя, он яростно взвыл. Его вопль напоминал звук скрежещущего металла. Он двинулся на Артемия и занес ногу в тяжелом сапоге, собираясь опустить ее на шлем в форме черепа.

Но тут Падшему в плечо угодил лазерный луч. На таком близком расстоянии он пробил черный керамитовый доспех и насквозь прожег источенную болезнью плоть. Предатель покачнулся.

Артемий услышал, как шипит, остывая, лазпистолет Хейрона.

Борролет еще раз взвыл и, развернувшись, со всех ног бросился к дверям оскверненного храма. По приказу Хейрона спутники инквизитора устремились в погоню за монстром.

— Нет! — рявкнул Артемий.

Он вскочил на ноги и побежал следом, но лишь только разделявшее их расстояние стало сокращаться, из воды вынырнула огромная туша и едва не сбила его наземь.

Артемий отскочил, кувырнулся и снова поднялся на ноги, выхватив болт-пистолет. Затем хлопнул перчаткой по груди и активировал висевший на шее генератор конверсионного поля — священный розариус.

Прямо перед ним на рокритовой набережной корчилось и извивалось нечто распухшее и настолько отвратительное, что по мерзости своей могло поспорить даже с Борролетом Падшим.

Жирное белесое тело длиной более тридцати метров было членистым, как у гигантской личинки жука. Каждый мясистый сегмент окружали краснотелые пасти, брызжащие потоками зловонной жижи. Там, куда попадала коричневая жидкость, пузырился и шипел рокрит.

«Так вот он какой, источник чумы в Скале!»

Артемий попытался обежать эту тварь, стремясь не позволить инквизитору начать разговор с Падшим, но маневр не удался: белесое существо не давало ему пройти и каждое его движение встречало потоками отвратительной рвоты.

Артемий выстрелил в жирную тушу из болтера. Снаряды впились в мягкое тело, оставив несколько дыр размером с кулак, но тварь продолжала корчиться и блевать, не пуская Темного Ангела к Падшему, хоть рты ее и вопили от боли высокими душераздирающими криками.

«У меня нет времени искать дорогу в обход. Сейчас посмотрим, как тебе понравится это».

Артемий снова и снова палил в толстое тело, группируя выстрелы так, чтобы в бледной плоти образовалась одна громадная кровавая дыра. На землю хлынули потоки крови, смешавшиеся со зловонными коричневыми выделениями.

Артемий отцепил от пояса фраг-гранату, выдернул чеку и швырнул прямо в зияющую рану.

Разгадав его намерения, чудовище принялось лихорадочно сокращать грузное тело, пытаясь зачем-то подкатиться к Артемию. То ли хотело раздавить, то ли надеялось, что и капеллана зацепит взрывом.

Но тварь была слишком медленной и опоздала.

Раздался приглушенный удар, и туша распалась на две половины.

Артемий бросился наземь.

Отвратительная зловонная жижа, забрызгавшая его доспех, с шипением испарялась. У Артемия не было времени беспокоиться о том, насколько это опасно. Существо все еще оставалось живым — вернее, теперь их стало два, и каждое корчилось и пронзительно вопило.

Артемий ринулся в пробитую брешь — быстро, насколько мог, чтобы враг не успел достать его своими плевками.

Всего за несколько секунд он добежал до дверей храма. И ворвался внутрь.

«Только бы не опоздать».

Увидев представшее его глазам зрелище, он застыл как вкопанный.

Яркий солнечный свет лился сквозь дыры в высоком куполе и разбитые, некогда причудливые, витражи. Каменный пол был усыпан обломками деревянных скамей. В воздухе искрились и плясали пылинки.

В золотистых солнечных лучах стоял, тяжело дыша, инквизитор Маттий Хейрон. Он прижимал к шее космодесантника Хаоса рокочущий силовой меч.

В нескольких метрах от Артемия перед инквизитором стоял коленопреклоненный Борролет. Из страшных рваных дыр в древней броне потоками текла кровь. Лоскутами свисала срезанная со щек плоть.

«Как же им удалось?..»

И тут Артемий увидел это.

Клегг 66, могучий аркофлагеллянт инквизитора, медленно умирал на полу — жизнь красными потоками выплескивалась из ужасных ран.

Оссио, приверженец Бога-Машины, в ходе сражения лишился всех аугментов. Его механические и биологические составляющие были далеко разбросаны по плитам пола.

Гвардеец-ветеран вообще куда-то запропастился.

Псайкер Ле-Гранж с закотившимися глазами неподвижно лежала на спине, ее кожа обесцветилась в местах, где кровеносные сосуды полопались во время психического штурма предателя.

Артемий снял с головы шлем в форме черепа. Посмотрел инквизитору в глаза. И не заметил в них ни торжества победы, ни злорадства. Лишь горечь, сожаление и ненависть.

«Ненависть к кому?»

— И так, — сквозь зубы проговорил Хейрон, — Инквизиция выполнила то, чего не смогли добиться Темные Ангелы. Похоже, что у меня на руках все карты, капеллан-дознаватель. Хотелось бы мне, чтобы мы с вами оказались союзниками. Как бы там ни было, книга теперь достанется Ордо Маллеус. Пришла пора объяснить мне, что связывает Темных Ангелов с этой тварью.

«Он считает, что мы разыскиваем книгу?»

— Какая такая книга?

— Продолжаете играть в игры? Книга принадлежит Инквизиции, и вы это видите. «Либер Нефестум» Молхоя представляет великую ценность для сил Хаоса. Во славу Золотого Трона мой орден обернет эту силу против них же.

Из единственного уцелевшего динамика на груди предателя снова раздался монотонный смех.

— Он полагает, ты явился за книгой, — пробулькал Борролет. — Подари мне жизнь, инквизитор, и я дам тебе книгу и много чего еще. Я расскажу о Темных Ангелах. Ты думаешь, они еретики? О, позволь мне поведать тебе их сокровенные тайны.

«Выходит, брат Корвус, теперь я должен сделать выбор, о котором ты меня не предупредил. Теперь мне самому предстоит решить, какой тропой идти. Меня вынуждает к этому наша тайна. Так кто же: предатель или старый глупец?»

— Откуда тебе могут быть известны сокровенные тайны Темных Ангелов, коварный пес? — спросил Хейрон.

Ответа инквизитору так и не удалось услышать.

Своды оскверненного святилища эхом повторили мощный хлопок выстрела.

Колокольчиком звякнула, упав на плиты пола, одна-единственная толстостенная латунная гильза.

В лицо инквизитору Хейрону плеснуло кровью. Старик ахнул и затряс головой, пытаясь очистить глаза.

Там, где была уродливая харя Борролета, остался небольшой кусок плоти и торчал наружу голый хребет. Мертвый космодесантник Хаоса качнулся вперед и рухнул.

«Простите меня, братья. Я не мог выстрелить в инквизитора. Я ненавижу его, но не могу еще сильнее запятнать нашу честь его убийством».

Вот и все. Закончились долгие годы поисков, годы одержимости. Больше не было Борролета Осквернителя, Борролета Падшего, капитана-предателя.

Артемий развернулся и широким шагом вышел из храма. Необычайно тяжелый священный розариус давил на шею. Две черные жемчужины, которые он уже заслужил, насмехаясь, подмигивали ему в лучах солнца. За его спиной в гневе неистовствовал Хейрон.

— Капеллан-дознаватель, это только начало! Я задействую все возможности Инквизиции и разберусь с вашим орденом. Если вы замешены в ереси, я это раскрою. Слышите? Даю вам слово, Астартес.

«Держи свое дурацкое слово при себе».

После операции на Кордассе из двадцати Темных Ангелов в живых осталось семнадцать. Погибли братья, которых Артемий знал всю жизнь. Этих героев похоронят в Башне Ангелов, где их имена вместе со многими другими впишут в Книгу Памяти и Чести.

Несмотря на то что Маракросс был освобожден, Артемий не мог считать операцию победной.

Он сдержал клятву, данную полковнику Кордассанской Гвардии ут-Халарру. Темные Ангелы уничтожили нечестивое исчадие Хаоса, отравлявшее воды Иммена. Они сожгли его вопившее и изрыгавшее яд тело прометием.

Вернувшись в Скалу, Артемий узнал, что полковник ут-Халарр умер от ранения в голову. Комиссар Брантин похоронил своего друга и товарища. Город был окружен легионами предателя, но когда чума окончилась, а воду из реки снова стало можно пить, защитники города воспрянули духом. Кордассанские гренадеры окопались и подготовились к длительной борьбе.

Хейрон не забыл о нечестивой книге и продолжал ее искать, ибо был уверен, что она спрятана где-то в Маракроссе. Из его свиты уцелел только генерал-майор Гудвин, который в последней битве остался с Темными Ангелами. Хейрон теснил врага, чтобы выиграть время для поисков проклятой «Либер Нефестум».

Канонерский катер космодесантников взмыл над космодромом Скалы, направляясь на стыковку с «Непреклонным», крейсером Темных Ангелов. Артемий собирался с мыслями, готовясь объяснить свою неудачу братьям Крыла Смерти.

«Сколько тайн мог бы разгласить Борролет под Лезвием Убеждения! Скольких Падших мог бы нам выдать! Император, упаси нас от вмешательства окаянной Инквизиции!»

Артемий взглянул на Астартес, которые сидели и молчали, погружившись в свои мысли. Он не мог им рассказать, ради чего погибли их братья. Это могли знать лишь воины Крыла Смерти. А

оставшиеся в живых космодесантники вновь безропотно ринутся в бой, пройдут сквозь ад по приказу великого магистра, и им не надобно другого объяснения, кроме возможности с честью послужить ордену.

«Вот что значит быть Темным Ангелом».

Си Эс Гото

ВИНДИКАР

Камень царапнул по бедру, оставив длинный порез на синтекоже, обтянувшей тело подобно пленке. Под облегающим комбинезоном из ранки выступила кровь, но девушка не обратила на это внимания. Налетел легкий, холодный ветерок, заиграв с покрывавшими ее одежду капельками предутренней росы, и по крепкой, мускулистой девичьей фигурке покатались бесшумные ручейки. Она чуть сместила точку опоры, чтобы дать передохнуть затекшей ноге, и прижалась спиной к сырой каменной поверхности. Это движение заставило сорваться небольшой камушек, устремившийся вниз, к земле, и оставивший за собой едва заметный след пыли, засверкавшей в рассветных лучах. Нийя затаила дыхание, мысленно проклиная саму себя: оплошность, недостойная даже новичка. Но вокруг не было никого, кто заметил бы ее промах, и девушка перевела дух, сбрасывая овладевшее ею напряжение.

Встающее над горизонтом солнце принесло с собой долгожданное тепло, в котором очень нуждались ее мышцы. Оно согрело тело и сделало вынужденное одиночество куда более терпимым. Энергия солнца активировала химические процессы в ткани облегающего комбинезона, позволяя одеянию размять заочневшие конечности, вернуть подвижность суставам и обеспечить тело питательными веществами. Не ведающему сна убийце утро приносило долгожданный, освежающий отдых. Сохраняя почти полную неподвижность, Нийя торчала в этой расселине уже целых шесть дней, с той самой минуты, как подразделения Имперской Гвардии отправились сражаться с врагом. Она ждала.

Бахжахаин, эльдарская армия Режущего Ветра, Буря Мечей, обрушилась на Орфеанскую Тройню семью днями ранее, стремительной волной прокатилась по всей планете и загнала последних уцелевших имперских граждан в Праведный IV — гигантский город-улей, уходивший глубоко в недра планеты и в то же время пронзавший своими шпильями облака. Воздвигнут он был в длинном, глубоком ущелье, отвесные стены которого обеспечивали ему природную защиту сразу с трех направлений. С юга к городу вела лощина, усеянная гигантскими монолитами, оставшимися стоять подобно сталагмитам после того, как пронесшиеся по поверхности Орфеанской Тройни свирепые ветры проложили этот канал.

Некоторые из этих огромных камней руками скульпторов были превращены в памятники великим воинам, принесшим свет Императора на эту планету. Монумент, посвященный самому Орфеану, изображал героя устремленным вперед, с эффектно вознесенным к небу тяжелым двуручным мечом. По преданию, первопроходец и полководец взял это оружие из мертвых рук эльдарского воина — одного из тех немногочисленных ксеносов, которых пришлось уничтожить, чтобы очистить планету и ввести ее в состав великого Империиума Человечества. Пьедестал статуи украшали слова отважного отца-основателя: «Никогда более мы не потерпим осквернения Орфеанской Тройни ксеносами».

Местные легенды гласили, что Орфеан сошелся в бою один на один с последним эльдаром этого мира, отвечая ударом на удар, прежде чем вонзить свой клинок в шею чужака и перерубить тому позвоночник. Когда существо упало на снег, оно успело прохрипеть почти неразборчиво: «Я не последний». Орфеан же только посмеялся над самоуверенной угрозой эльдара и лишил его головы... а заодно и меча.

Теперь же выходило так, что ксенос не слишком-то и ошибался. Он и в самом деле оказался не последним. Прошло уже много веков, но эльдары в конце концов возвратились на Орфеанскую Тройню, и на сей раз куда более многочисленными силами. Армия Режущего Ветра с искусственного мира Биэль-тан обрушилась на поверхность планеты пылающим, сметающим все на своем пути вихрем, легко подавив то жалкое сопротивление, которое пытались оказать мирные поселяне, а затем устремилась к столице. И вот теперь, по прошествии уже шести дней войны, воины Режущего Ветра подобно приливной волне катились по длинному ущелью, сметая наспех возведенные у ее входа укрепления Имперской Гвардии и уже готовясь обрушиться на стены Праведного IV. Когда-то Орфеан посмеялся над нахальством и самоуверенностью эльдар, теперь же они потешались над слабостью и глупостью мон'ки. А вот Нийя никогда не смеялась.

За прошедшие века величественная статуя Орфеана обветрилась и потрескалась, и сейчас Нийя спряталась в узкой вертикальной щели, образовавшейся на лице изваяния. Девушка постаралась как можно глубже втиснуться внутрь и уложила ствол винтовки на каменный выступ, удерживая ее под почти отвесным углом так, чтобы в прицеле была видна песчаная площадка у самого подножия монумента. Именно на эту точку неделю назад указал инквизитор Партон, обладающий псайкерским даром. Инквизитор укрылся в своих комфортабельных апартаментах на верхнем уровне шпиля Благодетеля, одной из самых высоких точек Праведного IV. И вот уже четыре дня Нийя не сводила прицела с площадки. Ей оставалось только ждать, прислушиваясь к отдаленному рокоту неотвратимо приближавшейся армии ксеносов и редкому, слабому потрескиванию лазганов последних защитников из рядов Имперской Гвардии. Что ж, не одни лишь эльдары умели играть с судьбой.

Винтовка давно стала продолжением руки девушки, будто лишившись собственного веса и не доставляя ни малейшего неудобства. Это оружие было лучшим другом снайпера и самым преданным соратником. Нийя назвала ее «Шларин» — эльдарское словечко, означавшее «бесшумная смерть». Прошло уже много времени с тех пор, как она собственноручно собрала эту винтовку в храме Виндикар, и ни разу с того дня они не расставались. Нийя дорожила ею ничуть не меньше, чем собственным телом. Вместе они составляли единое существо, исполняющее волю Императора. В качестве платы Император даровал искупление ее душе, позволяя Нийе наслаждаться любыми, сколь угодно греховными удовольствиями, которых жаждала ее натура.

Инквизиция аугментировала ее тело и сделала возможным использование ксенотехнологий для создания ее винтовки. Шларин являла собой причудливое сочетание изготовленных руками ксеносов деталей, включая, в том числе, эльдарский гравитонный ускоритель, позволявший совершенно нивелировать отдачу и добиться почти абсолютной бесшумности выстрела. Начальник Нийи, лорд Партон, принадлежал к радикальному крылу Инквизиции и наслаждался иронией того факта, что технологии ксеносов служат делу их уничтожения. За эти шесть дней, проведенных наедине со своей винтовкой, Нийя окончательно убедилась в том, что эльдарские компоненты наделили Шларин собственной душой.

Солнце поднималось все выше, посылая сверкающие лучи к Праведному IV; к стенам города протянулись длинные тени, подобные пальцам гигантских демонов. Яркий свет ударил в глаза, и хотя глазные имплантаты начали стремительно темнеть, Нийе пришлось прищуриться, чтобы разглядеть на горизонте авангард Режущего Ветра.

Несколько эльдарских танков класса «Сокол» мчались по пыльному ущелью, их силуэты вырисовывались на фоне солнца. Меньшие по размерам колеблющиеся тени, скорее всего, принадлежали реактивным байкам и орудийным платформам «Гадюка». Нийя различала даже силуэты стоящих на броне эльдарских воинов, чьи продолговатые шлемы отбрасывали длинные остrokонечные тени, подобно стрелкам указывающие на город за ее спиной. Эльдары приближались, и скоро ассасин-виндикар уже могла сквозь завесу пыли, поднятой войском,

рассмотреть зеленые и белые цвета доспехов искусственного мира Биэль-тан. Теперь Нийя видела даже насаженные на длинные стволы ружей и древки знамен головы старших офицеров Гвардии Орфеанской Тройни, служившие чудовищным свидетельством всей серьезности намерений эльдар.

Нийя подвигала плечами, заставив мышцы вначале напрячься, а затем — расслабиться. Потом она сделала глубокий вдох, играя с собственным спокойствием так, словно оно тоже было всего лишь мышцей. «Неужели, — подумала ассасин, — других защитников Праведного IV не осталось? Партон упоминал о Темных Ангелах — бывалых истребителях эльдар, выполнявших эту работу еще со времен инцидента на Тартаре. Но здесь они пока не показывались».

Неожиданный рев в небе заставил Нийю вскинуть голову и выглянуть из трещины, в которой она укрывалась. Формой напоминавший слезу, пролом расширился посредине, благодаря чему она и сумела забраться внутрь, когда войска Имперской Гвардии неделей ранее укатили прочь по ущелью и скрылись за горизонтом. В верхней точке, почти у самого лба Орфеана, трещина сужалась до едва заметной полоски. В небе над собой Нийя увидела рой черных десантных капсул, устремившихся к долине, разрывая стратосферу подобно метеоритному дождю. До девушки долетел едва слышный радостный крик людей, оборонявших городские стены. В дело вступили Адептус Астартес.

Десантные капсулы с грохотом врезались в землю повсюду вокруг статуи Орфеана, оставляя глубокие воронки в песчаной почве и раскалявая камень словно стекло. Ударные волны покатались по ущелью, обрушивая лавины с высоких склонов и вынуждая Нийю вжимать подошвы сапог в стенки разлома, чтобы удержаться в щели и не потерять линию прицела.

Из приземлившихся модулей высадились три отряда космических десантников ордена Темных Ангелов, и яркие утренние лучи заиграли слепящими отблесками на безукоризненно начищенной, призрачно-зеленой силовой броне воинов, на бегу вскидывающих оружие. Буквально пару раз взмахнув рукой, капитан заставил своих десантников рассредоточиться по ущелью, занять позиции среди монолитов и установить тяжелые орудия.

Тем временем волна эльдарского войска замедлила движение. «Соколы» и «Гадюки» остановились вдалеке от ряда монолитов, пропуская вперед реактивные мотоциклы. Байки стремительно сокращали расстояние до Темных Ангелов, оставляя позади основные ударные силы, словно эльдары насмеялись над лучшими воинами Империиума. Один из мотоциклов, управляемый эльдаром в шлеме с высоким плюмажем, вырвался вперед всех прочих. Машина виляла между монолитами, накрываясь и поворачивая с немыслимой скоростью и маневренностью, осыпая все перед собой градом сюрикенов, выпущенных из установленной над передним колесом катапульты.

Темные Ангелы открыли ответный огонь, выслеживая мечущиеся силуэты через прицелы болтеров, — снаряды пронзали пыльную завесу. Болтерная очередь отбарабанила ритм по скатам вырвавшейся вперед машины, раздирая в клочья стабилизаторы, и заставила байк, вращаясь вокруг оси, врезаться в монолит и исчезнуть в огне взрыва. Вырисовывающиеся на фоне солнца «Соколы» и «Гадюки» дали залп, обрушивая снаряды на монолиты, за которыми укрывались космические десантники.

Нийя следила за разворачивающимся перед ее глазами сражением. Эльдарская артиллерия накрыла дно ущелья плотным огнем, молотя по гигантским каменным плитам и превращая их в фонтаны разлетающихся осколков. Темные Ангелы лишались даже такого ничтожного укрытия и становились легкой добычей для всадников на стремительных байках. Быть может, десантники и появились как раз вовремя, чтобы успеть возвести последний оборонительный рубеж на пути к городу, но Нийя видела, что это сражение уже проиграно. Окинув по-матерински нежным

взглядом изящный ствол Шларин, виндикар еще раз убедилась, что нужная точка у подножия статуи находится в перекрестии прицела, и расслабилась, выжидая. Эх, если бы только Адептус Астартес сумели подготовиться к битве так же, как она.

Пронзительный визг заставил капитана Темных Ангелов обернуться и упасть на землю — прямо над его головой пронесся один из эльдарских байков. Капитан перекатился и вскинул болтер, выпустив очередь зарядов вслед удаляющемуся эльдару, а затем, не прекращая стрельбы, вскочил на ноги.

Машина взвизгнула и вильнула в сторону, оставляя за собой дымный след, а потом и вовсе утратила равновесие и зарылась носом в землю, прочертив в песке длинную борозду. Эльдар-наездник спрыгнул, совершив в полете изящное крученное сальто, и приземлился на корточки спиной к десантнику. Ксенос вытянул из заплочных ножен длинный двуручный меч и уже в следующее мгновение устремился к Темному Ангелу; плюмаж, венчающий продолговатый шлем, развевался на ветру.

Отбросив в сторону болтер, капитан выдернул из набедренного крепления цепной меч и поднял его перед собой, ощущая, как по оживающему оружию прокатывается волна энергии. Почти все его отделение уже пало в бою, и капитан оставался последним из Темных Ангелов, стоящих между эльдарами и Праведным IV. Песчаное ущелье было завалено изувеченными телами космических десантников и дымящимися обломками эльдарских байков вперемешку с осколками монолитов.

Расположившись высоко над полем битвы, Нийя увидела спускающийся с орбиты «Громовой ястреб», но, взглянув на капитана Темных Ангелов, поняла, что тот не продержится до прибытия подкрепления. Неохотно приподняв ствол Шларин, она переместилась внутри разлома и взяла на прицел атакующего эльдарского экзарха. Тут и думать нечего: ей не достать этого ксеноса. Нийя с одинаковой легкостью могла определить, когда горло еретика находится в зоне досягаемости ее длинных имплантированных когтей, а когда пуля не сможет преодолеть расстояние до головы чужака. Экзарх находился слишком далеко. Девушка поняла, что время еще не пришло, пожалала плечами, медленно выдохнула и вернула прицел Шларин на прежнюю точку.

Экзарх взметнулся в воздух, в прыжке преодолев последние метры, отделявшие его от Темного Ангела. Меч ксеноса взметнулся с неуловимой для человеческого глаза скоростью и нарисовал ритуальный орнамент в воздухе, прежде чем прочертить вертикальную полосу. Капитан шагнул навстречу эльдару, отбил выпад и поднырнул под лезвие, одновременно горизонтально выставив навстречу меч.

Оглушительно затрещали энергетические поля, и два клинка столкнулись; зубья цепного меча заскрежетали, высекая искры из мерцающей стали эльдарского оружия. Но экзарх не стал состязаться в силе, вновь взмыв в воздух, едва его ноги коснулись земли. Темный Ангел развернулся на пятках, с трудом успев отразить своим мечом почти невидимый горизонтальный удар энергетического оружия ксеноса.

Два клинка снова встретились, и капитану пришлось напрячь все мускулы и нагрузить сервоприводы силовой брони, чтобы выдержать нечеловеческую мощь эльдара. Но ксенос проявлял подлинные чудеса ловкости; его ноги описали в воздухе дугу, словно взбегая по невидимой стене, пролетели над скрестившимися мечами и ударили в висок Темного Ангела. От неожиданности капитан пошатнулся, открывшись буквально на долю секунды. Не медля и мгновения, экзарх отдернул свой меч назад и, перехватив обеими руками, ударил словно копьем, погрузив лезвие прямо в загривок космического десантника чуть ниже линии волос у самого горжета.

Когда Темный Ангел тяжело осел на землю, экзарх победоносно закричал, обращаясь к восходящему солнцу. Нийя услышала едва различимый вздох отчаяния, донесшийся со стен Праведного IV. Она вновь глубже втиснулась в трещину, съежившись так, чтобы как можно дальше забраться в огромный монолит и не попасться на глаза зорким эльдарам.

Словно отозвавшись эхом на этот ее бесшумный жест, армия Режущего Ветра Биэль-тана, стоявшая в резерве вдалеке от монолитов, пришла в движение и вновь покатила по ущелью. Танки класса «Сокол» без каких-либо затруднений шли над трупами и обломками, устилавшими поле битвы. Благодаря антигравитационным приводам, сиявшим неизвестными энергиями, они почти не тревожили даже песок под собой. Остатки движущихся в авангарде байков рассыпались широким полукругом перед армией торжествующего экзарха. Еще несколько минут, и ровная колонна эльдарских машин, казалось, заполнила собой все ущелье. И в самом ее центре возвышался эльдарский экзарх, шлем которого отражал красноватый свет восходящего солнца.

Безмолвие ущелья нарушалось лишь тихим шепотом ветра, и Нийя затаила дыхание. Затем сквозь шелест песка пробился пронзительный, стремительно нарастающий вой двигателей. Не дрогнув ни единым мускулом, Нийя подняла взгляд и увидела пикирующий с неба «Громовой ястреб», мчащийся к узкой полоске еще свободной поверхности между эльдарами и стенами Праведного IV. Ксеносы встретили челнок плотным огнем, осыпая снарядами зеленую броню десантного корабля Астартес, тот в свою очередь ответил ревом штурмовых болтеров и лучами лазеров. За сотню метров до поверхности «Громовой ястреб» включил маневровые двигатели, взметнув в воздух тучу песка, скрывающую его приземление.

Даже сквозь непрекращающийся рев турбин превосходный слух Нийи различил отчетливое клацанье и шипение открывающегося десантного люка и грохочущие шаги гигантов, спускающихся по металлическому трапу. Затем двигатели взвыли громче, и «Громовой ястреб» вновь взмыл в небо, обстреливая эльдарские ряды из всех своих орудий. Сквозь завесу медленно оседающей пыли стало возможно различить массивные силуэты.

Армия Режущего Ветра неподвижно замерла, выжидая, пока новый противник покажет себя. Нийя почти что ощущала напряжение людей на стенах города; его защитники гадали, осталась ли хоть какая-то надежда теперь, после того как всего лишь за неделю была сметена Имперская Гвардия и даже прославленные Адептус Астартес потерпели поражение.

Когда пыль осела, эльдары и граждане Праведного IV поразились зрелищу, представшему их взорам: целое отделение терминаторов мчалось над пустыней навстречу ксеносам-захватчикам. Его сопровождали три огромных дредноута, выглядящих неуклюжими. Их орудия уже изрыгали огонь. Над дредноутами, маневрируя, насколько это позволяли дующие в ущелье ветра, парил «Громовой ястреб», выпуская очередь за очередью по порядкам ксеносов. От городских стен до Нийи вновь донеслись восторженные голоса. Она сделала глубокий вдох и, разминая шею, покачала головой из стороны в сторону, снова возвращаясь к отстраненному наблюдению за сражением и ожиданию своей минуты.

Спаренные сюрикеновые пушки изумрудно-зеленых «Соколов» зашипели и завизжали, выпустив несколько залпов по приближающимся терминаторам Темных Ангелов. Более мощные орудия тем временем нацелились в небо, чтобы ответить «Громовому ястребу»: звездные пушки подергивались от переполняющей их энергии; ввысь взмывали ослепительные копыя света, с ревом разрывая воздух, прежде чем растечься расплавленной плазмой по мощной броне темно-зеленого челнока.

«Громовой ястреб» кружил над полем битвы, уворачиваясь и виляя, словно судно посреди бушующего моря. Орудия самого челнока не умолкали ни на мгновение, хотя боевым сервиторам было непросто реагировать на его непредсказуемые маневры. Заряды адского пламени рассекали

воздух, разлетаясь смертоносной шрапнелью, осыпавшей броню «Громовых ястребов» и эльдарских воинов.

Тем временем из строя эльдаров выступили вперед три гигантские зеленые шагающие машины и сорвались на бег в то мгновение, как отделились от общей массы войск. Они полыхали лазерными орудиями, извергали пламя, устремляясь навстречу приближающимся дредноутам.

Терминаторы Темных Ангелов обогнали своих громоздких собратьев и врезались в самую гущу эльдарских войск, обрушивая удары силовых кулаков на зеленые доспехи, размахивая тяжелыми громовыми молотами и цепными мечами, и все это — не переставая поливать противника очередями из штурмовых болтеров.

Неторопливые дредноуты встретили вражеские шагающие машины огнем автопушек, переламывая их изящные лапы, а затем своими массивными, снабженными гусеничными траками ногами раздавили пилотов-ксеносов, пытающихся выбраться из-под обломков. Оставив за спиной пылающие остовы эльдарских шагателей, дредноуты сосредоточили все внимание на «Соколах», предоставив терминаторам разбираться с пехотой чужаков. Но было уже поздно.

«Громовой ястреб» судорожно вздрогнул, приняв в брюхо точно рассчитанный залп сразу трех «Соколов». Ракеты и лучевые орудия поразили его почти одновременно, пробив броню и вспоров двигательный отсек. Охваченный пожаром темно-зеленый челнок сорвался с небес и, превратившись в пылающий метеорит, рухнул в ущелье, окатив сражающихся волнами песка.

Едва «Громовой ястреб» рухнул, «Соколы» пришли в движение, перемещаясь вперед и рассредоточиваясь среди монолитов, лишая тем самым дредноуты неподвижных мишеней. Орудия эльдарских танков при этом не замолкали ни на минуту, осыпая вражеские машины огнем до тех пор, пока два дредноута не исчезли в пламени взрывов.

Теперь терминаторы оказались в весьма плачевном положении, окруженные со всех сторон более легкими и подвижными эльдарами. Хотя ксеносы и гибли десятками, но время Темных Ангелов было уже на исходе.

Внезапно «Соколы» откатили назад, прекратив обстрел последнего из дредноутов, а экзарх, оставив терминаторов, устремился к неповоротливому механическому воину. Предводитель ксеносов прыгал и кувыркался, уворачиваясь от очередей дредноута, танцевал и вращался, пока не оказался невредимым у самых ног огромной машины. Затем экзарх прыгнул и, сделав сальто, приземлился прямо на голову древнего саркофага, заключавшего в себе дух и мозг ветерана-космодесантника. Демонстративно поиграв мечом, ксенос по самую рукоять вонзил сверкающий клинок между броневыми плитами дредноута, перерезая кабели. Машина громко зашипела и остановилась.

Наблюдая за тем, как гибнут терминаторы Темных Ангелов, Нийя почувствовала покалывание под лопаткой. Ущелье уже было устлано окровавленными телами гвардейцев и космодесантников, а теперь их дополнили еще и остовы дредноутов, трупы терминаторов и даже обломки «Громового ястреба». Конечно, в бою пали не только лучшие из воинов Императора. Нийя видела и останки эльдарских солдат, и дымящиеся груды машин ксеносов. Однако армия Режущего Ветра побеждала, и в конце концов охваченный нетерпением экзарх приготовился занять свое место в самом центре атакующей лавины, жаждущей броситься на приступ осажденного города.

Нийя осторожно расправила плечи — она тоже готовилась.

Послеполуденное время тянулось медленно... Эльдары бродили по полю, где недавно шла битва, собирая тела своих мертвецов. Ксеносам некуда было спешить и эльдары не из тех, кто сломя голову бросается грабить беззащитный город. Нийя наблюдала за тем, как ксеносы с

благоговением извлекают священные камни душ из тел своих павших собратьев, а сами тела складывают в огромный погребальный костер у подножия величественной статуи Орфеана. Всякий раз, когда очередной воин подносил свою ношу к все увеличивающейся гряде, виндикар сопровождала его прицелом Шларин. Но никто из чужаков не поднял взгляда.

Сооружение погребального костра завершилось только к ночи, и гора тел словно нарочно закрыла собой горделивую надпись на пьедестале статуи. Все войско Режущего Ветра погрузилось в молчание и занялось организацией временной стоянки, где ксеносам предстояло дожидаться первых рассветных лучей. Готовясь уже седьмую ночь провести в неподвижности и холоде, Нийя оказалась в самом сердце эльдарского лагеря.

Не отрывая взгляда от палаток внизу, она провела ладонью по гладкой, холодной поверхности ствола винтовки, на ощупь определяя наличие изъянов и загрязнения. Нийя знала каждый дюйм своего оружия так, словно оно было частичкой ее собственного тела, и при необходимости могла бы провести любые ритуалы очищения даже в абсолютной темноте. А уж проверить состояние оружия, вжавшись в узкую трещину над лагерем врага, было легче легкого.

Первые рассветные лучи озарили горизонт, и в лагере эльдар началось движение. «Они словно питаются от солнца», — подумала Нийя, усмехнувшись про себя. Ее собственные мышцы тоже стали наполняться теплом.

На чистом песке у подножия статуи Орфеана, облаченные в безупречно начищенные изумрудные доспехи Биэль-тана, опустившись на одно колено и склонив голову, стояли воины свиты экзарха. Завидев своего предводителя, решительно шествующего через весь лагерь, они поднимали взгляды и почтительно складывали руки на груди. Развязка многодневного ожидания была уже близка.

Экзарх встал перед воинами и вознес к небу меч, словно пародируя скульптуру, возвышающуюся за его спиной. Все воинство Режущего Ветра стало ударять оружием о землю, и по ущелью прокатилась волна ритмичного грохота, извещающего защитников Праведного IV о намерениях чужаков. Вперед вышла провидица эльдар и касанием пальцев воспламенила погребальный костер.

Нийя, глядя на разгорающееся пламя, переместила вес тела на правую ногу, а левой, в поисках равновесия, прижалась к каменной стене. Едва заметным движением она активировала свою винтовку, и Шларин тихонько свистнула...

Голова экзарха лопнула, разбросав вокруг осколки черепа. Величественный изумрудный воин упал на колени; меч выскользнул из его руки и зарылся в песок. Еще несколько секунд уже мертвое тело сохраняло равновесие, покачиваясь под порывами утреннего ветерка, а затем рухнуло в пыль ничком, уткнувшись в песок нижней челюстью — единственной частью, оставшейся от его головы.

— Никогда более мы не потерпим осквернения Орфеанской Тройни ксеносами, — беззвучно прошептала Нийя, сохраняя полную неподвижность в трещине статуи Орфеана и наблюдая за паникой в стане Режущего Ветра.

Грэм Макнилл

УЗНИК

Орина Септимус умирал медленной, но неизбежной смертью. Тысячелетия воздействия едких океанических испарений превратили единственный континент планеты в беспокойное море почерневших песчаных дюн. От гор остались лишь медленно разрушающиеся холмы, веками разъедаемые загрязненным воздухом и отполированные до блеска ядовитой атмосферой.

Кислотные моря покрывали девяносто процентов поверхности планеты. Огромные корабли Адептус Механикус, предназначенные для перевозки руды, время от времени появлялись на орбите, чтобы присосаться к пылающим океанам. Затем эти чудовищные суда перевозили насыщенную химикатами морскую воду в механический ад мира-кузницы, где ее очищали, производя топливо, взрывчатые вещества и всевозможные боеприпасы.

Помимо этого, из природных богатств планета располагала лишь крошечными чешуйчатыми океаническими беспозвоночными, плававшими в кислотных морях стаями размером с континент. Бронированные траулеры пересекали океаны, собирая мириады крошечных созданий, чей сверхэффективный метаболизм делал их необычайно богатыми протеином — и очень полезным сырьем для пайков Имперской Гвардии.

Теперь, когда многие линии снабжения системы Гирус были перерезаны хищными эскадрами кораблей Извечного Врага, свежие источники питания для защитников Оберича и Иллиуса были нужны как никогда.

Подобные запасы высоко ценились, но добывать их было опасно. Только те, чьи обязанности требовали отправиться на Орина Септимус, отваживались погрузиться в этот смертоносный мир.

В тюремном комплексе Жаданок размещали самых известных преступников сектора. Одно из немногих выстроенных руками человека сооружений на Орина Септимус располагалось на склонах черной долины в устье широкого залива. Большая его часть высечена в глубине распадающихся скал и побита волнами кислотного моря. Над землей находились только орудийные башни и служебные постройки посадочной площадки, защищенные от смертоносных испарений планеты несколькими энергетическими щитами.

Среди связанных контрактом охранников Жаданок бытовала мрачная поговорка: на Орина Септимус никто не прибывает добровольно, сюда может только занести.

Словно в опровержение этой присказки, с застланного дымкой неба на Жаданок спустился изящный черный катер. Он не нес на корпусе, покрытом серебристыми брызгами кислотного дождя, опознавательных знаков. Его сопровождал эскорт насекомообразных штурмовиков с подвесными штурмовыми орудиями и направляющими для ракет под каждым крылом.

Едва корабль вошел в пространство тюремного комплекса, скалы словно проросли оборонительными орудиями, тут же нацелившимися на катер и его эскорт.

Неслышимые переговоры между катером и тюрьмой быстро установили его полномочия. Пушки отступили в скальную породу, и серия мигающих вспышек указала катеру путь к только что открывшейся посадочной площадке.

Со скоростью и точностью, свидетельствующими о высоком мастерстве пилота, катер прошел над скалами и сел. Корабли сопровождения отстали и устремились в небо.

Посадочная площадка втянулась в глубины комплекса, и тьма поглотила катер. Вопреки поговорке охранников, владельца катера не занесло на Орина Септимус. Он прибыл сюда по доброй воле и в большой спешке.

А все из-за единственного заключенного.

Надзиратель Пендарева неловко переминался с ноги на ногу, наблюдая, как сервиторы на посадочной площадке поливают забрызганный кислотой катер составами, замедляющими коррозию. Зловонные пары с шипением поднялись над поцарапанным судном, и Пендарева сморщил нос от резкого запаха.

Он промокнул усеянный капельками пота лоб линиялым носовым платком и повернул бледное морщинистое лицо к старшему надзирателю де Зойса.

— Проклятье, этого нам только не хватало, — сказал он. — Можно подумать, мало у нас неприятностей. Заключение что-то затевают, я это чую.

Де Зойса был рослым бритоголовым здоровяком в поцарапанном бронзовом панцирном доспехе, а его лицо напоминало о пейзаже за стенами тюрьмы. В ответ он кивнул и сказал:

— Пусть затевают. Моим стражникам не терпится проломить кому-нибудь голову.

— Не сомневаюсь, что так оно и есть. Но было бы лучше, если бы ничего не случилось в присутствии столь высокопоставленного лица. Тебе так не кажется? — сказал Пендарева, показывая на катер.

Де Зойса пожал плечами, словно ему было абсолютно все равно, но Пендарева углядел за бравадой тюремщика настоящий страх. Он видел, как де Зойса шагает по колена в крови в самой гуще тюремного бунта, защищенный лишь собственной грубой силой и силовой булавой. До сих пор он никогда не видел его испуганным.

О репутации вновь прибывшего лучше всяких слов говорило то, что даже чокнутый головорез де Зойса нервничал. Пендарева еще раз утер лоб, когда сервиторы закончили поливать катер и начали раскладывать решетчатое покрытие от железных дверей тюрьмы к кораблю, с которого все еще капал состав.

Пендарева, как правило, прилагал все усилия, чтобы не привлекать внимание организаций за пределами Орина Септимус, погрузившись в поддержание своей маленькой империи, но поимка заключенного сделала это невозможным.

Согласно требованию протокола, Пендарева проинформировал вышестоящие инстанции о поимке и ожидал ответа в ближайшие несколько месяцев. Но буквально через несколько дней пришло сообщение уровня омикрон. Оно предписывало ему ожидать прибытия лорда Сифакса Осоркона из ордоса Священной Инквизиции Императора. Несмотря на изоляцию на заштатной планете, Пендарева был наслышан о лорде Сифаксе Осорконе. В этой части Галактики о нем мало кто не слышал.

Сифакс Осоркон — человек устрашающей репутации; человек, раскрывший тайное сердце пролива Пируса более трех веков назад. От Гируса до отдаленных систем Вердис и Сориев Дельта лорд-инквизитор Сифакс Осоркон выявил и уничтожил десятки мрачных культов, сокрушил бесчисленных пришельцев-захватчиков и искоренил ересь и бунт на многих планетах. Никто не мог ускользнуть от его взора — все, от нищего до губернатора планеты, ощутили ярость его правосудия.

— Я хочу, чтобы все прошло быстро и гладко, — сказал Пендарева. — Без единой проблемы. Ясно? Ни от заключенных, ни от стражников.

— Ясно, — ответил де Зойса. — Проклятье, но вы же знаете — в воздухе пахнет крупными проблемами. Этот сброд знает, что что-то происходит, и ждет возможности урвать свое.

— Вы приняли меры относительно Финна? — спросил Пендарева. — Если кто-то что-то и затекает, то это он.

— Не беспокойтесь, он под контролем, — заверил де Зойса.

— Да уж, лучше бы так, — сказал Пендарева. — А его банда, Братья Слова?

Де Зойса покачал головой.

— С тех пор, как Финн напал на Рейана, они притихли. Им хватает ума понять, что пока Финн не у дел, они уязвимы. Дьявольские Псы и Алые Клинки ищут остатки его банды, так что, это о них сейчас надо беспокоиться.

Дальнейшее обсуждение прервало шипение открывающегося пневматического затвора в борту катера и легкий скрип распахивающегося люка. Пендареве показалось, что тот явно великоват, но парой секунд позже этому нашлось объяснение.

Внутри катера что-то зашевелилось, и льющийся оттуда свет перекрыла исполинская фигура с гигантским мечом, облаченная в сияющий боевой доспех.

Пендарева услышал, как у де Зойса перехватило дыхание при виде космодесантника. Тюремщик явно восхищался сверкающей броней из серебристой стали и лишенной выражения красноглазой лицевой панелью. Широкая фигура воина перегородила люк, впечатляя своей мощью. Пендарева никогда раньше не видел космодесантников так близко. Все преувеличения, слышанные им ранее, казались абсурдными преуменьшениями в присутствии столь величественного воина.

Его наплечники отливали серебром и были украшены изображением раскрытой книги, пронзенной черным мечом. Бесчисленные свитки с той же символикой свисали с плечей и кирасы. Золотой меч с эфесом в форме чаши висел на поясе в покрытых гравировкой блестящих бронзовых ножнах.

— Вы надзиратель Пендарева? — спросил космодесантник, шагая по трапу катера, прогибавшемуся под его весом. Несмотря на искажение звука, голос его был глубоким и мощным.

— Так точно, — отозвался Пендарева, как только нашел в себе силы говорить. — Добро пожаловать в тюремный комплекс Жаданок. А вы...

Космодесантник сказал:

— Я юстикар Кемпер из ордена Серых Рыцарей.

Пендарева кивнул. Показались еще четыре космодесантника — гиганты, чьи длинные алебарды были снабжены помимо лезвий каким-то огнестрельным оружием с широким стволом. В их полированных доспехах отражались красные сигнальные огни посадочной площадки.

Наконец, когда пятеро космодесантников покинули судно, появился и сам лорд Сифакс Осоркон. Он шел в сопровождении писцов с бронзовыми пальцами — аугментированных воинов в плотно облегающей форме, и трех астротелепатов в белых одеяниях со скрывающими лица капюшонами.

В сравнении с космодесантниками лорд-инквизитор, пожалуй, несколько разочаровал Пендареву. Ужас пролива Пируса был облачен в длинное одеяние глубокого синего цвета, на груди — инсигния Инквизиции. Осоркон избегал пышности, к которой, казалось, стремились его слуги. Высокий, с гладкой благодаря омолаживающим процедурам кожей, он излучал спокойную мягкость, которую, как предположил Пендарева, легко было недооценить. Редущие волосы лорда-инквизитора были коротко острижены, а взгляд ледяных серых глаз буравил насквозь.

Осоркон спустился по трапу спокойной неспешной походкой, словно это была обычная лестница, а сам он прибыл на бал дебютантов, а не в холодные зловонные глубины одной из печально знаменитых тюрем сектора.

Пендарева вышел вперед, чтобы поприветствовать инквизитора, и низко ему поклонился.

— Милорд Осоркон, — начал он, — добро пожаловать в это скромное учреждение.

— Заключение под контролем? — спросил инквизитор, игнорируя приветствие.

— О да, разумеется, — сказал Пендарева, пряча раздражение, вызванное резкостью гостя. — Мой старший надзиратель запер его в Адской Дыре.

Осоркон кивнул.

— Сколько стражей надзирают за ним?

Инквизитору ответил де Зойса:

— Я направил тридцать стражников следить за ним денно и ночью. Все вооружены смертоносным огнестрельным оружием и не ограничены в его применении. Если этот ублюдок сделает хоть одно движение, которое мне не понравится, — он мертвец.

— Всего тридцать? Удвойте. Немедленно, — сказал Осоркон. — Поверьте мне, если только он пошевелится, все ваши люди будут мертвы прежде, чем успеют позвать на помощь. Вообще-то, я удивлен, что вы все еще живы.

Инквизитор повернулся к Пендареве.

— Отведите меня к узнику. Незамедлительно.

Финн лежал на спине на жестком полу камеры. Он улыбался, когда бурлящие лужицы кислоты, сочащейся из щели в плитке, обжигали его кожу. В воздухе едко пахло химией, но он наслаждался, ощущая, как кожа покрывается пузырями.

Это значило, что первая часть его плана уже работала.

Вторая же зависела от вспышек насилия среди остальных заключенных, но он знал, что об этом можно не беспокоиться. Зодиак и Вывих обещали ему бунт, которым он сможет гордиться, и вот на это очень даже стоит посмотреть.

Братья Слова были готовы к бою, Псы и Клинки не могли дожидаться кровопролития. Он жалел лишь, что сам не сможет поучаствовать в резне по полной.

Финн заставил себя больше не думать о грядущей бойне и сосредоточился на текущей ситуации. В конце концов, его заперли в самой глубине тюрьмы Жаданок — Адской Дыре.

Охранники утверждали, что любой, кто сюда попадет, неминуемо сломается, что они выволокут его из Адской Дыры плачущим, грязным, потерявшим человеческий облик.

Финн знал, что заключенных ломают не тяжелые условия Адской Дыры — им просто не удавалось привыкнуть к боли. Конечно, торчать до скончания века в глубочайшей камере Жаданок тоскливо. Но все же не хуже, чем качать насосами кислоту на нижних уровнях, оберегая тюремный комплекс от затопления смертоносными океанами.

Финн знал боль и посильнее, чем эта, и не сломался. Значит, и здесь его не сломят. Прошло три дня с тех пор, как его бросили сюда за то, что он в столовке перерезал горло Рейану, не так посмотревшему на него. Досадить Дьявольским Псам — всегда неплохое развлечение. Но в данном случае оно стало лишь приятным бонусом к его истинной причине желания оказаться в Адской Дыре.

Бесконечные отсидки в тюрьмах Имперской Гвардии научили Финна всему, что необходимо знать о том, как выжить в одиночном заключении. Лишь ценность, которую он представлял для многочисленных командиров, спасала его от пули комиссара.

Гвардеец Финн был наделен поистине уникальным талантом убийцы, и далеко превосходил в этом даже самых жестоких бойцов своего полка, Канакских Сборщиков Черепов. Финн обладал

поражительной способностью выходить из самых страшных перестрелок и жестоких рукопашных схваток целым и невредимым, с окровавленным кривым мечом и сияющими глазами.

Но его талант к убийствам и разрушениям, столь полезный на поле брани, оказался помехой в промежутках между сражениями.

На военно-полевом суде никто, возможно, даже сам Финн, не мог с уверенностью сказать, сколько именно народу он прикончил, но число шло на сотни.

Он перевалился на колени, заметив, как что-то заслонило тоненькие полоски света по краям потолочного люка. Прямо над ним кто-то расхаживал по проходу для охраны.

— Эй! — крикнул он. — Эй! Кто там?

— Заткнись, Финн, — ответили ему.

Финн узнал голос охранника Дравина, тщедушного человека с тонкой шеей, которую так легко отделить от головы. Дравин был ярым приверженцем дисциплины, и Финн улыбнулся — лучшего тюремщика нельзя было и пожелать.

Его план работал, но полный успех зависел от того, вернутся ли на Орина Септимус истинные Братья Слова, как было обещано ему в видениях.

Глядя, как по полу растекаются кислотные лужицы, он надеялся, что ждать осталось недолго.

Пендарева шагал впереди всех, вглубь тюремного комплекса Жаданок, де Зойса и инквизитор Осоркон — по обе стороны от него, а замыкали шествие Серые Рыцари юстикара Кемпера. Они прошли через бронированные ворота непосредственно в самую стерильную, выложенную плиткой тюрьму. Многочисленные коридоры-изоляторы и двойные ворота замедляли их продвижение. Но Пендарева был готов подождать, будучи уверенным, что демонстрация надежности учреждения впечатлит Осоркона.

Словно прочитав его мысли, Осоркон проговорил:

— Надзиратель Пендарева, расскажите мне еще раз, как здесь оказался заключенный.

— Ах, да, инквизитор, разумеется. Впрочем, я думал, что все детали его поимки изложены в моем рапорте командованию сектора.

— Верно. Но я хочу, чтобы вы лично рассказали.

— Хорошо, — сказал Пендарева, когда они выходили из главных ворот в один из основных смотровых коридоров, проходящих по всей длине центрального блока. — Хотя я и не понимаю, что изменится.

— Сделайте милость, — произнес Осоркон тоном, ясно говорящим, что протестовать Пендареве не следует.

Пендарева прокашлялся и сказал:

— Около шести стандартных недель назад система авгуров обнаружила судно, спускающееся на орбиту и направляющееся к нам.

— Вы опознали судно? — перебил Осоркон.

— Сначала нет, — объяснил Пендарева. — Наше оборудование весьма капризно, и лишь благодаря покровительству Бога-Машины, местному техножрецу, оно вообще хоть как-то работает. По крайней мере, он так говорит.

Группа прошла мимо модульных камер, расположенных друг на друге по десять в глубину; добраться до них можно было по перекидным мостикам со сложной системой подвесных кабелей и креплений. Отряды стражников, с дробовиками в руках и силовыми булавами на поясе, стояли вдоль парапета между камерами и центральным проходом.

— Продолжайте, — сказал Осоркон, глядя на жалкого вида заключенных, столпившихся у входов в клетки. Их ноги и руки болтались между прутьями, глаза с неприкрытой враждебностью следили за проходящей внизу группой.

— Значит, корабль вошел в карантинную зону и не ответил на запросы. Тогда-то заговорили орудия, — продолжал Пендарева, произнося слова все громче, по мере того как слух об их появлении распространялся по корпусу. Это наполнило воздух оскорбительными выкриками и грохотом оловянных кружек. — Он приближался, и они его сбили. Судно разбилось в тридцати километрах отсюда, и я отправил отряд стражников, чтобы обследовать его.

— И они нашли узника среди обломков?

— Да, выжил только он, — сказал Пендарева. — Остальные члены экипажа погибли при падении. Они находятся в морге — можете взглянуть, если пожелаете.

— Нет, — сказал Осоркон. — Уничтожьте их. Расскажите о найденном корабле.

— Он был слишком сильно поврежден, чтобы определить, что это за судно. Но по сохранившимся останкам можно предположить, что это был какой-то орбитальный транспортный корабль.

— И откуда он прибыл?

Пендарева пожал плечами.

— Боюсь, что ответ на этот вопрос известен лишь заключенному.

— А вам не приходило в голову, как корабль такого размера самостоятельно добрался до Орина Септимус?

— Честно говоря, нет, — ответил Пендарева. — Подобные вопросы я оставляю таким, как вы.

Инквизитор нахмурился.

— Всем гражданам Империи предписано ставить подозрительное под сомнение. Я упомяну этот случай утраты бдительности в докладе вышестоящим.

Пендарева так удивился тому, что у людей вроде Осоркона тоже бывает начальство, что едва не пропустил информацию о грядущем нарекании.

— Ну, я хочу сказать, что мы задумались, откуда он мог взяться, но ответа на эту загадку не нашли. Системы наблюдения ничего не обнаружили. Мы решили, что это очередная тайна из тех, которыми полон космос, и ждали, что вы придете и просветите нас.

— Если ответ вообще существует, я получу его у заключенного, — сказал Осоркон. — Не сомневайтесь.

— Но позвольте спросить, лорд-инквизитор, этот заключенный... он похож на...

— Даже не спрашивайте, Пендарева, — предостерег Осоркон. — Подлинная личность заключенного — это не то, что вам следует знать. Такое знание опасно.

Пендарева кивнул, хоть и сильно расстроился, что его не допускают к этой информации. Осоркон, конечно, инквизитор, но это его тюрьма.

— Не понимаю, почему... — начал он.

— Я убивал людей и за меньшее, — сказал Осоркон, глядя ему прямо в глаза.

Пендарева поверил ему и более не спрашивал ничего на эту тему. Тем временем группа покинула основные помещения, предназначенные для содержания заключенных, и шум, производимый их обитателями, остался позади. Они двинулись по лабиринту кривых коридоров, высеченных в черной скале, направляясь в глубину тюрьмы. То и дело они выходили из толщи скалы в крытые переходы с гнутыми стенами из прозрачной пластали, окруженные водами кислотных морей.

Переходы наполнял тусклый серый свет, сочащийся сквозь толщу кислоты. Пендарева наслаждался беспокойством, мелькающим на лицах Осоркона и его свиты.

— Не бойтесь, лорд Осоркон, щиты защищают нас от моря. Хотя, если с ними что-то случится, кислота проест пласталь за несколько секунд и убьет нас всех, — сказал Пендарева, получая удовольствие от того, что Осоркону явно не по себе.

Когда они снова оказались в толще скалы в сводчатых туннелях с надежными металлическими стенами, запечатанными толстыми стальными взрывоустойчивыми дверями, на лицах визитеров явственно отразилось облегчение.

Вскоре Пендарева остановился у поста стражников, где дежурили шестеро бойцов, вооруженных дробовиками и блестящими черными силовыми булавами. Бойцы выстроились перед тяжелой взрывоустойчивой дверью. На ней была нарисована разверзающаяся бездна, в глубине которой смутно виднелись языки пламени, и по всей ширине шла надпись: «Добро пожаловать в ад».

Каждый стражник был облачен в толстую броню с подбивкой и закрытый бронзовый шлем. Все они целились из ружей в приближающуюся группу. Пендарева чувствовал, как напряглись бойцы из свиты инквизитора, но, к его чести, люди Пендаревы не дрогнули при виде массивных космодезантиков.

Пендарева сказал:

— Лейтенант Грейзер, мы пришли, чтобы увидеть узника.

Грейзер кивнул и вышел вперед:

— Разрешение на доступ?

Надзиратель Жаданок и старший надзиратель достали жезлы управления и поднесли их к панелям по обе стороны от входа.

— Вставьте жезлы управления, когда я скажу, затем отойдите, — приказал Грейзер.

Пендарева кивнул и приготовил жезл. Лейтенант набрал известный лишь ему код, открывающий дверь.

— Вставляйте.

Пендарева воткнул жезл в панель и, как только тот с легким щелчком вошел в паз, набрал личный идентификационный код. Де Зойса поступил так же, и внутренние затворы отомкнулись, дверь загремела, и массивный портал медленно погрузился в пол.

Пендарева извлек свой жезл и подал знак лорду-инквизитору Осоркону.

— Добро пожаловать в Адскую Дыру.

— Эй, наверху! — заорал Финн, ощущая боль в ногах, но не позволяя ей затуманить сознание. Прибывающая кислота разлилась по всему полу. Хотя она и была разбавлена после прохождения фильтров, но все же оставалась болезненно едкой. Обожженные ноги дымились, а в канализационный сток посреди пола стекали капли оседающего металла.

— Я же велел тебе заткнуться, Финн, — сказал Дравин. — Два раза повторять не стану.

— Слушай, — сказал Финн, — что-то случилось. Сюда течет кислота, это скверно.

— О чем ты, Финн?

— Да говорю же, сюда набирается кислота! — закричал Финн с умоляющей ноткой в голосе. Нужно было верно забросить наживку. — Такими темпами тебе скоро придется отлавливать меня в стоках.

Он улыбнулся повисшей тишине. Ни надзиратель Пендарева, ни его любимчик-психопат де Зойса не прольют ни слезинки, если Финн помрет в Адской Дыре, это очевидно. Но Дравин придерживается правил. В его упорядоченном мире преступников не оставляют умирать в камерах, даже убийц, повинных в массовой резне.

— У тебя кислота в камере? — спросил Дравин.

— Это так же верно, как то, что я здесь внизу, а ты наверху, — ответил Финн. — Мне же сейчас ступни сожжет! Вытащи меня отсюда!

Финн услышал приглушенный разговор наверху и потянулся, чтобы вытащить из стока изъеденный кислотой кусок металла. Он потянул, металл согнулся и оторвался. Не ахти какое оружие — заостренный кусок металла длиной сантиметров пятнадцать. Но Финн убивал людей и не таким.

Он поморгал на ярком свете, когда люк над головой внезапно открылся и над камерой возник яркий квадрат. Он различил над собой голову Дравина в шлеме и указал на пол.

— Видишь, я говорил тебе, — сказал он, — я не вру.

— Дерьмо, — обратился Дравин к кому-то еще. — Он прав, камера наполняется кислотой. Должно быть, насосы в этой части тюрьмы забарахлили.

— Да достаньте же меня отсюда!

— Подожди, — скомандовал Дравин и пропал из виду.

Финн согнал с лица мрачную усмешку предвкушения и спрятал корявую металлическую иглу в ладони, чувствуя, как покрывающая ее кислота шипит на коже.

— Ладно, Финн, — сказал Дравин, вновь появляясь в люке. — Мы вытащим тебя оттуда. Но только дернешься — и я пристрелю тебя, а потом брошу обратно, где ты и растворишься. Ясно?

— Не то слово, — сказал Финн. В камеру опустили старую стальную лестницу.

Пендарева шагал впереди по пустому коридору с большим количеством ответвлений, уводящих в жуткие, слабо освещенные туннели; на каждом перекрестке стояла стража.

— Понятно, почему это место прозвали Адской Дырой, — пробормотал инквизитор Осоркон.

— Название придумали заключенные, но оно вполне подходит, — согласился Пендарева.

Их путь пролегал до конца коридора, а потом — в широкое отверстие в стене, за которым оказалось длинное сводчатое помещение, наполненное гудящими машинами и неприятным запахом озона.

— Наш самый надежный сектор, — с гордостью сообщил Пендарева.

Большую часть помещения занимал блестящий металлический круг, от краев которого поднимались потрескивающие линии света, образующие непроницаемое куполообразное сплетение молний.

Сочетание силового поля и технологии пустотного щита представляло собой неприступную стену смертоносной энергии, способную испепелить все, что к ней прикоснется.

Тридцать стражников окружали мерцающее энергетическое ограждение, целясь в одинокую фигуру, преклонившую колени в молитве в центре круга.

Это был могучий массивный мужчина, рост и сила которого выдавали воина Астартес. Заключенный был облачен в грязный красный пластинчатый доспех, увешанный опаленными свитками и обрывками цепей. На одном наплечнике были вырезаны зловещие символы и богохульные изречения, а на другом изображена рогатая голова демона, отлитая из черного металла.

Обритая голова заключенного была наклонена, и Пендарева увидел, как свет силовых полей пляшет на странных, напоминающих священные изречения татуировках, покрывавших череп.

Заключенный прервал молитву и поднял голову. Пендарева вздрогнул, буквально кожей ощутив зоны ненависти и злобы в его взгляде.

Инквизитор Осоркон подошел к краю светового круга, и Пендарева подумал о хищнике, приближающемся к попавшей в ловушку беспомощной добыче.

Серые Рыцари окружили узника, нацелив оружие ему в голову, и Осоркон произнес:

— Эреб...

Переключка — последнее, что оставалось сделать перед тем, как отправить заключенных по камерам. Они открылись по сигналу из подвешенного контрольного пункта, и резкий окрик приказал обитателям выйти на подвесные мостки, только что выехавшие из ниш.

Автоматические орудия повернулись в сторону камер, как только сотни самых опасных мужчин и женщин сектора вышли на переключку.

Отряды стражников держали их под прицелом дробовиков, но все заключенные успели заметить, что тех стало существенно меньше. Все из-за того, что дополнительные силы были брошены на охрану вновь прибывшего заключенного Жаданок.

В глубинах пещерного механизированного комплекса тюрьмы Жаданок существовала работа, пользующаяся среди заключенных еще более дурной славой, чем Адская Дыра. Оглушительно работающие насосы и перфорированные переходы, подвешенные на толстых стальных тросах, наполняли внутреннее пространство запахом масла, пота и кислоты.

Под мостками бурлило и пенилось кислотное море, его волны бились о черные скалы, а кислота капала с низа машинерии.

Заключенные, направленные работать с насосами, не дающими кислоте затопить тюрьму, были одеты в мешковатые костюмы химзащиты и носили дыхательные аппараты, казалось сохранившиеся со времен зарождения Империи.

Заклученные бродили по смердящей океаном пещере, поддерживая работу машин под бдительным присмотром минимального наряда стражников. Сбежать из этого места было невозможно — разве что спрыгнуть через заграждения в кислотное море. Но это не останавливало совсем уж отчаявшихся от попыток уплыть на свободу в кислотоустойчивых костюмах. Все эти попытки заканчивались ничем: беглецы быстро обнаруживали, насколько ненадежную защиту на самом деле предоставляли их защитные костюмы.

Эту смену составляли заключенные из разных частей тюрьмы, но среди них было трое Братьев Слова. Двое были простыми отморозками, убившими однополчан, но один из них был скитарием. Ранее он служил в мастерских Адептус Механикус и многому научился еще до прибытия в Жаданок за то, что вскрывал священные машины в надежде узнать их секреты.

В принципе, все это было бы неважно, если бы он не вывел из строя главные пульта, регулирующие работу насосов. Два насоса, очищавшие нижние этажи, включая Адскую Дыру, уже остановились.

И это было только начало.

Как только прогудел сигнал окончания смены, на консоли замигал красный свет, сигнализируя о проблемах с несколькими насосами. Но на это никто не обратил внимания: стражники были заняты сопровождением заключенных.

За первым сигналом быстро последовал второй, затем еще и еще. Завыла сирена, но ее поглотил рев волн внизу и шум, сопровождающий смену рабочих.

Красные огни расползлись по всей консоли, по мере того как насосы, не дающие смертоносной кислоте проникнуть в Жаданок, останавливались.

И океан хлынул внутрь.

Инквизитор Осоркон сложил руки за спиной, когда заключенный поднялся на ноги и окинул презрительным взглядом окруживших его Серых Рыцарей. Он казался огромным, даже крупнее воинов Астартес, хотя на самом деле не был ни выше их, ни шире в плечах. Пендарева поморщился, разглядывая узника, у которого теперь было имя — если то, что произнес Осоркон, было правдой.

Эреб.

Имя, отягощенное веками и темными преданиями. Если верить тому, что рассказывали, Эреб был одним из вождей великого мятежа из древней легенды. Один из его главных вдохновителей, воин-жрец древнего легиона Космодесанта, который восстал против власти Императора и был повержен почти десять тысяч лет назад.

Пендарева никогда особенно не верил в подобные рассказы — в конце концов, как кто-то вообще мог прожить десять тысячелетий? Это звучало просто смехотворно, но, заглянув в глаза Эреба, в эти две бездны, пылающие горечью и злобой, он готов был поверить, что узник так долго вскармливал свою ненависть.

— Пятеро? — спросил Эреб. — Ты столь низкого мнения обо мне, что пришел всего лишь с пятью Астартес?

— Это Серые Рыцари, — ответил Осоркон. — Больше чем достаточно для таких, как ты, предатель.

— Предатель? — засмеялся Эреб, его жесткие черты исказила ухмылка. — Это слово для меня уже не имеет значения. Это ты и твои жалкие тени воинов — предатели. Ты и подобные тебе предали Империи в давние времена, когда сражались против Воителя.

— Не произноси его имя, — предупредил Осоркон. — Твое время прошло. До исхода дня ты испытаешь муки проклятых в пыточной камере Инквизиции.

— Муки проклятых? Да что ты об этом знаешь?

— Достаточно, чтобы ты проклял тот день, когда попал ко мне в руки.

— Ничего ты не знаешь, — бросил Эреб, расхаживая по огражденной силовым полем камере. — Подожди, пока все то, за что ты боролся, обратится в пепел и прах, и боги, среди которых ты когда-то ходил, станут не чем иным, как презираемой легендой. И сам ты целую вечность будешь нести на своих плечах груз предательства. Вот тогда ты и получишь право рассуждать о подобных вещах.

Осоркон рассмеялся.

— Избавь меня от этого спектакля, Эреб. С тобой покончено, с тобой и твоими мечтами о завоевании. Без тебя захват сектора Гирус невозможен. Я знаю это, и ты тоже знаешь, так что, может, прекратишь это утомительное самолюбование?

Эреб оскалился и бросился на инквизитора. Стражники тут же вскинули дробовики, но еще раньше Серые Рыцари точно нацелили длинные потрескивающие алебарды в голову заключенному.

Осоркон даже не моргнул, когда Эреба отбросило назад вспышкой света. От соприкосновения с силовым полем опалило доспех, а кожу покрыло волдырями.

— Опять за свое, — вздохнул Осоркон. Эреб катался от боли по полу внутри силового поля. Инквизитор обернулся к Пендареве и сказал: — Отключите поле. Мы берем на себя ответственность за заключенного.

Пендарева покорно кивнул, переглянувшись с де Зойса. Было заметно, что освобождение Эреба его беспокоит.

— Надзиратель, — сказал Осоркон, — сейчас, пока он дезориентирован.

Пендарева кивнул, и де Зойса двинулся вдоль окружности силового поля, дабы убедиться, что все его стражники готовы на случай непредвиденных обстоятельств. Надзиратель пробрался к пульта, управляемому адептом в белых одеяниях и тремя аугментированными сервиторами.

Адепт поклонился, когда Пендарева приблизился к нему. Практически тут же низкое гудение машин стихло, и всепроникающая озоновая вонь ослабла.

Эреб стоял на одном колене, окруженный Серыми Рыцарями. Их серебристые кирасы отражали красный цвет покрытого шипами и цепями доспеха. Каждый воин нацелил сверкающее лезвие алебарды на узника. И хотя все они были в закрытых шлемах, Пендарева чувствовал их ненависть к Эребу. Юстикар Кемпер стоял за спиной заключенного, занеся над ним меч.

— Встать, — скомандовал Осоркон, и Эреб, морщась от боли, с трудом выпрямился, глядя на инквизитора с чистой незамутненной ненавистью.

— Думаешь, сможешь сломить меня, Осоркон? — выговорил Эреб. — Ты даже не прикоснулся к глубинам боли, которые я могу показать тебе.

— Избавь меня от своих угроз, — сказал инквизитор, отворачиваясь. — У меня нет желания слушать, что бы ты ни говорил. Уведите его.

Окруженного Серыми Рыцарями и стражниками де Зойса, Эреба увели через сводчатый проход. Раньше Пендарева думал, что такая многочисленная охрана для одного узника была абсурдом. Но столкнувшись со всей мощью присутствия Эреба, не огражденного силовым полем, он уже не был уверен, что и этого достаточно.

Финн вскарабкался по первым нескольким ступеням лестницы. Металл приятно охлаждал обожженные ноги. Он зажмурился на свету, льющемся сверху из коридора, чуть на дольше, чем было на самом деле нужно его глазам. Этим он хотел произвести впечатление слабости. Финн просидел в Адской Дыре уже три дня, и они наверняка ожидали, что он будет слаб.

Это станет их роковой ошибкой.

— Давай, Финн, пошевеливайся! — рявкнул Дравин.

— Ладно, ладно, я уже почти вылез. — Плечи Финна показались над уровнем пола. Он увидел три пары сапог и поднял голову, театрально прищуриваясь и прикрывая глаза ладонью, чтобы лучше рассмотреть бойцов.

Дравин спереди от него, один слева и один сзади.

— Эй, помогите, а? — сказал Финн. — У меня все ноги обожжены.

— У меня сердце просто кровью обливается, — сказал стражник, стоявший позади.

«Еще нет, ты погоди немного», — подумал Финн.

Он приподнялся над краем люка и сел на пол, свесив ноги вниз. Уровень кислоты действительно быстро поднимался. Ее поверхность мерцающими волнами отражала тусклое освещение коридора.

— На ноги, — скомандовал Дравин.

Финн кивнул и встал на одно колено, изобразив, что с трудом поднимается на ноги, позволяя боли от ожогов буквально на миг высвободиться из-под контроля.

Он пошатнулся, и Дравин рефлекторно протянул руку, чтобы удержать его.

Финн схватил Дравина за запястье, выкручивая, сбивая с ног, притягивая его вперед. Он не остановился, даже когда стражник упал в люк.

Он развернулся, пнул вслепую назад, и ударил кулаком влево. Добытая из канализации длинная металлическая игла, зажатая в кулаке, вонзилась в бедро второго стражника, пробив броню и проколов бедренную артерию. Ботинок попал прямо в колено человека, стоявшего сзади. Хрустнула кость, и охранник упал на пол от боли и шока.

Финн пригнулся влево, когда каменные плиты пола разорвало выстрелом из дробовика, и упал поверх истощенно вопящего стражника, у которого из ноги торчал острый кусок металла. Он подхватил оружие, выпавшее у того из рук, и перекатился, щелкая затвором и стреляя раз за разом в другого бойца.

Оглушительный грохот и едкий зловонный дым наполнили коридор. Финн закричал в приливе боевого возбуждения. Стражник упал навзничь в раскуроченном дробью доспехе.

Хотя тот, на котором лежал Финн, истекал кровью, хлещущей из раны в левой ноге, он все еще сопротивлялся. Финн с силой ткнул его в лицо прикладом дробовика и соскочил с него, поднялся на ноги и, словно дубиной, ударил его оружием по голове, заглушая вопли.

Подстреленный стражник мучительно пытался сесть, чтобы получить возможность воспользоваться оружием. Финн не дал ему выстрелить — он спокойно приблизился и приставил дуло дробовика к груди бойца.

— Давай-ка посмотрим, как там у тебя сердце кровью обливается, — сказал Финн и нажал на курок.

Доспехи охранника могли выдержать удары ножа или дубинки, но никак не выстрела в упор. На серый пол коридора веером брызнула кровь, смешанная с осколками костей.

Финн услышал снизу плеск и проклятья, полные боли, и рискнул заглянуть в люк. Оттуда прогремел выстрел и разнес световой шар у него над головой, но Финн ожидал этого и отскочил, заливаясь хохотом.

— Император тебя прокляни, Финн! — кричал Дравин. — Ты покойник! Слышишь меня? Когда выберешь отсюда, убью тебя, и плевать на инструкции!

— Да на здоровье. Хорошо тебе поплавать в кислоте, Дравин, — сказал Финн и захлопнул люк, заглушая крики стражника.

Он быстро стащил пару сапог и прочее снаряжение с погибших, до отказа зарядил дробовик и рассовал оставшиеся патроны по карманам.

Выбраться из камеры оказалось как раз легче всего. А вот теперь надо было добраться до посадочной площадки, что куда как сложнее, если весь план вообще в ближайшем времени не сорвется.

Словно по команде старые железные клаксоны на стенах завывали, сигнализируя о кислотной тревоге.

— Музыка для моих ушей, — усмехнулся Финн. — Музыка для моих ушей.

Главные коридоры Жаданок завибрировали от оглушительного воя сирен кислотной тревоги, резкие звуки застали всех врасплох. Братья Слова отреагировали первыми, они бросились по подвесным мосткам к стражникам и набросились на них быстрее, чем стихло эхо первого сигнала.

Потом раздались крики боли и грохочущие выстрелы, едва сигнал тревоги пробудил старые счеты и вспыхнуло былое соперничество. Алые Клинки добрались до Братьев Слова, Дьявольские Псы бросались на всех, до кого могли дотянуться самодельным оружием. Сотни заключенных с нижних ярусов перебирались через ограждения на главный уровень смотрового зала и беспорядочно лупили друг друга. Стражники отстреливали узников, автоматические орудия тоже открыли огонь и косили буйствующих обитателей тюрьмы.

Кровь хлестала, когда осколки стекла и заостренные железки вскрывали вены и перерезали глотки. Залпы оружейного огня отбрасывали заключенных от подвесного контрольного пункта. Отряд стражников удерживал их на расстоянии сложенными выстрелами, но с каждой атакой тела заключенных падали все ближе.

Сотни взбунтовавшихся заключенных кололи и рубили друг друга, наполняя смотровые коридоры кровью и воплями. Сверху посыпались осколки стекла — разъяренные узники взяли приступом контрольный пункт и закололи охранников. Сверху падали мертвые тела, охранники и заключенные валились с высоких мостков и разбивались о пол смотрового коридора.

В главных коридорах тюрьмы Жаданок царил психопатическое насилие, но настоящее кровопролитие еще не началось.

Юстикар Кемпер из ордена Серых Рыцарей первым сообразил, что что-то не так. Пендарева вопросительно покосился на де Зойса. Тюремщик Жаданока пожал плечами, но взялся за дробовик и щелкнул затвором.

— В чем дело? — спросил инквизитор Осоркон, останавливая процессию поднятием руки.

— Стрельба, — сказал юстикар Кемпер. — Из дробовиков.

— Откуда? — поинтересовался Пендарева. — Я ничего не слышал. Вам не померещилось?

— Я не ошибаюсь, — сказал Серый Рыцарь, и Пендарева ему поверил.

Пендарева глянул мимо сплошной стены доспехов туда, где стоял Эреб, и по его спине пробежал холодок от злорадной улыбки заключенного.

— Кого еще вы там держите? — грозно спросил Осоркон, поворачиваясь к Пендареве.

— Финна... — сказал де Зойса, отвечая на вопрос, обращенный не к нему. — Прокляни его Император! Дело в нем.

— Кто такой этот Финн?

— Никто, — сказал Пендарева. — Убийца из какого-то гвардейского полка, заявлял, что голоса в голове заставили его убить множество жителей улья. Тот еще смутьян, но из-за него, в общем-то, не стоит беспокоиться.

Пендарева подпрыгнул от неожиданности, когда завывла сирена кислотной тревоги. Его внезапно охватил ужас.

Лорд Осоркон заглянул ему в глаза и сказал:

— Вы уверены? Что это за сирены?

— Кислотная тревога, — торопливо сказал Пендарева. — Должно быть, некоторые насосы отказали, но, думаю, это просто случайность.

— Их не существует, — сказал Осоркон, поворачиваясь к юстикару Кемперу и показывая на Эреба. — Присмотрите за ним.

— Я возьму людей и выясню, в чем дело, — сказал де Зойса, собирая вокруг себя отряд вооруженных стражников. — Если это Финн, я с удовольствием вышибу ему мозги.

Пендарева кивнул, и де Зойса увел десять бойцов в коридоры Адской Дыры на звуки выстрелов. Вокс-устройство на поясе у Пендаревы запищало.

— Пендарева слушает.

— Надзиратель, это контроль периметра.

— Да?

До Пендаревы внезапно начала доходить суть происходящего.

— Мы... ну, мы обнаружили корабль, спускающийся на низкую орбиту. Похоже, он движется к нам.

Пендарева покосился на Осоркона.

— Ваш?

Инквизитор помотал головой.

— Нет, мой корабль остается в укрытии за третьей луной.

— Контроль периметра, — Пендарева вернул внимание к вокс-устройству, — вы можете опознать это судно?

— Нет, сэр, оно не похоже ни на одно судно из наших реестров, хотя они не вполне отражают...

Инквизитор Осоркон сказал:

— Это его... — и повернулся к Эребу. — Они летят за ним. Юстикар Кемпер, где ваш корабль?

— На темной стороне, лорд-инквизитор, — ответил Кемпер. — Как вы приказывали.

Пендареве показалось, что в голосе космодесантника прозвучала нотка упрека.

Эреб усмехнулся.

— Вы все умрете.

— Знай, предатель, — сказал Осоркон, — я тебя убью прежде, чем ты дождешься спасения.

— Глупец, — произнес Эреб. — Я был жив, когда Император и Воитель владели Галактикой, твои угрозы для меня — ничто.

— Сэр, — донесся из вокса Пендаревы искаженный голос. — Мы распознали отделившиеся от приближающегося корабля сигналы.

— И что там? — спросил надзиратель.

— Я... я не знаю, сэр, — сказал офицер контроля периметра, не в силах подавить страх в голосе, — но думаю, это орбитальные торпеды.

Финн шел размашистым шагом по коридорам Адской Дыры с уверенностью человека, которого здесь вели под конвоем уже много раз. Дробовик удобно лежал в ладони, но ему недоставало привычного кривого мачете для ближнего боя, который явно должен был произойти до встречи с Братями Слова и отлета с этой треклятой планеты.

Сигналы тревоги продолжали звучать, и он знал, что в течение часа этот этаж тюрьмы по колено заполнится смертоносной кислотой. Финн шагал по жутким коридорам назад к охранному пункту, зная, что эвакуационные отряды уже выдвинулись, чтобы забрать заключенных, запертых на нижних этажах.

Дробовик позволил ему посеять кровавый хаос, чтобы проскочить мимо эвакуационных отрядов и имевшихся у них средств защиты.

В конце концов, они никак не ожидали вооруженного узника, которому нечего терять.

Первые орбитальные торпеды врезались в оплавленную поверхность над Жаданоком, пробивая размягченные кислотой скалы и взрываясь с ужасающей силой. Горящие куски породы посыпались, когда залпы лэнс-излучателей вспороли землю. Большинство попаданий оставили кратеры, в которых тут же образовались глубокие кислотные озера, со временем способные проесть в скалах огромные зловонные дыры.

Под этим горным краем располагалась хорошо защищенная механизированная фабрика, несколько похожая на подземную станцию с насосами, откачивавшими кислоту. Она была выстроена так, чтобы выдержать медленную, пусть и неизбежную эрозию, но никак не ужас орбитального обстрела. Когда в горах взорвались первые снаряды, осталось всего несколько мгновений до превращения фабрики в беспорядочные груды металла, разливы нефти и крови.

Машины разлетелись на миллионы кусков, турбины развалились, трансформаторы испарились.

Без них в Жаданке не стало электричества.

Пендарева подавил возглас, когда коридор погрузился в непроглядную темноту. Он скорее почувствовал, чем услышал, как Серые Рыцари практически в тот же миг сомкнулись вокруг Эреба. Размещенные на потолке светящиеся полосы слабо мигнули, когда включились маломощные аварийные батареи, и Пендареве показалось, что он чувствует вибрации, прокатывающиеся по каменному полу под вой кислотной тревоги.

— Торпедные удары, — сказал Кемпер как ни в чем не бывало. — Близко.

Лорд Осоркон кивнул.

— Они скоро будут здесь.

Он повернулся к Пендареве и добавил:

— Какие меры вы принимаете, чтобы предотвратить насильственное проникновение во вверенное вам учреждение?

— Проникновение? — заорал Пендарева, сиюсь перекрыть завывание сирен. — Ну, у нас орудия и толстые двери. В принципе, наша защита более приспособлена, чтобы не дать заключенным сбежать, нежели помешать кому-либо пробраться внутрь.

— Плохо, — заметил Осоркон, когда у Пендаревы снова запищало вокс-устройство. Даже шипение статического электричества и сигналы тревоги не заглушали выстрелы, крики и лязг металла в воксе.

— Код «Император»! — кричал кто-то. — Код «Император»! Нам нужна помощь! Сейчас же, мать вашу, сейчас же!

Вокс издал последнюю серию оглушительных помех и умолк.

— Что такое код «Император»? — требовательно спросил Осоркон.

Пендарева побледнел, его трясло.

— Полномасштабный тюремный бунт.

Шесть десантно-штурмовых кораблей с кроваво-красными корпусами, испещренными следами входа в атмосферу и кислотных бурь, устремились к Жаданке подобно стервятникам с загнутыми хищными клювами. В соплах полыхало голубое топливо, с крыльев срывались инверсионные серебристые следы энергетических вихрей.

Корабли выглядели очень древними и напоминали «Грозовых птиц» Астартес былых времен, но украшенных нечистыми рунами и символами.

Они промчались сквозь хлещущий дождь к тюремному комплексу. Сидящие внутри мрачного вида воины были готовы нанести смертоносный визит врагам. Без электричества тюремные пушки не могли прицелиться и выстрелить, а запасные батареи давно сели и так и не были заменены.

Впереди идущий корабль оторвался от эскадры, развернулся и пошел на снижение, нацелившись прямо на расположенные в нише ворота тюрьмы. Четыре ракеты сорвались с направляющих, находящихся под крыльями, и устремились ко входу в тюрьму. Они взорвались одна за другой и проложили путь вовнутрь.

Когда дым уже рассеялся, остальные, покружив, приземлились, и каждый изрыгнул по двадцать воинов такой выучки и нечеловеческой слаженности движений, что это могли быть лишь Астартес.

Или те, что когда-то были Астартес.

Де Зойса осмотрел на наличие признаков жизни двоих лежащих стражников, хотя по количеству крови и их бледности и так все было ясно. Оба были мертвы, а вот что случилось с третьим бойцом, дежурящим в этом секторе, он не имел ни малейшего представления.

Слабый острый запах раскаленного металла достиг его ноздрей, и он опустил взгляд на край люка, ведущего в подземную темницу. Ручейки тошнотворной жижи сочились из-под него, над всем поднимались едва заметные облачка пара.

— Дерьмо, — сказал он, дергая за цепь, открывающую люк.

Изнутри брызнула окрашенная кислота, разливаясь по крышке люка. Показался помятый, изъеденный коррозией шлем, и участь третьего стражника стала ясна.

Де Зойса и его люди попятились от пенящегося люка. В коридор хлынули потоки кислоты. Она растекалась по всему коридору из-под дверей люков, насквозь проеденных снизу.

— Дерьмо, — повторил де Зойса.

Главные коридоры Жаданок были залиты кровью. Пока не отключилось электричество, в комплексе наступило затишье: большая часть стражников отступила во внутренние бункеры, а заключенные довольствовались отдельными актами вандализма и улаживанием старых ссор.

Плясали отблески импровизированных костров, из верхних камер, где заключенные поджигали простыни и все горючее, что попадалось под руку, сыпались, словно яркие листья, горящие тряпки. Дикие первобытные вопли и улюлюканье разносились под высокими сводами тюрьмы. Те несчастные, кому случилось стать жертвами жутких тюремных шаек, подвергались избиению. Их вешали на высоких платформах, и внутренности кровавыми жгутами свисали из распоротых животов.

Стражников, угодивших в руки заключенных, ждала куда более страшная участь — их пытали самодельными ножами и огнем. Тех, кто не умирал сразу, расчленили, и самые одичавшие узники пожирали куски тел.

Жаданок превратился в бойню, капище вырождения и крови, а его обитатели стали просителями, ищущими себе первосвященника.

Где-то наверху мощный взрыв сотряс тюрьму. Но среди воцарившегося хаоса бунта никто не обратил на это внимания — все были слишком заняты кровавым безумием драгоценных минут свободы.

В перерывах между драками разными бандами, то и дело совершались попытки напасть на посты охраны. Но в распоряжении бунтовщиков были только короткие самодельные ножи, и грохочущие дробовики стражников заставляли каждую новую атаку захлебнуться дымом и кровью.

Но едва свет погас, ситуация вышла из-под контроля.

Свет вырубился, орущие сирены кислотной тревоги заглохли, и в воцарившейся тишине громко лягнули механические колесцовые замки.

Постепенно кровавые разборки заключенных прекратились — те поняли, что ненавистные стражники более не защищены бункерами, и собирающаяся толпа принялась окружать каждый из одиноких бастаионов.

Хотя из вожаков в живых не осталось никого, сама собой установилась иерархия во главе с наиболее сильными и беспощадными из заключенных. Они вели вопящую толпу в атаку на бункеры охраны, когда внезапно над главными коридорами Жаданок вспыхнул свет.

Главный вход в дальнем конце коридора исчез в ослепительном взрыве, выбрасывая в воздух смертоносные осколки металла. Узники лихорадочно заматались, десятки пали под выстрелами стражников.

Дым от взрыва клубился в ледяном воздухе, хлынувшем в тюрьму сверху. В чаду среди огня и обломков появились массивные фигуры, облаченные в металлическую броню цвета свернувшейся крови.

Словно демоны из бездны, они маршем вошли в тюрьму Жаданок, рассредоточились и образовали непрерывную линию из красных воинов. Каждый из них имел при себе чудовищное, громоздкое с виду оружие, глаза их оскалившихся шлемов горели огнем варпа.

Некоторые узники плакали и непроизвольно испражнялись — для них эти ужасные фигуры воплощали смерть. Другие шумно приветствовали их как вестников свободы. Этот оптимизм был крайне нелеп: орудие пришельцев изрыгнуло яркое пламя, разнося бегущих к ним навстречу, взрывая их, словно мокрые красные пузыри.

Падая под выстрелами нового врага, заключенные кричали от ужаса и ярости. Прimitивные ножи и краденые дробовики не могли тягаться с болтерами и силовой броней, и все, кто приближался к этим воинам, погибали в считанные мгновения.

Стражники, точно так же не зная, кто такие эти пришельцы, но чувствуя в их беспощадном продвижении вперед лишь неумолимую и страшную цель, беспорядочно отступали, покидая посты и убегая вглубь тюрьмы.

— Что происходит наверху? — спросил Осоркон. — Нам нужна информация.

— Не знаю, — огрызнулся Пендарева, у которого, благодаря лорду-инквизитору, уже окончательно лопнуло терпение. — Никто не отвечает по воксу. По крайней мере, ничего осмысленного.

— Инквизитор Осоркон, — сказал юстикар Кемпер, — нам следует отступать в глубину тюрьмы до тех пор, пока сложившаяся наверху ситуация хоть сколько-нибудь не прояснится.

— Там, наверху, задери вас, бунт! — заорал Пендарева в панике. — Вот такая там гребаная ситуация! Если бы вы не явились за этим ублюдком, все бы шло своим чередом. Это полностью ваша вина!

— Замолчите, Пендарева, — отрезал Осоркон. — Не будь здесь Серых Рыцарей, у нас даже не было бы шанса отбиться. А теперь, если вам нечего сказать относящегося к делу, закройте рот и не открывайте его больше. Юстикар Кемпер, вы уверены в этой стратегии?

— Да, — кивнул Серый Рыцарь, — если корабль наверху действительно принадлежит Несущим Слово, вероятно, они пришли сюда, чтобы освободить этого предателя. Нам придется подождать, пока мои люди не займут позиции для контратаки, и тогда мы поймаем их в ловушку.

— Согласен, — сказал Осоркон. — Двинемся глубже в тюрьму.

— Очень плохая идея, — сказал де Зойса, появляясь из-за поворота туннеля и рысцой подбегая к остальным.

— Почему? — спросил Осоркон.

— Потому что тюрьму снизу заполняет кислота. Вы слышали сирены. Насосы остановились, и нижние уровни уже затоплены.

— И как давно? — спросил Пендарева.

Де Зойса пожал плечами.

— Подземные темницы полны, и кислота поднимается чертовски быстро. Если противоударные двери выдержат... у нас есть час, а может, и меньше.

Финн выглянул за угол и увидел запечатанную взрывостойкую дверь, ведущую из Адской Дыры. Несколько секунд беспокойного ожидания — и ничего, а он знал, что времени у него было не много. Должно быть, кто-то вот-вот обнаружит тела, оставленные позади, и сядет ему на хвост, словно жук-следопыт, почуявший свежее дерьмо, если он не сдвинется с места.

Потом, словно в ответ на его молитву, дверь начала подниматься, и он напрягся, готовясь действовать.

Он услышал топот ног и пронзительные крики ужаса, а потом с изумлением увидел, как мимо проносится сплошным потоком кровавая перепуганная толпа стражников.

Финн скользнул вниз по стене, сгруппировался и крепко прижал дробовик к груди. Не обращая внимания ни на что, кроме собственного панического ужаса, стражники пробежали по коридору, в который он собирался свернуть. Он увидел их лица и понял, что это нечто большее, нежели вызванная бунтом паника — что-то серьезно напугало этих парней.

Резкие выстрелы донеслись вслед, и Финна забрызгало тонкой взвесью алых капель: стражники словно взрывались изнутри. Он оглянулся на дверь и увидел, как злобные и неумолимые демоны в красной броне следуют за бойцами, извергая огонь и смерть из ревущих стволов своих орудий.

— Мать твою, — выдохнул Финн. Эти парни точно были плохой новостью. Затем он увидел знаки на наплечниках их доспехов — темные демонические лики с витыми рогами... такие он видел во сне. В этот момент он понял, что перед ним истинные Братья Слова.

Но глядя, как вырезают стражников, Финн сообразил, что это не освободители из его видений и что они убьют его с той же радостью, как и бойцов охраны.

Он заставил себя оторваться от стены, когда воины в красных доспехах добились последних стражников. С одной стороны, они были очень похожи на виденные им изображения космодесантников, с другой — совершенно непохожи. Как бы мало ни трогало Финна величие Астартес, на самом примитивном инстинктивном уровне он ощущал, что эти воины просто... не такие, вот и все.

Финн бросился удирать в том направлении, куда чуть раньше бежали охранники.

Он сомневался, что там — безопасность, но это было всяко лучше, чем оставаться на месте.

Пендареве было видно, что Осоркон прокручивает в голове возможные сценарии, но все без толку. Они не могли спуститься в глубины тюремного комплекса из-за остановки кислотных насосов, а сверху наступали враги. Теперь Пендарева полностью прочувствовал, что значит оказаться между молотом и наковальней.

— А тут поблизости есть камеры, находящиеся над уровнем кислоты? — прокричал инквизитор.

— Теперь нет, — сказал де Зойса. — Все подземные темницы затоплены, и коридоры, ведущие отсюда вниз, вот-вот наполнятся кислотой.

— На этом этаже есть камеры для допросов, — добавил Пендарева. — В них не так безопасно, как в обычных камерах, но на худой конец сойдут и они.

— Веди нас туда, — скомандовал Осоркон.

Пендарева кивнул и знаком велел де Зойса указывать путь.

Отряд двинулся вперед с поспешностью отчаявшихся, де Зойса вел их назад через Адскую Дыру на верхние этажи. Два раза они проходили под потолками из прозрачной пластыли, поверхность которых теперь угрожающе прогнулась под воздействием кислотных дождей, размягчилась и едва не лопалась.

Они услышали далекие выстрелы и крики, странным эхом разносящиеся по туннелям, и из-за специфической акустики нижних этажей расстояние до источников звука было практически невозможно определить. Каждый раз, когда де Зойса вел их по очередному коридору, Пендарева ожидал наткнуться на тварей, похожих на худшие порождения своих кошмаров. Таких, как Эреб.

Подумав о предателе, он невольно повернул голову, шагая к камерам для допросов. Каким бы опасным он ни был, Эреб оказался на удивление покладистым заключенным — просто мечта надзирателя. Возможно, в покое его поддерживала покорность судьбе или надежда на возможное спасение, но, что бы там ни было, Пендарева был благодарен за это.

Они свернули в широкий коридор. Поворот, который привел бы их к камерам для допросов, находился в пятидесяти метрах отсюда, а потом коридор тянулся еще где-то на половину этого расстояния.

— Стой, — сказал юстикар Кемпер, и все подскочили. Не говоря ни слова, трое Серых Рыцарей выступили вперед и сомкнули ряды, выставив свои алебарды.

— Что происходит?

— Кто-то идет сюда, — объяснил Кемпер.

Пендарева прикусил губу. Звук, настороживший Серых Рыцарей, достиг и его смертных органов чувств. Топот ног и срывающееся дыхание. Одинокая фигура далеко впереди быстро выскочила из-за угла туннеля. Пендарева увидел, что это не демон и не чудовище, а заключенный.

Заключенный с дробовиком.

— Это Финн! — заорал де Зойса, вскидывая оружие. — Пристрелите его!

Пендарева увидел, что до Финна донесся крик де Зойса, и бросился наземь. Град выстрелов Серых Рыцарей прошел воздух, и в рокротовой стене над ними образовалась цепочка выбоин.

Финн врезался в стену, ослабил хватку на дробовике, и оружие выпало из рук. Он перекатился на живот, зная, что в подобной ловушке от повторного залпа уже не увернуться.

Де Зойса передернул затвор дробовика, но не успел спустить курок.

— Не стреляй, — сказал Осоркон. — Он может знать, что там впереди!

— Что? — прокричал де Зойса. — Он убил троих моих людей!

— Это не имеет значения, — сказал инквизитор. — Приведите его.

Де Зойса умоляюще посмотрел на Пендареву, но тот лишь покачал головой.

— Делай, как он говорит.

Вполголоса ругаясь, де Зойса повел отряд стражников вперед. Они не слишком деликатно подняли Финна на ноги, заодно подхватив упавший дробовик, и вернулись к основной группе.

— Эй, приятель, тебе здесь нечего делать, — прокашлялся Финн. — Они у меня на хвосте.

— Кто? — требовательно спросил Осоркон. — Сколько их?

Финн помотал головой.

— Не знаю. Здоровые ребята, вроде вон тех, — он устало кивнул на Серых Рыцарей, — но больше и в красной броне. Братья Слова. Я видел их человек тридцать, может, больше. Слушай, дай мне пушку, они убьют меня так же, как и вас.

— Заткнись, Финн! — рявкнул де Зойса, и Пендарева почувствовал, как того обуревают желание размазать заключенного по стене.

— Братья Слова, — сказал Осоркон. — Где ты это слышал?

— Не знаю, — Финн бросал нервные взгляды через плечо. — Слушай, они скоро будут тут. Они убили всех остальных и убьют вас, если мы отсюда не выберемся.

Осоркон, казалось, немного поразмыслил над этим, и Пендарева посоветовал ему думать быстрее: впереди раздался ритмичный топот марширующих ног.

— Ну же, ради Императора! — заорал Пендарева и побежал в коридор, ведущий в камеры для допросов. — Даже я слышу их приближение!

Остальные последовали за ним. Внезапно коридор вывел их в широкое полукруглое помещение с металлическими дверями, расположенными через равные промежутки вдоль противоположной вогнутой стены. Бледный свет разливался по камере сквозь толстый прозрачный купол из бронированного стекла, чья внешняя гладкая поверхность блестела от кислотного дождя.

Пендарева побежал к двери в центре стены и сунул управляющий жезл в механизм замка, но тут же сообразил, что электричества нет. Работала только батарея, и неизвестно, насколько ее могло хватить. Да и потом, ей не доставало мощности, чтобы запитать запасные замки.

Он потянул дверь на себя, заскрежетало ржавое железо.

— Это самое безопасное убежище из тех, что не затоплены кислотой.

Из камеры для допросов сочился слабый свет. Посередине стояла каталка из блестящего металла, окруженная подносами с орудиями пыток и штабелями машин угрожающего вида.

Юстикар Кемпер толкнул внутрь не сопротивляющегося Эреба, повернулся к одному из своих бойцов, и Пендарева услышал, как щелкнул встроенный в доспехи вокс. Серый Рыцарь кивнул и встал у двери, держа алебарду наготове.

— Рассредоточиться, — приказал Кемпер, когда де Зойса и его люди открыли другие камеры и принялись передвигать каталки, столы и все прочее, что можно было использовать для баррикад и прикрытия. Финна без всяких церемоний отпихнули к вогнутой стене, но он все еще протестовал, требуя оружие.

Теперь приближающихся воинов было слышно еще более явственно, и Пендареву внезапно охватил своими сокрушительными объятиями ужас. До сих пор он чувствовал, что Серые Рыцари

без лишних раздумий защитят их. Но, слыша неумолимый, мерный, как стук барабана, топот врага, все приближающегося и приближающегося, он понял, что все они обречены.

— Вот, — сказал де Зойса, вкладывая дробовик в его влажные ладони.

— Что? — тупо спросил он. — Я не умею этим пользоваться.

— Это легко, — проворчал де Зойса, взводя курок. — Просто ткни им в любого ублюдка, который появится в коридоре, и нажми на спусковой крючок. Упри приклад в плечо, а то отдача у него — будто грох лягается.

Пендарева кивнул и крепко прижал к себе оружие, хотя его так трясло, что он не был уверен, что попадет хоть в кого-то. Де Зойса подходил к своим людям, выкрикивая что-то ободряющее и обещая награды по окончании всего этого безобразия, но Пендарева слышал ложь в его словах.

Осоркон достал из-под полы своего одеяния болт-пистолет искусной работы, а его аугментированные бойцы заняли позиции, низко пригнувшись по обе стороны выхода.

— Я не позволю им забрать его, — прошипел Осоркон. — Клянусь Императором, не позволю.

— Возможно, у вас не будет выбора, — заметил Пендарева.

Осоркон покачал головой.

— Если он им так нужен, наш долг — не дать им этой возможности. Мы продержимся до прибытия подкрепления.

— Вы и в правду верите, что оно подойдет?

— Если мы сможем продержаться достаточно долго, — отвечал инквизитор. — И не забывайте, мы сражаемся вместе с Серыми Рыцарями, лучшими бойцами Астартес. Все возможно.

Оптимизм Осоркона подарил Пендареве надежду и несколько унял дрожь в руках. Инквизитор был прав. Космодесантники были величайшими воинами человечества, и кому устоять перед таким ужасающим врагом, если не им?

Первым знаком того, что враг уже здесь, было то, что юстикар Кемпер поднял руку и открыл огонь из оружия, закрепленного на латной рукавице. Грохот стоял оглушительный, и Пендарева едва не уронил собственное оружие. Остальные Серые Рыцари дали залп мгновением позже, и Пендарева заорал, более не сдерживая страха, увидев мечущиеся в неровных сполохах красные фигуры.

Он нажал на спусковой крючок и взвыл от боли — такой сильной была отдача. Он не знал, попал ли хоть во что-то, но перезарядил дробовик, как это делал де Зойса, и снова выстрелил.

В коротком затишье между залпами аугментированные воины инквизитора вскочили на ноги и заплясали между оставшихся стоять на ногах фигур в красных доспехах, мерцающими мечами и энергетическими кинжалами, рассекая металл, мясо и кость. Даже броня Астартес не защищала от этого оружия, и конечности легко отделялись от тел, головы — от шей, а руки — от плеч.

Они перебили шестерых врагов в красных доспехах, прежде чем пал первый из них, когда один из бронированных убийц зажал сияющий меч между двух пластин доспеха и крутанулся, ломая клинок. В грудь воина уткнулся болтер с дулом в виде пасти демона — спина несчастного взорвалась фонтаном осколков ребер и ошметков мяса. Вторым был один из Серых Рыцарей инквизитора. Он увернулся от могучего удара и проскочил под занесенным мечом, но не смог уклониться от тяжелого сапога, врезавшегося ему в голову. От удара череп раскололся от челюсти до виска, и он упал, обмякший, — из расколотой черепной коробки брызнул мозг.

Снова пошла стрельба, и Пендарева пригнулся; загрохотали залпы, разрывая пространство, словно горизонтальный дождь. Стражников отбросило назад, их рвали на куски мощные болты, эти крохотные ракеты. Пендарева недоумевал, насколько смехотворной была мысль о том, что все эти каталки и столы могут защитить от подобного оружия.

По коридору проталкивались все новые красные воины: не обращая внимания на ужасающие потери, они неслись прямо в огненную ловушку. Только оружие Серых Рыцарей и инквизитора оказывало хоть какой-то реальный эффект, огонь дробовиков стражников лишь дождем стучал по вражеской броне.

Соотношение сил было неравным, все новые и новые красные воины занимали камеры для допросов. Не отдав ни единой команды, юстикар Кемпер повел своих Серых Рыцарей вперед с опущенными алебардами. Красные и серебряные воины схлестнулись, зазвенели доспехи, начался беспощадный ближний бой. Серые Рыцари размахивали своими длинными комбинированными алебардами, совершая четкие выверенные движения.

Пал вражеский воин, его голова была разбита вдребезги, конечности дергались в предсмертной агонии. Палец продолжал жать на курок, и взрывающиеся пули описывали дугу вверх по стене...

...и по прозрачному куполу из бронированного стекла.

Оно могло выдержать обычные пули, но крупнокалиберные разрывные снаряды испещрили его следами маленьких взрывов, и по поверхности от эпицентра попадания болтера стали расползаться трещины.

Пендарева поднял глаза, услышав высокое резкое «тинк-тинк-тинк» стекла, покрывающегося трещинами с пугающей быстротой.

— О нет, — выдохнул он, — стекло... оно...

Надзирателю так и не довелось выкрикнуть предупреждение: бронированное стекло наконец расколосось на тысячу острых, как бритва, осколков и осыпалось вниз алмазным дождем. Пендарева откатился к выгнутой стене, слушая тяжелый звон обрушившегося купола и крики людей, расчленяемых на куски длинными блестящими кинжалами стекла.

Космодесантники, облаченные в прочные доспехи, не пострадали от этих несущественных снарядов, а вот охранникам повезло меньше. Пендарева увидел, как де Зойса распорол от лопатки до паха углом большого куска стекла. Другого охранника пригвоздило тремя длинными блестящими осколками. Еще одному стеклянное лезвие, опустившись, подобно гильотине, отсекло руки.

За осколками последовал кислотный дождь. Ядовитый прибор с воем ворвался в камеры для допросов, закружив битое стекло. Пендарева вскрикнул, почувствовав обжигающее прикосновение кислоты, и отчаянно, ползком устремился к ближайшей двери. Он увидел, как Финн пробирается в дверь одной из расположенных напротив пыточных.

Пендарева сжал обожженными пальцами край железной двери и услышал позади крик боли. Инквизитор Осоркон лежал на боку, его одежды, покрытые дырами от кислоты, дымились. Рука инквизитора тянулась к Пендареве, плоть на ней шипела и пузырилась, как жир на решетке.

Пендарева хотел помочь Финну, но знал, что ринуться назад в водоворот битвы, кислоты и пляшущих осколков стекла — значило умереть.

Мимо промелькнуло красное пятно, тяжелые шаги прогрохотали где-то рядом с головой, но он не обратил внимания и пополз вперед, в прохладу пыточной, перекатываясь на спину и жадно глотая воздух.

Лязг оружия, выстрелы и визжащий смерч из ветра и кислоты все еще шумели позади. Он подтянулся вперед на локтях, пытаясь оказаться как можно дальше от этого ужаса за дверью. Пендарева посмотрел вверх, услышав захлебывающиеся болезненные стоны и те же тяжелые шаги, прогремевшие рядом чуть раньше.

В дверном проеме вырисовывался силуэт Эреба. Могучей лапищей он держал Осоркона за шею, торжествующая усмешка рассекала татуированное лицо.

— Гнев Императора... — прошипел почти потерявший сознание Осоркон.

Эреб заставил инквизитора умолкнуть, заехав ему тыльной стороной ладони по челюсти, и вернул страшный, не имеющий возраста взгляд к Пендареве.

— Пожалуйста, — сказал Пендарева, когда шум битвы за дверью внезапно и пугающе стих.

Он слышал лишь рев ветра и шипение растворяющихся под воздействием кислоты тел.

— Пожалуйста — что? — спросил Эреб. — Не убивать тебя? Взять тебя с собой?

— Я не хочу умирать, — сказал Пендарева. — Пожалуйста, твои... друзья спасли тебя, разве этого не довольно? Я никогда не обращался с тобой плохо. Тебе нет нужды убивать меня, ведь правда?

— Спасли меня? — резко, невесело рассмеялся Эреб. — Вот как ты понимаешь то, что тут произошло?

— А разве не так?

— Ты что, всерьез полагаешь, что я позволил бы грязному маленькому тюремщику вроде тебя пленить себя? То, что я здесь — это часть плана, а не случайность.

— Почему? — больше ничего Пендареве в голову не приходило.

В ответ Эреб поднял бесчувственного инквизитора легко, как тряпку.

— Этому заблудшему трупопоклоннику ведомы тайны, которые я очень желал бы узнать — тайны, которые я узнаю, разрывая его тело и душу на части. Он знает то, что неизвестно слепым массам невежественного человечества. Древняя мудрость, спрятанная в забытых местах, и расположение запретных врат в Эмпиреи, где меня ждет мой господин и повелитель.

Большая часть слов Эреба ничего не значила для Пендаревы, но одно было совершенно ясно: Эреб сам спланировал собственное пленение, чтобы заманить инквизитора Осоркона на Орина Септимус, зная, что лишь бесконечно опасный узник заставит того совершить подобную вылазку.

Все случившееся в тот кровавый день было лишь подготовкой к этому моменту, и Пендарева понимал, что он мертвец.

— Хорошо, — сказал Эреб, — ты знаешь свою участь.

Финн услышал из другой камеры для допросов одиночный выстрел и вжался что есть сил в угол камеры. Освобождение, которое сулили ему мечты и видения, обернулось ничем. Он молился, чтобы эти воины в красных доспехах сделали, что там они собирались сделать, и убрались куда подальше.

Все еще оставался мизерный шанс, что он выберется из этой ситуации целым и невредимым. Финн задержал дыхание, услышав тяжелые шаги воинов в броне. Они заходили в комнату, и он поднялся, полный решимости умереть стоя.

Двое демонических воинов вошли в помещение и встали над ним. Один был без шлема, череп его покрывала сложная татуировка, и Финн узнал в нем бывшего узника.

— Убей его, и покончим с этим, Эреб, — сказал один из воинов. — Мы получили то, за чем пришли.

— Да уж, давай, Эреб, — оскалился Финн, вызывающе простирая руки. — Убей меня.

Татуированный воин вышел вперед и склонился, протянув руку. Пальцы латной рукавицы коснулись щеки Финна, забрызганной кровью погибших охранников.

Финн встретился взглядом с Эребом, понимая, что его жизнь висит на волоске.

— Он затронут варпом, — сказал Эреб. — Я чувствую это, словно холодную сталь в мозгу. Вот кто привел вас сюда, знал он это или нет.

— Так его тоже берем?

Эреб покачал головой.

— Нет. Мы оставим его, и он устроит ад любому, кто его найдет.

Не говоря больше ни слова, Эреб развернулся и промаршировал из комнаты, оставив сбитого с толку Финна стоять посредине. В открытую дверь тот видел, как красные воины подбирают своих мертвецов и уходят из камер для допросов. Эреб волочил за собой фигуру в голубом одеянии.

Когда они ушли, Финн разглядел громадные тела космодесантников в расколотых серебряных доспехах, усеявшие залитое кровью место битвы, и испытал своего рода удовлетворение, заметив среди погибших тело де Зойса.

Он судорожно выдохнул и привалился к косяку, не веря, что уцелел в такой резне. Ветер, врывающийся сквозь разбитый купол, все еще гонял по комнате кислотные вихри, но сила его иссякла. Буря там, наверху, двинулась дальше.

Он протянул руку, сомкнул пальцы вокруг ремня дробовика и выволок его из-под тела охранника. Ствол испещрили следы кислоты, но он улыбнулся, обнаружив после беглого осмотра, что спусковой механизм не пострадал и оружие заряжено.

Финн щелкнул затвором, размышляя над сложившейся ситуацией.

Он оказался в ловушке в мире, омываемом едкими кислотными бурями, в подземной тюрьме, которую быстро наполняла кислота.

Эреб сказал, что он устроит ад любому, кто его найдет...

«Ну, в этом он прав», — подумал Финн и недобро усмехнулся.

Дэн Абнетт

ПРИМАНКА

За Каэроградом и плодородными равнинами, там, где северная земля забирается в голодную пасть зимы, есть место под названием Намгород. Долгое время в нем правили люди, но потом им стало невмоготу, и они уступили его дикой природе. Даже летом не рада человеку северная земля — ни крутые каменистые холмы, ни лесочки, ни лощины с ручьями, замерзающими на девять месяцев в год. Зимой север отхаркивается на Намгород снегом, как туберкулезник кровью, и местность становится смертельным врагом всему живому и теплomu. Люди знали это, когда

возводили Намгород, знали каждую зиму, пока боролись за него, а когда отдали на милость снега и льда, поняли, что настоящей владычицей здесь может быть только зима.

Теггет пришел в Намгород незадолго до блистающей зимы. В воздухе уже пахло морозом: запах и вкус у него, как у ледяного камня.

Теггет был охотником за головами. В летние месяцы на севере укрывается немало преступников, дезертиров и беглых каторжников, поэтому тамошние тропы Теггет знал неплохо. Только сезон охоты закончился шесть месяцев назад, и те беглецы, кому не хотелось замерзнуть насмерть, уже попробовали удрать через равнины, но в большинстве своем угодили в лапы профессионалов, вроде Теггета.

Охотнику за головами, особенно такому умелому и опытному, как Теггет, не пристало забредать в северную глушь в это время года, но у Теггета имелись веские причины. Во-первых, вознаграждение — столько за три удачных сезона не заработать. Во-вторых, дорогой бодиглав с самоподогревом, доставшийся по случаю. В-третьих и в-главных, сам заказ. Род занятий сделал Теггета изгоем. Вельможи и сановники, высшее общество Каэрограда, считали его необходимым злом. Здорово, что этот заказ исходил от самого регента. Теггет предвкушал, как вырастет его авторитет: он получит новую должность, возможно, даже придворным станет. «Лоуэн Теггет, охотник за головами его превосходительства регента».

Работал Теггет в одиночку. Он объяснил это регенту и возражений не услышал. Регент, в свою очередь, объяснил, что заказ особенный и дело очень деликатное. Обращался он вроде бы к Теггету, а смотрел в сторону, словно от охотника за головами дурно пахло. О заказе следовало помалкивать, огласка будет стоить Теггету награды. Регент намекнул и на другие штрафные санкции, оговорил дополнительные условия.

Теггет о своей работе не болтал — он просто выполнял ее. Наверное, поэтому люди регента выбрали его. Ну, репутация свою роль тоже сыграла. Сам Теггет о своей работе не болтал, зато болтали другие. Молва сделала Лоуэна Теггета знаменитым убийцей.

Когда до Намгорода осталось около километра, Теггет заглушил движок мотоцикла и пошел пешком. За глушитель к своему байку он на черном рынке отдал целое состояние, но испытывать судьбу не хотелось. Теггет застегнул армированную куртку, достал из багажника охотничий лазган и выпустил на волю двух лучших псибер-манков. Псиберы расправили металлические крылья и закружили над вершинами деревьев. Оба были как небольшие ястребы-пустельги из стали и керамики. Теггет надавил на свою левую скулу — в искусственном левом глазу появилось полиэкранное изображение того, что видели псибер-манки.

В Намгороде царил тишина. Среди осыпающихся черных руин выделялся остов огромного строения, брошенного на милость ветров. Куда ни глянь, все запорошил снег. Тяжелое темное небо напоминало закопченное стекло, на западе гирляндой фонариков зажглись первые зимние звезды.

— Где ты? — прошептал Теггет.

— Если бы меня... — Пытаясь успокоиться, Павлов Курц, регент Каэрограда, прочистил горло. — Госпожа, если бы меня уведомили о вашем визите, я подготовил бы куда...

Ольга Караманц подняла руку: тише, мол.

— Не извиняйтесь, регент. От вас мне нужно немного, торжественный прием с соблюдением формальностей в число моих требований не входит.

— Простите, госпожа, но система Колдруса — сущее захоlustье. Вниманием нас не балуют. Официальные визиты — редкость, особенно если дело касается августейшей особы вроде канониссы ордена святой великомученицы. Экклезиархия затребует конференцию, чтобы побеседовать с вами о вере, и...

— Это не официальный визит, — перебила Сестра Битвы, которая стояла слева от канониссы.

— Вам уже объяснили, что дело тут личное, — добавила сестра, ожидавшая у двери.

Курц открыл рот, чтобы заговорить, но тотчас закрыл его и сел на место. Неладное он почуял, едва ему доложили о прибытии гостей. Канониссы вроде Ольги Караманц на планету вроде Колдрус Прайм от нечего делать не заглядывают. Они не прибывают тайно и не проскальзывают в покои регента с черного хода в сопровождении всего двух сестер. Ни свиты, ни большого эскорта — три женщины в черных плащах, под которыми угадываются доспехи.

Лицо канониссы Караманц, насколько Курц смог рассмотреть под вуалью, удивляло молодостью. Черты правильные, тонкие, едва ли не девичьи. Ее возраст регент не определил, но голос казался тысячелетним: так сухо и мягко он звучал.

— Вы знаете, в чем здесь дело? — спросила канонисса.

Курц кивнул:

— Дело... ну, касается злодея-еретика.

Сестры Битвы, сопровождавшие канониссу, были куда выше и крепче своей госпожи. Они стояли, сложив руки на животе, их лица скрывала вуаль, свисающая с черных клобуков. Канонисса представила их как сестру Элиас и сестру Бернадет, только кто есть кто, регент не запомнил.

— Злодея-еретика, — повторила не то Элиас, не то Бернадет.

— О происшествиях вы считали нужным сообщать с особой осторожностью, по экуменическим каналам, — напомнила не то Бернадет, не то Элиас. — Следовательно, вы поняли, насколько щекотлива ситуация.

— Я... да, понял.

— Тем не менее, наш визит вас удивляет?

Курц снова откашлялся, подошел к буфету и взял бокал амасека. Неожиданный визит сорвал ему ужин с представителями торговой элиты. Курц даже не снял мантию с вычурными символами гильдии и торговых союзов, покровителем которых он являлся. Он пригубил амасек, и тепло алкоголя растеклось по телу, прибавляя ему решимости.

— Я ожидал ответа, — сказал Курц. — Посланника или даже сестру-эmissарку. Кого-то, кто проследит, что проблема решается должным образом. Но... не саму канониссу. — Курц обвел гостей взглядом. — Простите, могу я предложить?..

Ольга Караманц покачала головой от имени всех троих.

— Извините, регент, но вас неверно проинформировали, — заявила Ольга. — Мы здесь по воле священного ордена. Да, мы хотим убедиться, что проблема... решается должным образом. Не расскажете, что именно произошло?

Курц кивнул. Неожиданно вспомнился Теггет, и он с тревогой спросил себя, не напрасно ли его нанял. Трон свидетель: гневить канониссу Курц не желал.

Отправлять человека на верную смерть он тоже не желал. Даже такого мерзавца, как Теггет.

Большой зал собраний Намгорода возвышался над Теггетом, как скелет кита. Ветер стих. Блестящие в ночном мраке снежинки падали медленно и тихо. Собачий холод!

Лоуэн Теггет привык к трудностям. Он ведь бывший штурмовик элитного отряда Имперской Гвардии. Он прошел через сущий ад, который до сих пор снится ему по ночам. Собачий холод — это так, пустяки.

Теггет брел по развалинам, потирая батарею лазгана самоподогревающимся бодиглавом. Только бы не села! Рядом кто-то был — вон потушенный костер, вон замерзшие лужицы, вон обглоданные кости мелких зверьков. Еще чувствовалось чье-то присутствие, в безмолвных руинах таилась чья-то тень.

Теггет знал, на кого охотится. Это не пугало его, а лишь удваивало бдительность.

«Тот еретик — сущий притворщик, — заявил регент. — Хочет, чтобы его считали тем, кем он не является. Богом-Императором! Будь это правдой, Теггет, я не послал бы вас туда. Это пустое притворство, даже богохульство».

Богохульство... Ну и словечко!

Намгород люди построили много веков назад, сразу по прибытии на Колдрус Прайм. Это место выбрали только потому, что оно соседствовало с зоной приземления. Большой зал соорудили первой же зимой из брусьев и балок, снятых с космического корабля, потерпевшего крушение. Позднее колонисты выяснили, что другие части планеты пригодны для жизни куда больше, но за Намгород, место первой высадки, из уважения цеплялись еще долгое время, пока он не стал совершенно нежилым.

Нежилой, непокоренный — таков северный край. Жители Колдрус Прайм, предки Теггета, ушли из Намгорода: слишком неуютным он был, слишком диким.

Сейчас дикое таилось рядом с Теггетом. Он ощущал его так же явственно, как снег.

Теггет проверил изображение, которое передавали псиберы, кружившие над Большим залом. Их оптика была усилена матрицами ночного видения и холодной подсветкой.

Слева раздался шорох — точно мышь зашуршала во мраке. Теггет поднял лазган и стал медленно водить им из стороны в сторону.

Вспышка, и изображения с псиберов поочередно исчезли. Теггет попробовал вызвать их снова, но контакт пропал. Сердце бешено застучало.

Удар сзади был таким сильным и стремительным, что Теггет и вскрикнуть не успел. Сначала в воздухе закружился его лазган, потом весь мир перевернулся: от столкновения Теггета швырнуло вверх тормашками.

Теггет увидел ярко-красный фонтан и сразу понял: это его кровь.

— В первую очередь я стремился защитить репутацию ордена, — начал Курц, снова сев на свое место. — Известно о трех случаях массовых убийств. Злоумышленник очень хотел внушить, что это дело рук Сестры Битвы. — Регент сделал паузу и посмотрел на гостей. — Сестры ордена Святой Великомученицы, — многозначительно добавил он. — Сестры... которую растлили.

Женщины в черных плащах не проронили ни слова.

— Я подумал, это невозможно, — продолжал Курц. — Абсолютно невозможно. Вас, сестер, простите, госпожа, едва не сказал «вашего брата», не растлишь. Я и в архивах порылся, чтобы укрепиться во мнении. История видела немало ужасного, но растение Сестры Битвы — ни разу.

Тогда я и понял, что это обман, полное безумие. Я считал, что столкнулся с богохульством. Вам наверняка известно, что в Пределе Пируса сейчас неспокойно. Времена тяжелые, но, к счастью, волна смуты нас пока не накрыла. Порой жизнь в захолустье имеет свои плюсы. Мне казалось, какой-то еретик решил запятнать имя ордена, посеять смятение и страх. Я посылал сообщения, чтобы предупредить вас о клевете. — Регент снова помолчал, но гости по-прежнему не проронили ни звука. — А сейчас... сейчас я уже не уверен.

— Почему? — спросила канонисса.

— Потому что вы здесь.

— Что вы предприняли? — спросила не то Элиас, не то Бернадет.

— Человека нанял. Охотника на людей, профессионала с хорошей репутацией. Ему велено выследить еретика, дабы решить проблему и восстановить доброе имя ордена.

Канонисса встала.

— Вы послали человека за этим... как вы сказали? За этим еретиком?

— Надежного человека. Профессионала.

— Регент, вы подписали ему смертный приговор.

— Необходимые меры я принял, а этот человек отнюдь не глуп. Он очень ловок, хитер и будет молчать.

— До скончания дней, — добавила не то Бернадет, не то Элиас.

— Послушайте... — начал регент.

— Нет, это вы послушайте! — рявкнула канонисса. — Я должна знать, куда именно отправился ваш человек, и что ему известно. Его нужно остановить.

— Хотите сказать... — изумился регент, лишь сейчас сообразив, в чем дело.

— Вам я не хочу сказать ничего, — перебила канонисса. — Так лучше. Трон все знает и видит. Говорите, куда направился ваш человек.

— Я не просто скажу, а покажу, — дрожащим от страха голосом произнес Курц. — У того человека с собой устройство отслеживания: так мы с ним условились.

— Доложите ситуацию! — шепнула канонисса в переговорное устройство. Ночь выдалась безлунная, снежинки липли к щитку шлема.

— Сигнал четкий, — ответила сестра Элиас.

— Я приближаюсь, — добавила сестра Бернадет.

«Две лучшие сестры, — подумала Ольга Караманц. — Бернадет и Элиас, самые способные воительницы ордена». Обе давно исчезли из виду, но канонисса без труда представила себе Элиас со штурм-болтером и Бернадет с огнеметом и энергетическим мечом. Лучшие из лучших.

«Нет, — мысленно поправила себя канонисса, — лучшей была Мириэль».

Под снегопадом канонисса брела вдоль темных деревьев, не убирая руки с булавы. Плащ у нее был без подогрева, но от лютого холода защищали доспехи. Ольга Караманц решила, что холод наслал Император — это и смиряло, и воодушевляло.

Посадочный модуль канониссы приземлился в двух километрах от места под названием Намгород. Регент умолял дождаться утра, тогда он сможет собрать подкрепление — бойцов СПО из частей внутренней гвардии.

Исключено. Проблему нужно решать собственными силами. Если секрет раскроется, если поползут слухи...

Ольга Караманц замерла от ужаса. Ситуация невыносимая. Невыносимая. Лучше разобраться в ней сейчас же, под безмолвным покровом холодной зимней ночи. Мириэль... Мириэль!

Мотоцикл сестры нашли возле тропы, сигнал привел их к руинам. Теггет, охотник, которого нанял Павлов Курц, наверняка погиб несколько часов назад, но снабдить его устройством отслеживания — блестящая идея. Труп небось уже остывает, а устройство работает и посылает сигналы.

— Тут что-то... — начала Элиас, но тотчас добавила: — Нет, это просто лис. Здесь все чисто.

Караманц глянула на переносной приемник. Сигнал от бедняги охотника был по-прежнему четким и поступал из одного места — из руин большого зала собраний.

«Где ты, Мириэль?» — гадала Караманц. Только на деле она думала не об этом. На деле вопрос звучал так: «Что с тобой сотворили? Что сотворили силы Хаоса, когда ты угодила к ним в лапы?» Вердикон — вот, где это случилось. Мириэль Сабатиль считали погибшей в кровавом сражении с нечестивыми Детьми Императора.

А потом такое... Мириэль вернулась из мертвых. Измененная. Измененная так, как не меняли ни одну из Сестер Битвы.

После могучих Адептус Астартес, воинов-космодесантников, Адепта Сороритас, Сестры Битвы — совершеннейшие бойцы Империи Человечества. В отличие от Астартес, ни одна из Сестер прежде не позволяла себя растлить. Какая добыча для Хаоса! Сколь коварен совративший ее!

— Канонисса! — позвала Элиас.

— Говори, дитя.

— Во флигелях никого. Я захожу с запада.

— Иди на цель! — велела Караманц и включила энергетическую булаву — в снежной мгле она засветилась голубым. — Бернадет?

— Я к востоку от вас. Приближаюсь к цели.

Канонисса вошла в большой зал. Сквозь голые балки и поперечины, снятые с древнего космического корабля, снег сыпал, точно мука. Теперь источник сигнала был прямо перед ней. С булавой наготове, Ольга шагнула вперед, ожидая увидеть труп Теггета.

Трупа не было — лишь кровавые брызги на черных плитах.

Кровавые брызги и мигающий приборчик...

— Берегитесь! — закричала канонисса в переговорное устройство, сориентировавшись мгновенно.

Мгновенно, но слишком поздно для сестры Бернадет, которая кралась по раскуроченным плитам восточного трансепта. Услышав гул, сестра повернулась и подняла меч. Из темноты на нее спикировал псибер-манок. Ястребиные когти и клюв содрали шлем, разбили лицо, размозжили череп. Бернадет пошатнулась, машинально схватилась за растерзанную голову — меч и огнемет упали на битый камень. В разорванном горле негромко захлюпало, и Бернадет упала замертво.

Элиас услышала грохот падения и бросилась на помощь. До тела оставалось шагов десять, когда огнемет Бернадет выстрелил сам собой. Огненная струя ударила Элиас, словно молот, мгновенно опалив ей одежду, вуаль, кожу на лице. Пламя пожирало Элиас — она пошатнулась и закричала от гнева. Штурмовой болтер она подняла рукой, которая плавилась на глазах.

Выстрел из охотничьего лазгана снес ей череп и Элиас рухнула. Неподвижный, искореженный, ее труп продолжал гореть.

— Элиас! Бернадет! Сестры!

В ответ тишина. Треск в онемевшем переговорном устройстве. Треск пламени. Свист зимнего ветра.

— Мириэль? — Караманц медленно развернулась, держа булаву наготове.

— Меня было так легко найти? — спросил голос из темноты.

— Да, — процедила Караманц.

— Вот и хорошо.

— Пожалуйста, Мириэль, я хочу тебе помочь.

Во мраке проступила тень. Лишь тень, сгорбленная, похожая на марионетку, с длинными патлами, подсвеченными сиянием снега.

— Я знала, что ты придешь за мной, — сказала тень. — Знала, что будешь вечно на меня охотиться.

— Я хочу помочь.

Тень засмеялась.

— Властью Трона и Бога-Императора... — начала Караманц.

— Замолчи! Это я больше слышать не желаю.

— Мириэль...

— Я столько хочу сделать. Я столько должна сделать, но пока ты за мной охотишься, настоящей свободы мне не видать. Так что это — мера вынужденная.

— Что «это»?

— Почему ты меня так быстро нашла? Как думаешь, госпожа моя?

Ольга Караманц застыла, стиснув рукоять энергетической булавы.

— Я хотела, чтобы ты сюда явилась, хотела решить проблему раз и навсегда.

Тень приблизилась. Это была не Мириэль, а крепыш-охотник в бронекостюме, бледный, раненый, шатающийся. К груди он прижимал лазган, но поднять его даже не попробовал.

— Мириэль!

— Бальзарофт, мой господин, имеет на меня большие планы, — донеслось из мрака. — Пока ты на меня охотишься, мне их не осуществить. Поэтому я заманила тебя сюда. Проблему нужно решить раз и навсегда.

Канонисса Ольга Караманц развернулась и подняла булаву, чтобы защищаться. Ослепительный, как снег горных вершин, луч лазгана коснулся ее и пронзил — сквозь плащ и доспехи до самого позвоночника.

Канонисса упала, поливая обледеневший пол кровью, такой горячей, что стал подниматься пар. Ее рот беззвучно открывался и закрывался под вуалью.

— Тш-ш! — зашипели из мрака. — Не будем больше об этом.

— Мне холодно, — пожаловался Лоуэн Теггет. Он сел на пол и опустил голову на колени. Теггет устал. В большом зале мерзко воняло кровью — запах точь-в-точь как от горячего железа.

— Холод можно вытерпеть, — прозвучало из мрака.

— Это вам можно, а я ранен. Вы меня ранили.

Из мрака появилась Мириэль Сабатиль с мечом в руке и склонилась над Теггетом.

— Ты поправишься. Отныне ты мой. Демон-принцы поют, и у меня пульс учащается. Скоро и у тебя участится.

— Трон! — вздохнул Теггет. — Я проклят? Вы меня прокляли?

— Ты был приманкой, Лоуэн. Ты помог мне одолеть врагов. В благодарность я сохраню тебе жизнь... и покажу чудеса, которые видела сама.

Теггет застонал.

Мириэль Сабатиль расправила плечи и вытянула руку, на которую тотчас сели манки-пустельги. С одной птицы капала кровь.

— Лоуэн, ты мне нравишься, и игрушки твои нравятся. Такие забавные! Ты мог бы служить мне.

— Каким образом, госпожа?

— Ах, Лоуэн Теггет, просто будь самим собой. Ты смысленный малый и ловкий убийца. Сегодня взял и уложил двух Сестер Битвы. Тебе по плечу любая задача.

Теггет невесело улыбнулся и покачал головой.

— Я просто охотник за головами, госпожа.

Мириэль пригладила его всклокоченные волосы.

— Нет, Лоуэн, ты не просто охотник. Теперь ты мой друг и помощник. Хочу, чтобы ты мне служил.

Когда Теггет поднял голову, на бледном лице у него читался страх.

— Так вот что чувствуешь при растрении, — проговорил он.

Мириэль кивнула, не переставая гладить его по голове.

— Ощущения приятные, — признал Теггет. — Куда мы отправимся?

— Ну, охотничек, хочешь поохотиться на эльдар? — предложила Мириэль Сабатиль.

Даррен-Джон Эшмор

ЛЕЗВИЕ ВЕРЫ

Судя по показаниям хронометра уже несколько часов как рассвело. Сестра ордена госпитальеров Верина вместе со старшим сержантом Гвардии Аленой Филоновой выбралась из траншеи, огибавшей их бастион, чтобы осмотреть дорогу, забиравшую вверх по направлению к перевалу Дин. На самом деле, было не так уж и важно, сколько прошло времени с рассвета. Из-за варп-шторма, вызванного колдовским воздействием, небо было затянуто непроницаемыми для солнечных лучей тучами. В таких условиях любые полеты в атмосфере были невозможны. Единственным источником света теперь остались красные отблески пламени горящего на юге Фалькенского леса. Этот неверный свет заливал поле боя, на которое женщины глядели сквозь свои инфракрасные визоры.

Земля была испещрена воронками взрывов, словно оспой, и завалена телами культистов Хаоса. Изо дня в день на рассвете эти фанатики шли штурмовать склоны, на вершинах которых спешно возводилась цепь крепостей. Последний штурм был отбит не больше получаса назад, и некоторые трупы еще горели — от них по полю стелился жирный дым, пропитанный омерзительной вонью тухлятины, вонью столь сильной, что с ней не справлялись шлемные фильтры Верины. Однако женщины выбрались из укрытия вовсе не для того, чтобы полюбоваться полем боя. Воительниц интересовали огромные ямы у подножия склона, на котором возвышался их бастион, ямы, находившиеся в слепой зоне для имперской артиллерии. Там, в этих ямах, приспешники Хаоса медленно воздвигали осадные орудия колоссального калибра. По чудовищным, невероятно древним, некогда принадлежавшим одной из сгинувших императорских армий стальным колоссам, ошестившимся стволами и мощной броней, ползали подобно муравьям приспешники Хаоса, ни на секунду не прекращая работу. Несмотря на расстояние, Верина смогла сделать вывод, что какие-то несколько часов — и осадные орудия будут готовы открыть огонь.

— Моя госпожа, взгляните на ту яму. Крайняя слева. «Лендрейдер» или что-то подобное. Несущие Слово.

Верина едва заметно вздрогнула, словно одно лишь упоминание предательского легиона Хаоса могло призвать сюда самих Повелителей Боли. Значит, космические десантники Хаоса уже здесь. Что ж, в этом нет ничего удивительного. Валерий, апостол жуткого капеллана Эреба, несколько недель назад высадился на Гирус Секундус с большим контингентом из легиона Несущих Слово. Вполне естественно было ожидать, что рано или поздно он появится здесь, жадный до крови мужчин и женщин, сражавшихся в рядах Имперской Гвардии и все еще ожидающих эвакуации в космопорте Эретов.

Благодаря автоматическим батареям было бы возможно удержать оборону даже в случае ближнего боя, но появление осадных орудий, которые сейчас монтировали воины Хаоса, кардинальным образом меняло расстановку сил. Пара залпов осадных мортир, несколько дюжин противобункерных зарядов по бастионам — и оборона будет прорвана. Верина занялась настройками визора, чтобы получше разглядеть вражеский борт. Сомневаться не приходилось, обшитая мощной броней машина была десантным транспортом «Черный крестоносец». Самые худшие опасения Верины подтвердились, когда передний люк десантно-штурмового корабля открылся, и из чрева машины выступил десантник Несущих Слово. Внушительных габаритов воин был к тому же закован в чудовищных размеров терминаторский доспех и двигался при этом легко, изящно и грациозно.

Спрыгнув обратно в траншею, Верина посмотрела туда, где сквозь развалины храма Императора-Триумфатора виднелся космодром Эретов. Там, у стартовых площадок сгрудились остатки Седьмого и Двадцать первого Гирусских полков. Она насчитала шесть грузовых челноков на опорных рамах. Помимо них еще цела стая других судов самого разного класса и калибра, от посадочных модулей до роскошных частных яхт, без устали сновала от космопорта к расположению Флота на орбите и обратно. Там, на орбите также находились и крейсера Флота,

которые сегодня утром собирались нанести по планете орбитальный удар, но решили повременить. От осознания чудовищности сложившегося положения по телу Верины прошла легкая дрожь. Отказ от бомбардировки означал, что события пошли по самому худшему варианту: Флот займется патрулированием путей отхода, а планета будет сдана врагу. Что ж, так или иначе, а Верине с сестрами предстоит держать оборону еще как минимум двенадцать часов, прикрывая отход.

Не желая выказывать свою тревогу перед сержантом Филоновой, Верина направилась к храму, чтобы в последний раз полюбоваться иконами, украшавшими это некогда величественное здание. Когда на прошлой неделе Первая рота Седьмого Гирусского полка высадилась у развалин храма и комиссар Андрош Йелинек приказал очистить и привести в порядок алтарь, Верина вернула опрокинутую статую святой Катерины туда, где ей следовало находиться — одесную Императора. Понятное дело, среди бойцов роты не водилось реставраторов, но воины трудились усердно, и Верина не была исключением. Работа над восстановлением алтаря помогла ей на время справиться с собственными чувствами, бушевавшими в сердце с тех пор, как погиб ее наставник.

Когда-то Верина состояла в ордене Девы-Мученицы, и не было для нее большего счастья, чем преданно служить святой Катерине, врачую и утешая страждущих, — с самого детства она чувствовала призвание к этому делу. Канонисса Софития говорила, что у нее истинный дар и ей под силу исцелить даже самую изломанную, искореженную душу. Не будет преувеличением сказать, что вот уже многие годы в ордене не было хирурга равного Верине как в талантах врачевания, так и в благочестии. Возможно, именно эти таланты и привлекли внимание инквизитора лорда Матальнэ, который, к большому неудовольствию канониссы, забрал Верину из обители, призвав девушку к себе на службу.

Верина мысленно вернулась в тот день. Она в мельчайших подробностях помнила ожесточенный спор между Софитией и стариком-инквизитором.

— Я ее вырастила. Она дорога мне. Она нежная и ранимая. Она ничего не знает о мире за пределами этих стен и не готова нести столь тяжелую ношу, которую вы собираетесь взвалить на ее плечи.

В тот день Верина в силу надменности, свойственной юности, полагала, что Софития хотела унижить ее перед инквизитором, чтобы тот оставил ее в монастыре святой Катерины. В глубине души она обрадовалась, когда лорд Матальнэ с улыбкой отмахнулся от доводов канониссы и без обиняков поинтересовался, не желает ли Софития официально оспорить его выбор. Только потом Верина узнала, что, с одной стороны, у лорда-инквизитора был Темный Дар, а Софития всегда относилась к псайкерам с презрением; с другой стороны, орден никогда бы не решился пойти на обострение отношений с Инквизицией по столь незначительному вопросу, каковым была судьба молоденькой монашки.

Да, Верине пришлось пройти через многие испытания. Судьба вырвала ее из привычного мирка, полного чистой веры и молитвы, заставив обратить талант на службу Империи. Верина, прежде имевшая весьма смутное представление о врагах человеческой расы, теперь вплотную столкнулась с ведьмами, культистами и падшими. Несмотря на то, что от нее требовались преимущественно ее таланты врачевательницы — люди из свиты инквизитора часто нуждались в медицинской помощи — особенностью ее работы здесь было «хирургическое сопровождение» допросов, и за четыре года, до прибытия в Пределы Пируса в прошлом месяце, через ее руки прошли более двух сотен подсудимых. По меткому выражению лорда Матальнэ, она «вырезала из них правду». После такого выживали очень немногие. Тех, кто был признан виновным, предавали очистительному огню, а невиновных ждала инъекция — «Милость Императора», обеспечивающая быструю безболезненную смерть.

И в этом заключалась суть дилеммы, не дававшей Верине покоя, как ни пытался успокоить ее лорд Матальнэ. Верина принесла обет святой Катерине — посвятить себя врачеванию, а потом во имя Императора ей пришлось нарушить эту клятву. При этом отказ выполнить требование инквизитора автоматически означал отказ подчиниться воле Императора. Таким образом, Верина тут же оказалась бы клятвопреступницей, отрекшейся от присяги Золотому Трону. Еретичкой. Ее всю жизнь учили спасать жизни слуг Императора, а в итоге вынудили стать соучастницей пыток и убийств граждан Империиума. Кто знает, сколько еще людей приняли бы смерть от ее скальпеля, если бы месяц назад лорд Матальнэ не погиб со всей своей свитой. Его «Валькирию» сбили над Гироградом, куда он летел подавлять мятежи, поднятые культистами Хаоса на Гирус Секундус.

Прогоняя тревожные мысли, Верина подняла глаза на статую святой Катерины, после взрыва лишившуюся лица. Девушка почувствовала, как по щекам текут слезы. Ей вдруг подумалось, что статуя осталась без лица потому, что святая Катерина устыдилась ее и не желает более глядеть на снедаемую сомнениями сестру. Верина не выдержала испытания на крепость веры. В глубине души девушка была твердо уверена, что ей следовало либо найти в себе мужество воспротивиться лорду Матальнэ и лишиться себя жизни, не нарушив при этом клятвы врачевательницы, либо безропотно принять возложенную на нее ношу и не терзаться сомнениями. Верина, опустившись на колени, открыла ячейку нартециума, закрепленного на руке. Оттуда бесшумно скользнула игла. «Милость Императора». Верина уже почти израсходовала свой запас в этих условиях, когда враг шел на штурм каждый день. Впрочем, у нее еще оставалось чуть больше десятка доз — более чем достаточно, чтобы примирить себя со всеми сомнениями, не дававшими ей покоя.

Она представила, как препарат попадает в ее кровеносную систему, немедленно погружая в сон без сновидений, а потом пламя охватывает плоть, обращая тело в пепел.

— Ух ты! Да ты, я погляжу, еще живой?

Женский голос отвлек Верину. Она повернулась и обнаружила, что это сержант Филонова, которая пройдя чуть дальше по траншее, выбралась на бруствер. Создавалось впечатление, что сержант разговаривает с одним из трупов, повисших на колючей проволоке. Но нет — молодой человек в изорванной одежде застонал и потянулся дрожащей рукой к открытой ране на груди, нанесенной лазерным разрядом.

Филонова взяла в руки пистолет и подкрутила настройки мощности батареи:

— Погоди, не торопись. Я тебе сейчас помогу.

Алена бросила на Верину ледяной взгляд и выстрелила в предателя. Грудь молодого человека должна была взорваться, разметав во все стороны обожженные ошметки плоти. Однако сержант Филонова поставила батарею лазгана на минимальную мощность — кожа раненого лишь зашипела под лучом, а сам несчастный затрясся от боли.

— Извини, — произнесла Алена, — ты не мог бы не дергаться? А то я еще ненароком тебя без глаза оставлю. — Она опять выстрелила. На сей раз луч прошел по левому глазу культиста, прочертив через все лицо глубокую косую рану.

— Давай, поставь ему еще отметину за комиссара! — крикнул ей гвардеец из окопа, расположенного чуть выше на склоне холма. — Пусть орет погромче, а его дружки там, внизу, послушают.

Под одобрительное улюлюканье гвардейцев Филонова, слегка подавшись вперед, перехватила лазган поудобнее и снова нажала на спуск. Даже Верине стало очевидно, что происходящему надо положить конец. Они находятся в зоне досягаемости оружия противника, а лазерные

вспышки могут привлечь его внимание. Сестра пробежала по траншее, подтянулась на руках, выбираясь на бруствер, чтобы схватить сержанта, столкнуть с линии огня... Тут громыхнул выстрел, эхо которого пошло гулять, отражаясь от стен разрушенного храма. Правое плечо Филоновой вздулось под доспехами, и Алена, уронив в грязь лазган, повалилась прямо на руки Верины.

Повернув тяжело дышащую женщину, Верина с помощью встроенной хирургической пилы срезала с Алены потрескавшийся наплечник. Входное отверстие было черным, рваным, звездообразным, выходное отверстие отсутствовало. Верина сразу поняла: Алenu ранили риппером. Девушке уже доводилось видеть подобные раны от отравленных обсидиановых игл. Попав в организм, игла разлеталась на мириады осколков, отправлявшихся гулять по организму. Бывало, что человеку настолько не везло, что он не погибал сразу после попадания иглы. В этом случае его смерть была мучительной — он сгнивал заживо. Верине удалось спасти только одного бойца, раненного такой иглой, однако в тот раз операция шла в прекрасно оборудованном полевом госпитале, и все равно спасение стоило гвардейцу руки. Здесь же, на передовой, с минимальным набором инструментов, без ассистентов — шансы были мизерны. И все же стоило попытаться.

Верина взвалила Алenu на плечи и понесла ее в лагерь. Она сделает все, что в ее силах, чтобы спасти раненую.

— Убейте меня. Пожалуйста... Ради Императора... Ради его любви... Убейте меня...

Верина едва обратила внимание на лазерный луч, полыхнувший у нее над головой и положивший конец крикам молодого человека.

Добравшись до лагеря, Верина положила Филонову между останками комиссара Йелинека и покрытым жуткими ранами библиарием Темных Ангелов, который, едва переставляя ноги, пришел в их лагерь на рассвете и, не сказав ни слова, рухнул без сознания. Появление космодесантника привело гвардейскую роту в ужас. Ни один из гвардейцев, возможно за исключением ныне покойного комиссара, никогда прежде не встречал воина Адептус Астартес, а раны на теле десантника, смертельные для обычного человека, заставили побледнеть даже выдавших виды ветеранов из Первой роты.

Сначала Верина подумала, что их страх вызван тем, что в библиарии Темных Ангелов гвардейцы видят подобие космодесантников Хаоса, высадившихся на планете вместе с Валерием. Однако вскоре она поняла, сколь это тяжкий удар для гвардейцев — найти одного из богоподобных воинов Императора в столь плачевном состоянии. Если даже загадочным Темным Ангелам не совладать с врагом, на что тогда надеяться им, простым смертным?

Впрочем, зачем сейчас думать о том, что не имеет никакого значения? Верина отогнала назойливые мысли и занялась тем, чему ее учили — врачеванием. Она попыталась разыскать все, какие могла, осколки в плече Алены, но очень скоро поняла, что жить Филоновой осталось не больше часа. Рана уже начала источать тошнотворный запах тлена, свидетельствующий о том, что бороться за жизнь сержанта уже бессмысленно.

— Не шевелись, Алена, — Верина удержала попытавшуюся встать женщину, и сделала ей укол болеутоляющего, — я смогу облегчить твои страдания.

— Глупо, моя госпожа, как все глупо получилось, — срывающимся шепотом произнесла Алена. Ее тело сводили судороги боги, но Верина видела, что лекарство уже начало действовать, — если бы комиссар узнал, как я... он бы с меня живьем шкуру спустил...

Верина посмотрела через плечо на останки комиссара. Накануне его накрыл взрыв, и осколки снаряда изрешетили Йелинека.

— Скажи, Алена, почему ты не могла просто добить того культиста? Я за тобой раньше такого не замечала.

— Не знаю, госпожа. Просто эти гады готовят осадные орудия, а Флот прекратил бомбардировки. Мы в безнадежном положении. Мне хотелось сделать хоть что-нибудь. И мне стало легче.

— Почему?

— Я показала этим гадам, которые засели внизу, что мы не прячемся за пушками и ракетами.

— Такой ценой? Ценой собственной жизни?

— Я довольна. Умираю достойно... я боялась, что смерть моя будет куда страшнее. Может, все дело в болеутоляющем. Может если б не оно, я бы заговорила по-иному. — Алена подцепила пальцами одну из пустых ампул и сухо рассмеялась. — Прошу, не дайте мне опозориться перед ротой, — Филонова вцепилась Верине в правую руку, — я заслужила...

В лагере стояла тишина. Верина ни на мгновение не сомневалась, что гвардейцы, вроде бы занимавшиеся своим делом, внимательно прислушиваются к их разговору. Первая рота уважала старшего сержанта Филонову. Верина знала, что женщина, лежащая перед ней, горда своей судьбой и службой в Имперской Гвардии. И сейчас Алена хотела вселить в товарищей по оружию веру в Верину, ведь именно сестре-госпитальерке предстояло сменить ее и возглавить роту. И хотя Верина знала, что ненадолго переживет Алену, она питала к сержанту достаточное уважение, чтобы не тревожить ее в эту минуту правдой.

— Ты сражалась во имя Его и пожертвовала всем, чем могла. Именем Его я благодарю тебя за службу и объявляю тебе, что ты исполнила свой долг. Алена Филонова, я дарю тебе отдых от праведных трудов.

Затянув молитву по праведникам, Верина ввела иглу с «Милостью Императора» в шею Алены.

Смерть стала частой гостьей в лагере, но когда тело Алены начало тлеть, Верине показалось, что измученные, павшие духом гвардейцы, вдруг преисполнились решимости. Эта решимость была не похожа на фанатичную отвагу касркинов из ударных войск Кадии, с которыми Верине доводилось иметь дело, поскольку именно из их рядов лорд Матальнэ набирал себе штурмовиков. Не напоминала она и праведное рвение Сестер Битвы, чьи боевые молитвы неслись прямо к небесам. Не была эта решимость сродни упрочившейся в веках вере сыновей самого Императора, видевших глубокий смысл в каждом действии и поступке. Простая, человеческая преданность и самоотверженность гвардейцев заставила Верину устыдиться своих сомнений. Как она теперь сможет смотреть этим солдатам в глаза?

Закончив обряд, девушка поднялась и решительно зашагала к храму — там ей предстоит положить конец трусливой твари, в которую она превратилась.

— Позвольте обратиться, сестра, — раздался незнакомый голос.

Верина обернулась и обнаружила, что космодесантник пришел в себя.

— Я чувствую, что времени осталось мало, причем не только у меня. Подойдите ближе. Мне надо кое-что вам сказать, а силы почти на исходе. — Библиарий медленно приподнялся на локтях и шевельнул пальцем, подзывая Верину к себе. Доспехи в области живота пересекались трещинами, из которых сочилась темная кровь и янтарная жидкость.

Верину ужасала мысль, что библиарию, даже ослабленному ранами, окажется под силу подчинить ее разум, однако она с деланным спокойствием подошла к воину и опустила ладонь ему на плечо. Прикинув все возможные варианты, она пришла к выводу, что библиарий

собирается казнить ее за еретические мысли и трусость. Что ж, пусть будет так. За Темными Ангелами закрепилась слава самого сурового и неуступчивого ордена Адептус Астартес, и Верина надеялась, что праведный воин будет судить ее строго, без снисхождения.

— Меня зовут Круций, сестра. Что вы думаете о нашем нынешнем положении? Какова диспозиция противника? Каков ваш план?

— Наше положение безнадежно, лорд Круций. Мы удерживаем один из шести бастионов. Наша цель — выиграть время и дать эвакуироваться тем, кто сейчас находится в космопорте Эретов. Враг скоро закончит монтаж осадных орудий, и через несколько часов Несущие Слово прорвут оборону. Плана у меня нет, — доложила Верина.

— Кроме как плана покончить с собой, дитя мое? — мягко уточнил Круций. — Я чувствую — что-то тебя терзает, и потому прошу — одумайся. Тебе нужен совет, мне — твоя помощь. Потому давай поговорим, что толкает верную дочь Императора в объятья ереси. Тогда, быть может, нам удастся спасти друг друга.

— Мой грех — трусость, милорд, — Верина впервые призналась другому в том, что мучает ее. — Я сомневаюсь в себе и своем предназначении. Сотни приняли смерть от моей руки, но теперь я не знаю, был ли в этих смертях какой-либо смысл. Как я могу возглавить оборону, если не владею собой?

— Ты из ордена госпитальеров святой Катерины. Да или нет?

— Да, лорд Круций. Я состояла на службе у ныне покойного инквизитора Матальнэ. Дознавателем.

Библиарий на несколько секунд закрыл глаза и, помолчав, произнес тщательно подбирая слова:

— Значит, ты считаешь свое желание спасти и сохранять жизни слабостью. Ты сомневаешься, что твоя служба в Инквизиции имела смысл. Так?

— Вера абсолютна чиста, лишь когда безусловна, милорд.

— Да, это первая строчка гимна, но какой в ней сейчас толк? Как ты думаешь, почему инквизитор призвал на службу именно тебя?

Верина не торопилась с ответом. Тщательно все обдумав, она произнесла:

— Потому, что он знал — я лучшая в искусстве врачевания среди всех послушниц нашего ордена. Мне единственной из всех учениц разрешили принять обет врачевательницы, — девушка не видела смысла врать или утаивать правду из ложной скромности.

— Значит, он знал, что тебя ждет жизнь праведницы, целиком отдающей себя делу спасения слуг Императора. Всякий, кого готовят самоотверженно спасать жизни, неизбежно будет испытывать предубеждение к убийству. Да или нет?

Верина ничего не ответила. Она сидела, погружившись в воспоминания, размышляя о долгих ночных допросах, о том, что ей приходилось совершить во имя Императора. Наконец она промолвила:

— Он называл меня Лезвием Правды. Когда под следствием оказывались особенно чувствительные, он никому не позволял помогать ему. Всегда звал только меня. Звал, хотя наверняка понимал, как я ненавидела то, что делаю.

— Окажись я на его месте, мне бы не очень хотелось, чтобы мне помогал какой-нибудь преисполненный чрезмерного энтузиазма мясник. Здесь нужен тот, чья вера чиста; кто не испытывает ни малейшего удовольствия от процесса. Разве я не прав?

— Но я же в нем усомнилась! Вы говорите сущую правду милорд, но я же должна была ему верить. Мои орденские обеты...

— Отбрасывать нельзя, — перебил ее Круций, — и закрывать на них глаза недопустимо. Ты до сих пор не в состоянии узреть истину. А она прямо у тебя перед глазами. Ты оказалась способна поставить приказы под сомнение, и только поэтому лорд-инквизитор выбрал тебя. Я в этом нисколько не сомневаюсь. Сомнение — неотъемлемая часть веры, в частности, веры в святое дело Императора.

— Это ересь.

— Ошибаешься. Ты просто, в отличие от меня, слишком мало пожила, чтобы понять природу подобных сомнений. Я стар, очень стар даже с точки зрения моего ордена. Возможно, я и так скоро бы умер, даже если бы уцелел в этой кампании. Ты даже представить себе не можешь, что происходит с верой за века. Взять, к примеру, Несущих Слово. Они восстали не потому, что усомнились в нашем повелителе. Нет, они восстали потому, что не сомневались в правоте своего дела. Их души, их сердца преисполнились такой уверенности в безошибочности избранного ими пути, что они в итоге попали в ловушку собственной самонадеянности и теперь, столетие за столетием, страдают, расплачиваясь за свою ошибку. — Круций взглянул на клубящиеся над головой тучи и произнес, обращаясь скорее к себе, нежели чем к Верине: — А мы братья этим бунтарям, мы рождены из того же семени. Как нам уберечься от сомнений перед лицом столь жуткого факта? Нет, сестра, в час самых страшных испытаний наша вера остается непоколебима лишь благодаря сомнениям.

Слова лорда Круция смутили Верину. Девушка опустила взгляд на свои руки и подумала о том, сколько подследственных за четыре года приняли смерть из этих рук. «Лорд Круций хочет сказать, что меня выбрали за кроткий нрав, за желание безоговорочно исполнять принесенные мной обеты. Сколь жестока вселенная, коль скоро она ставит меня перед таким чудовищным выбором».

— Ты по-прежнему считаешь, что инквизитор допустил ошибку, забрав тебя из обители? Думаешь, там ты смогла бы принести больше пользы? — спросил Круций. — Вот это уже пахнет ересью. Я прекрасно вижу, что у тебя на душе, сестра. Работа, которую тебе пришлось выполнять, многих свела с ума, но тебя не сломала. Ты упрямо пытаешься сохранить в себе чувство сострадания, и потому ты уникальна. Дай сомнениям волю, но не давай им целиком и полностью пожрать себя. Ведь с тобой случилось именно это.

Как ни странно, слова библиария успокоили Верину, развеяв завесу самообмана, за которой она столь долго пыталась скрыть от самой себя горькую правду.

— За свое преступление я заслужила смерть. Иного наказания я для себя не вижу.

— Может быть, оно и так, — согласился Круций, — не мне решать. Рано или поздно встреча со смертью ждет каждого из нас, но к чему ее торопить, когда у нас здесь еще есть незаконченные дела. Ты спасла свою душу от гибели, и это прекрасно. Теперь пора подумать о других. Здесь есть нуждающиеся в твоей помощи, и один из них сейчас лежит перед тобой.

Верина не сразу поняла, что лорд Круций имеет в виду себя, но даже осознав это, она не решалась спросить, что именно десантник от нее хочет. Наконец, она промолвила:

— Я сделаю все от меня зависящее, но даже если бы у меня было нужное оборудование... Я мало что знаю о физиологии Астартес, и скорее могу навредить вам, нежели помочь.

— Именно это мне и нужно, милая сестра. Я хочу, чтобы ты «навредила» мне. Мои прогеноиды ни в коем случае не должны попасть в руки врага. Несмотря на то, что самоубийство является тяжким преступлением, нельзя допустить, чтобы Хаосу досталось мое геносемя, и чтобы он пополнил свои ряды моими потомками. Это куда страшнее.

Верина приблизилась к библиарию, и он склонил голову набок, открывая шею. Не будучи уверенной в правильности своих действий, она все же ввела космодесантнику чудовищную дозу «Милости Императора». Несмотря на то, что такая доза обратила бы в прах дюжину гвардейцев, Верина сомневалась, что в этом случае ее будет достаточно.

Тело Круция свела судорога — «Милость Императора» начала действовать. С явным усилием он извлек из нагрудника реликварий, открыл створки и достал из него кусочек доспеха. Протянув его Верине, библиарий закрыл глаза.

— Это все, что от него осталось, и единственное, о чем я сожалею, так это что я уже не увижу его возвращения.

Верина, ничего не понимая, приняла из рук Круция кусочек зеленого керамика.

— Думаешь, я сошел с ума? Среди таких как твой бывший наставник-инквизитор есть немало тех, кто считает, что наш орден обезумел от осознания былых злодейств... Но что даст нам его смерть, если мы не сможем вернуть его домой?

— Милорд, я вас не понимаю.

— Блажен падший Ангел, вернувшийся к братьям в отчий дом. И да очистится кающийся грешник и отринет от себя плоть свою грешную. И да предстанет дух его перед Всеотцом. И да осудит Всеотец его и покарает его. И да возрадуется милости Его очищенная от скверны душа...

Теперь Верине было очевидно, что библиарий бредит, слабея с каждой секундой — органы и нервная система уже распались под воздействием «Милости Императора».

— Скажи, милая сестра, что ты думаешь о нашем нынешнем положении? Какова диспозиция противника? Каков твой план? — слова едва слышно слетели с губ космодесантника.

Верина ощутила невероятный душевный подъем — в последний раз энтузиазм такой силы посещал ее лишь в обители ордена. В благоговейном трепете она опустилась на колени, и усталые гвардейцы обступили девушку и умирающего десантника, отдавая последнюю дань непреклонному воину.

— Лорд Круций, мы — штурмовая группа Имперской Гвардии. Противник монтирует осадные орудия, чтобы прорвать оборону космопорта. Я предлагаю силами вверенного мне подразделения нанести удар по осадным орудиям и вывести их из строя, прежде чем они откроют огонь по нашим бастионам.

По большому счету, Верина не знала, чего ждать от выживших гвардейцев, после того как Круций, наконец, испустил дух. Они имели полное право махнуть рукой на любые ее слова, сказанные у смертного одра библиария, и продолжить исполнять ранее полученные письменные приказы. Но этого не произошло. Верина едва не заплакала от радости, когда увидела, как воины быстро и умело заряжают оружие, сосредоточенно изучают тактические схемы и готовят батареи огневой поддержки. Кто-то из гвардейцев передал известие о новом плане соседним ротам, и вскоре Верина обсуждала детали предстоящей атаки с другими командирами.

Окончательное решение об атаке было принято за считанные секунды. Несколько минут — и батареи уже заряжены. Еще мгновение — и заговорили пушки, запылали огнем ракетные установки.

— Всем отслеживать заградительный огонь! — крикнула Верина подоспевшим гвардейцам. — Саперы, вы знаете, что делать. Сосредоточьтесь на цели, а об остальном не думайте, тогда у нас все получится.

— Госпожа, очень сложно сосредоточиться, когда на тебя прут полсотни Несущих Слово! — произнесла одна из женщин в заднем ряду, принявшая штандарт сержанта Филоновой.

— Ничего, рядом будет сестра Верина, справишься, — отозвался кто-то из ветеранов. Гвардейцы одобрительно зашумели.

«Отлично, просто отлично», — подумала Верина. Лицо девушки осветила улыбка. Им всем было страшно, все они понимали, что идут на верную смерть, но они верили ей, и этой веры было достаточно, чтобы закончить начатое дело.

Верина взялась за украшенный орнаментом цепной меч, некогда принадлежавший Андрошу Йелинеку и на мгновение задумалась: что значит для нее это оружие? Она никогда прежде не брала в руки клинок такой мощи и знала, что не умеет толком обращаться с ним. Однако это древнее оружие служило свидетельством того, что теперь она понимает суть принесенных обетов и их значимость для себя. Она готова исполнить свой долг. Взобравшись на стрелковую ступень траншеи, Верина взглянула на тело молодого культиста, того самого, которого пыталась Алена. Верина молча вознесла краткую молитву Золотому Трону, чтобы его предсмертное желание искупления было искренним, и двинулась вниз по склону холма к позициям противника.

Огонь батарей и ракетных установок, прикрывавших атаку гвардейцев, был как нельзя кстати — ответный огонь противника из-за этого был беспорядочен: взрывы гремели либо перед наступающими, либо за их спинами, либо вовсе уходили в сторону. Когда рокот прикрывающих батарей стал стихать, гвардейцы находились уже всего в нескольких метрах от осадных орудий.

Вражеских механиков было много, но их буквально смело шквальным огнем шести десятков гвардейцев. Несущих Слово нигде не было видно, и саперы кинулись к орудиям, на бегу извлекая взрывчатку. Верина знала, что заряды эти предназначены для инженерных работ и были слишком малой мощности, чтобы полностью уничтожить пушки. Впрочем, этого было не нужно. Достаточно вывести из строя передаточные механизмы и системы наведения. На их ремонт уйдет не меньше суток, и к тому моменту, когда враг устранит все неполадки, на космодроме уже не останется ни одного человека. Один за другим ухнули разрывы, и все шесть мортир окутало яркое синие пламя.

Натиск противника становился все яростнее — он явно начал приходить в себя после неожиданной атаки гвардейцев. До Верины донесся жуткий, перекрывавший шум битвы рев разъяренных десантников легиона Несущих Слово, и девушка вознесла краткую молитву, надеясь, что ее воины достойно встретят смерть.

Верина обернулась, чтобы в последний раз посмотреть на холм, и сердце чуть не выпрыгнуло у нее из груди. Сквозь разрыв в непроницаемой пелене туч на одну секунду, на один кратчайший миг вниз ударил луч ослепительного солнечного света, залившего развалины храма Императора Триумфатора. Даже после того как луч исчез, казалось, что святыня на вершине холма продолжает излучать свет. Предав свою душу на попечение святой Катеины, преисполненная радости сестра ордена госпитальеров Верина обернулась к высоченным мертвоглазым чудищам, которые надвигались на нее, сверкая гигантскими когтями на перчатках оскверненной терминаторской брони. Шагнув чуть-чуть вперед, уйдя с линии огня, Верина подняла цепной меч комиссара и воззвала к своим воинам:

— За Императора! Пусть Хаос подороже заплатит за наши жизни! Покажем этим тварям, как умеет сражаться Гвардия!

Майк Ли

ЗЕРКАЛО ДУШИ

Тренодия — проклятый мир.

Планета блеклого камня и черных скал, на самом деле даже не принадлежавшая системе Хаммурат. В этом имперские исследователи были абсолютно уверены. Странствующий мир, вырвавшийся из объятий родной звезды многие миллионы лет назад. Мир, блуждавший во тьме космоса бесчисленные годы, прежде чем угодить в гравитационную ловушку трех ослепительных звезд Хаммурат. Но никто из ученых даже не задумывался: откуда пришла Тренодия? Какие странные места она посетила за прошедшие зоны? Сейчас ее поверхность — бесплодная пустыня, испещренная глубокими кратерами и острыми скалистыми выступами. Мир, окутанный плотной, ядовитой атмосферой, где под неистовым светом трех светил Хаммурат завывали свирепые ветра.

Но важно то, что Тренодия была богата на ресурсы: настоящий клад для ненасытных миров-кузниц субсектора Предел Пируса. В коре планеты нашли многочисленные месторождения ценных металлов, радиоактивных изотопов и минералов. А в метеоритных кратерах, расколовших поверхность Тренодии, обнаружили еще более редкие породы в невиданных ранее количествах. Едва достигнув столицы субсектора, вести о находке вызвали настоящую золотую лихорадку. К планете устремились армии геологов и старателей, мечтающих первыми ухватить кусок от нетронутых богатств нового мира. Не прошло и года, как на поверхность Тренодии высадилось почти два миллиона ученых, шахтеров, убийц и воров, жаждущих приобщиться к ее сокровищам.

Но первый год еще не истек, когда две трети первопоселенцев были уже мертвы.

Неистовые электрические грозы выжигали оборудование, неукротимые ураганы подбрасывали, словно игрушки, тяжелые, нагруженные рудой машины. Сейсмическая активность приводила к обрушению туннелей выработок. Подземные газы воспламенялись от огня плазменных горелок. Люди убивали друг друга за права на шахты, где даже находиться слишком опасно.

Немногочисленные прокторы предпочитали смотреть в другую сторону, получая взятки, равные годовой зарплате в более пригодных для жизни мирах, и считая дни, оставшиеся до перевода.

Порой геологи возвращались из глубоких расщелин и туннелей в кратерные города, принося артефакты: отполированные таблички, украшенные неведомыми письменами. Нахлебавшись дешевого пойла в грязных забегаловках, разбросанных по всей Тренодии, люди затихали. И тогда шепотом рассказывали друг другу о том, чему стали свидетелями во время бурь. О странных, изъеденных ржавчиной городских шпилях и мрачных менгирах, покрытых знаками, от которых кровь застывала в жилах. Никто, впрочем, не воспринимал эти рассказы всерьез. Какой старатель не травит байки? Да и кому какое дело до каких-то странных камней, когда на кону стоят деньги?

Вот и росли кратерные города, распространяясь подобно струпьям проказы вдоль глубоких ран, оставленных ударами метеоритов. Люди ежедневно гибли тысячами, становясь жертвами ветра, землетрясений, беспечности и жадности. Куда большее число лишалось рассудка из-за отравления тяжелыми металлами, все возрастающих долгов, банального стресса от труда в опасных условиях, да непомерных норм выработки, установленных хозяевами, наслаждающимися жизнью на расстоянии десятков световых лет от Тренодии. Шахтеры слепли, травясь самодельной выпивкой, либо угасали от наркотиках вроде «черной Леты» или же «сомны». Иные искали утешения в речах странствующих проповедников, перепоручая судьбу в руки святых. Проповедники собирали десятину и отправляли верующих обратно в бедные жилища — возносить бессмысленные молитвы и жертвоприношения.

Разумеется, это было бесполезно. Пока однажды некий геологоразведчик по имени Хьюберт Логр не вернулся из разлома, не распродал все свое имущество и не начал проповедовать новую веру по кабакам и темным закоулкам кратерных городов. Логр не требовал с прихожан десятины. Более того — он обещал им открыть сокровенные тайны Тренодии. Он обращался к сломленным шахтерам, больным проституткам и даже жалким ворам, рассказывая об Утраченных Князьях, блуждающих в пустоте и ищущих дорогу в заблудший мир. Утраченные Князья обладали могуществом, значительно превосходившим возможности простых смертных... и даже Бога-Императора, не предлагавшего ничего, кроме мутных предсказаний и лживых наставлений тем, кто жил и умирал под Его ярмом. Логр обращался к трепещущей толпе, убеждая, что пора принести такую жертву, чтобы Утраченные Князья узрели ее, подобно маяку в бездне, и вернулись на его зов. И, возвратившись, наделили верных дарами, превосходящими самые смелые ожидания.

Когда агентура Экклезиархии и планетарного губернатора осознала, что за зло посеяно среди населения, было уже слишком поздно.

Потрепанный челнок класса «Аквила» едва успел коснуться посадочной площадки, отлитой из пластали, как Алабель Сантос выпрыгнула из кресла и торопливо спустилась по откинутым сходням. Даже если бы на ее груди не сверкала мрачным блеском инквизиторская инсигния, она все равно внушала бы страх благодаря богато украшенной силовой броне. Одна рука женщины покоилась на рукояти инферно-пистолета, а в ножнах на другом бедре ожидал своего часа силовой кинжал.

— Привести орудийные сервиторы в готовность, — на бегу бросила Алабель дородному мужчине средних лет, старающемуся одновременно выпутаться из ремней безопасности и натянуть респираторную маску. — Я не собираюсь тут задерживаться.

Мужчина по имени Бэлид промычал что-то в ответ, но она не обратила ни малейшего внимания на его слова. К тому же респираторы брони оглушительно загудели, когда инквизитор выбежала на встречу завывающему ветру.

Фиолетовая молния разорвала небо над головой, на долю секунды озарив суматоху, творящуюся на посадочной полосе. Техноадепты суетились возле длинного ряда замерших на земле «Стервятников», подтягивая к ним топливные шланги и перезаряжая ракетные установки, подготавливая машины к очередному боевому вылету в Баальбек-сити. С другой стороны от пластальной площадки разместилось звено штурмовых «Валькирий». На ветру развевались красные, предупреждающие об опасности флажки на подвешенных под короткими крыльями ракетах «Адский удар». Взвод облаченных в броню штурмовиков нетерпеливо переминался с ноги на ногу возле готовящегося к взлету транспорта. Их призвали из мобильных резервов гвардейского полка. Сейчас солдаты ждали приказа выступать, проклиная ураганный ветер.

Сантос заметила пермакритовые бункеры полевого штаба полка буквально в паре сотен метров от посадочной полосы. Бледные очертания новостроек ярко контрастировали с окружающим темно-серым пейзажем. При ее приближении часовые взяли оружие на изготовку, но тут же торопливо отошли, разглядев инсигнию. Вскоре она миновала воздушный шлюз, протолкнулась сквозь толпы ошалевших и усталых штабных офицеров. Затем, словно на параде, зашагала напрямик к широкому столу стратегического планирования, на котором была расстелена старомодная бумажная карта Баальбек-сити. Поверх нее лежали несколько листов с зернистыми распечатками снимков, сделанных приборами пикт-слежения, с видами городских кварталов. Прямо сейчас эти изображения старательно изучал коренастый офицер в форме Терасийских драгун. Его сопровождали двое штабистов и рослая, суровая женщина, чей ледяной взор мерцал из-под козырька комиссарской фуражки.

Полковник поднял взгляд, заметив приближение Сантос. Он уже явно готовился отдать довольно резкий приказ, но увидел поблескивающую инсигнию. Слова застыли у него на губах, а лицо побледнело. Взгляд офицера медленно поднялся выше, к голове инквизитора, жестко зафиксированной в бронзовом каркасе брони. Это придавало ее вполне миловидному лицу мрачноватый ореол святого мученичества.

— Как я понимаю, вы полковник Равин? — без лишних предисловий заявила Сантос, и ее аугментический глаз вспыхнул грозным красноватым огнем. — Я инквизитор Алабель Сантос из Ордо Еретикус. Какова ситуация?

К его чести, полковник держался так, словно неожиданный визит имперского инквизитора в штаб был не более, чем каждодневной рутинной.

— Два месяца назад диссидентское движение, зародившееся в среде старателей, сумело организовать полномасштабное восстание, охватившее всю планету. Они сумели справиться и с местными прокторами, и с контингентом СПО...

— Полковник, мне известно, почему вы здесь, — отрезала Сантос. — Я прочла все отчеты, начиная с того самого дня, как вы прибыли на Тренодию.

Инквизитор присмотрелась к разбросанным снимкам и, подняв один из них, швырнула через стол полковнику. На пикт-отпечатке, сделанном с большой высоты, можно было разглядеть толпу, собравшуюся вокруг обветренного костяного обелиска и простирающую руки к отвратительному идолу на его верхушке.

— Вы столкнулись не с диссидентами, — ледяным тоном заметила Сантос. — Все намного хуже.

Полковник Равин и комиссар переглянулись.

— Они называют себя культом Черного Камня, — произнесла комиссар. — Но это все, что нам пока удалось узнать.

— Значит, мне придется вас просветить, — отозвалась Сантос, облачиваясь на стол. — Перед вами, полковник, герб Несущих Слово.

Чтобы придать весу своим словам, инквизитор с силой ударила кулаком по снимку так, что все присутствующие вздрогнули.

— Губительные Силы уже показали, что им нужна Тренодия. Я уверена, что в Баальбек-сити действует один из их величайших чемпионов. И мне пришлось пересечь почти половину субсектора, чтобы попытаться выяснить — зачем они тут.

«А заодно остановить одного мерзавца раз и навсегда, если на то будет воля Императора, — мрачно добавила Сантос в уме. — Тебе за многое придется ответить, Эреб».

Полковник побледнел пуще прежнего.

— Но это... это невысказано, — пробормотал он. — Десантники-предатели? Здесь? С чего вы взяли?

— В обязанности Инквизиции входит знание о подобном, — отрезала Сантос, вновь переводя взгляд на пикт-снимки. Краем глаза она отметила, как полковник поджимает губы, и заставила себя несколько умерить свой темперамент. Она напредила себе, что врагов у нее хватает и без того, чтобы наживать новых.

— Вся необходимая информация, полковник, содержится в отчетах, — пояснила она. — Я проштудировала все до единого доклады о текущем положении дел, записи Администратума и диктумы Экклезиархии с Тренодии за последние шесть месяцев, — Сантос подняла со стола еще

один снимок, на котором был запечатлен губернаторский дворец в Баальбек-сити. Как и все здания в городе, тот являл собой приземистое, лишенное окон строение, способное выдержать часто случавшиеся в этих краях ураганные ветры, налетавшие из пустошей через стены кратера. Пикт-изображение было достаточно четким, чтобы разглядеть тело планетарного губернатора. Его подвесили на железном столбе посреди целого металлического леса, возведенного еретиками на крыше дворца. Инквизитор отложила снимок и протянула руку к следующему.

— Еще за четыре месяца до мятежа торговые суда сообщали о подозрительных показаниях бортовых приборов при прохождении мимо дальнего пояса астероидов системы, — продолжила Сантос. — Местное портовое управление решило, что речь идет об обычных пиратах. Любопытно, что в это же время количество пиратских атак резко снизилось. Вскоре служба контроля орбитальных перемещений отметила ряд незарегистрированных рейсов из космоса на поверхность Тренодии и обратно. И снова все списали на контрабандистов. Хотя лично я склоняюсь к мысли, что боевой корабль Хаоса проник в сегментум Солар. Скорее всего, он до сих пор неподалеку, скрывается в одном из астероидных поясов.

Сантос всмотрелась в снимок, на котором оказались запечатлены культисты, волокущие из сожженного общежития к подножию одного из жертвенных алтарей окровавленные тела. С гримасой отвращения на лице инквизитор отложила пикт в сторону.

— Следующим сигналом стали сообщения о нескольких странных задержаниях, полученные из местного штаба арбитров. Еще до начала мятежа члены еретического культа уже попадали в руки правосудия. Во время допросов они описывали лидеров как закованных в доспехи гигантов — один из арестантов называл их «Утраченными Князьями». Тот еретик рассказывал, что величайший из «князей» подобен богу среди людей, спустившемуся с небес. Что он носит одежды из кожи поверженных врагов, чем демонстрирует свою мощь. А еще владеет могущественным талисманом, полученным в знак благосклонности их божеств.

— Чемпион Хаоса, о котором вы говорите, — встрял комиссар. — Кто он?

Сантос только покачала головой.

— Я не осмеливаюсь вслух произносить его имя. Более того, я и так рассказала слишком много, уже подвергнув ваши души опасности.

Она перебирала пикт-снимки один за другим, разглядывая культистов, деловито суетящихся в жилых районах и среди правительственных зданий. Еретики катили в тележках и волокли на спинах всевозможный хлам. Найдя четвертое подобное изображение, инквизитор разложила их в хронологическом порядке.

— Если верить арестанту, то на Тренодии высадились не менее пяти Несущих Слово, включая лорда Хаоса. Просто немыслимая численность для столь малозначительной планетки.

— Малозначительной? — сказал Равин. — Тренодия обеспечивает ресурсами чуть ли не половину миров-кузниц субсектора.

— Несущие Слово не руководствуются «Тактика Империалис», — заявила Сантос. — Их мало волнуют поставки провизии или ресурсов. Их интересуют только души и волна ужаса, перекидывающегося с одного мира на другой, подобно раковым метастазам. А Тренодия изолирована и слабо заселена. С их точки зрения — жалкая цель.

Инквизитор взглядела в пикты, которые выложила перед собой, и лицо ее приняло еще более озабоченное выражение.

— Полковник, скажите, почему вы приказали снять именно это?

Равин посмотрел на изображения и беззаботно отмахнулся:

— Мы пытались определить качество и протяженность вражеских фортификаций на основе того, сколько породы они раскопали. С тех пор, как мы прибыли, рабочие бригады вкалывают день и ночь.

Сантос вздрогнула.

— Раскопки. — Инквизитору показалось, будто кровь в ее жилах замерзла. — Полковник, еретики тащат стенные панели и напольную плитку вовсе не для баррикад. Они опустошают городские дома в поисках чего-то гораздо более важного. Вот почему сюда прибыли Несущие Слово. Вот почему сюда прибыл он. Мятаж — не более чем диверсия, отвлекающая внимание, пока они беспрепятственно обыскивают планету.

Рука инквизитора едва заметно задрожала, когда она поднимала крайний из выложенных рядом снимков. Судя по дате в углу, последние раскопки завершились три дня назад. «С тех пор они уже ничего не ищут», — поняла Сантос. Должно быть, еретики нашли все, что хотели.

— Полковник, запрашиваю весь ваш мобильный резерв и звено «Стервятников», — голосом, в котором прозвенела сталь, произнесла инквизитор. — Взводного командира я проинструктирую по пути.

Дом в былые дни служил офисным зданием местной налоговой службы. Высотой всего три этажа, квадратный, без окон, сложенный из бетонных плит — внешним обликом он изрядно напоминал сказочную сокровищницу, что, впрочем, недалеко от правды. Целая армия сервиторов и сутулых писарей день и ночь безудержно трудилась в холодных, мрачных комнатах, высчитывая прибыли шахтерских артелей и независимых рудников, определяя сумму долга Императору.

Теперь же площадь перед строением была завалена бренными останками имперской налоговой машины. Огромные, прекрасные когитаторы стояли неровными рядами, деревянные шкафчики разбиты в щепки, а оставленные под открытым небом бронзовые рычаги позеленели. Связки вырванных из креплений кабелей и груды снятой со стен и пола облицовки шуршали и грохотали под порывами непрестанно налетающего ветра. Густая пыль кружила в воздухе, сверкая в ярком свете промышленных прожекторов, на скорую руку установленных снаружи здания.

Осколки стекла, словно ломкие косточки, захрустели под бронированными ботинками Эреба, когда тот шагнул за порог узкой двери. Буквально в метре от входа пол вспучивался отвалом из искореженной стали и пермакрита.

Шахтеры Тренодии отменно знали свое дело. Трудясь днями напролет, они успели разобрать и два верхних этажа, и еще два — подземных. Обрывки проводов, обломки труб и остатки облицовки свисали, подобно рукотворным сталактитам с ободранного потолка, и были припорошены белой известкой, сверкавшей в ярком свете прожекторов.

Работа внизу встала. Почти две дюжины мужчин отложили инструменты и распростерлись на каменистой земле, приветствуя появление лорда Хаоса. Эреб же окинул взором плоды их трудов и остался доволен.

Шахтеры успели не только полностью разобрать подземные этажи, но и зарыться на три метра в пепельно-серую почву, прежде чем наконец наткнулись на первый из черных камней. Целые сутки тяжелого труда ушли на то, чтобы очистить его поверхность от многовековых отложений и обнажить вырезанные на ней загадочные знаки. Работы продвигались медленно. В присутствии странных камней аккумуляторы акустических щеток стремительно выходили из строя. Ну а мозги шахтеров спекались, если слишком долго смотреть на иероглифы. Даже отсюда Эреб ощущал, как энергии варпа подобно волнам черного холода поднимаются от древних проклятых объектов.

В соответствии с указаниями магоса Алголя, самый высокий из монолитов был установлен вертикально. Камень возвышался на пять метров и отбрасывал длинную, бесформенную тень на площадку раскопок. Его поверхность казалась шершавой, лишь самым грубым образом отесанной, но символы, вырезанные в ней, имели отчетливые, утонченные очертания. Они спиралью опоясывали монолит, подчиняясь законам языка, умершего задолго до рождения человечества. У самой верхушки письма лепились к основанию почти идеальной сферы, оплетенной извивающимися каменными щупальцами.

Эреб улыбнулся, обнажая острые зубы, манерами и статью похожий на хитроумного и мстительного бога. Лорд Хаоса был с головы до ног облачен во впечатляющую броню космического десанта. Но если раньше выгравированные на ее поверхности изображения прославляли могущество Императора Человечества, то теперь они повествовали о совсем иной вере. Богохульные руны и символы разрушения пульсировали болезненным светом на кирасе и наплечниках космодезанта-предателя. С шеи Эреба на бронзовой цепи свисала связка черепов имперских священнослужителей. За его спиной были закреплены два зазубренных копья, между которыми растянуты выдубленные кожи героев космического десанта, покрытые начертанными кровью псалмами жестокости и порока. Такие же обрывки кожи свисали и с крючьев на поясе Эреба. В правой руке он сжимал символ своего чудовищного могущества — темный крозиус, знак веры в Богов Хаоса.

К дну ямы, где велись раскопки, был проложен наклонный пандус, достаточно широкий, чтобы по нему рядом могли идти два человека. Стальные опоры едва заметно зашатались, пока Эреб неторопливо спускался. Взгляд черных глаз лорда ни на мгновение не сходил с возвышающегося внизу монолита и сферы на его верхушке.

Эреб, не моргнув и глазом, ступил в уродливую тень камня. Тьма, опустившаяся на плечи, была неестественно холодна, и этот мороз легко проникал даже под демоническую броню. Лорд Хаоса ощутил, как его давно иссохшие внутренности задрожали от ледяного варп-эха, и, приветствуя его, раскинул в стороны могучие руки. Сознание наполнилось образами Бурлящего Залива — океана безумных чудес, именуемого слугами ложного Императора *Ocularis Terribilus*. Но это место было источником божественной силы, колыбелью Вселенной. В кипящем море ничем не сдерживаемой энергии Эреб узрел раздутую красную сферу, влажно поблескивавшую, точно сгусток застывающей крови. Теперь лорд Хаоса мог слышать крики бесчисленных голосов, молитвы, звучащие у подножия трона его нечестивого господина, и сам мучительно жаждал присоединиться к этому хору. «Лоргар! — мысленно закричал Эреб, обращаясь в пустоту. — Время уже близко, нечестивый! Вскоре врата распахнутся!»

Эреб усмехнулся себе под нос, и этот звук, отразившись эхом от стен, заставил культистов задрожать от страха. Наконец, лорд обратил внимание на присутствующих, устремив пронзительный взгляд на две фигуры, распростершиеся в отдалении от облаченных в комбинезоны рабочих. Один был подлинным гигантом, в красных доспехах, почти таких же, как у самого Эреба. Второй, тощий пожилой мужчина, распластавшийся на земле возле Несущего Слово, казался не более чем детской куклой с хрупкими ручонками и тряпичной одежкой — дотронься и сломается.

Лорд Хаоса одарил своих подчиненных еще одной жуткой улыбкой.

— Поднимись, Фаэль Дюбель, — замогильным голосом произнес он. — Поднимись, магос Алголь. Благословенны вы в глазах Богов, Что Ждут.

Магос вскочил на ноги с проворством, удивительным для его внешности и почтенного возраста. Кожа Алголя имела трупно-серый оттенок, а иссохшие, потрескавшиеся губы растянулись в алчной ухмылке, обнажая сверкающие стальные зубы. Темные одеяния, некогда дополненные меховой

мантией и цепями магоса археологис, ныне испещрены жутковатыми письменами, заявляющими о его верности Губительным Силам. Зрачки Алголя сверкали подобно черным жемчужинам в глубине запавших глазниц. В них отражались свет запретных знаний и змеиная изворотливость.

Дюбель, один из приближенных лейтенантов лорда Хаоса, в пояс поклонился своему повелителю. После он отступил в сторону, поворачиваясь так, чтобы никогда не упускать из виду ни рабочих, ни распахнутые двери. Одна рука Фаэля покоилась на рукояти болт-пистолета. Вторая же, закованная в чудовищную, громоздкую перчатку, именуемую силовым кулаком, сжималась и разжималась. Она повиновалась бессознательному рефлексу, словно древнему оружию не терпелось сдавить кого-нибудь в смертельной хватке.

Магос Алголь осторожно обошел стороной неровную тень монолита, с улыбкой разглядывая Эреба.

— Видите, о великий? Все в точности так, как говорилось в «Книге камней», — голос Алголя был скрипучим и дребезжащим, будто натянутая колючая проволока. — Я же говорил, что найдем их здесь.

Эреб хищно оглядел высокий монолит.

— Магос, вы уже расшифровали письмена? Вам известно, где лежит Сфера Теней?

— Все мое время, — произнес магос, поднимая сухую руку. — Руны требуют тщательного исследования, величайший. Если не подойти с должным старанием их интерпретации, последствия могут быть... разрушительными. Но, — поспешил добавить Алголь, — стела и в самом деле рассказывает о сфере. Вы получите ответ, который ищите.

— Тогда я более не смею отвлекать вас от работы, уважаемый магос, — сказал Эреб человеку. — Незамедлительно известите меня, когда переведете текст.

Магос поклонился лорду Хаоса и подошел к монолиту. Руки старика жадно заскользили по каменной поверхности, разбирая письмена. Эреб же встал рядом с лейтенантом.

— Доложи на «Трон боли», — тихо прошептал лорд, имея в виду крейсер, невидимый с Тренодии за дальним поясом астероидов. — Возвращаемся на Эбок, как только Алголь определит местоположение Сферы. Тогда-то нам и предстоит настоящая работа.

Дюбель покосился на громадный камень. Взгляд черных глаз остановился на сферической верхушке.

— Добудем мы Сферу, и что дальше?

— Будем искать храм Возвышения, — ответил Эреб. — Полагаю, он на Фариине, в системе Элизиум, но она укажет нам точные координаты.

Десантник-предатель насторожился и бросил на своего господина подозрительный взгляд.

— Возвышения? Уж не ищите ли вы той же судьбы, что и Лоргар?

Эреб посмотрел в глаза лейтенанту.

— Я? Нет, Дюбель. Я лишь смиренный слуга, — в голосе лорда прозвучали странные интонации. — Хотя, вполне вероятно, что я пытаюсь проложить путь, по которому за мной последует Лоргар.

Зрачки Дюбеля расширились от удивления. Но не успел он ответить, как земля загудела, будто барабан. В стену выпотрошенного здания ударили ракеты имперских войск.

Ухватившись одной рукой за поручень возле открытого люка «Валькирии», Алабель Сантос высунулась наружу, подставившись завывающему ветру. Инквизитор наблюдала за тем, как «Стервятники» пронесаются над плоской крышей намеченного целью здания. Посреди усыпанной обломками площади распускались огненные цветы взрывов, из отверстий, пробитых ракетами в пермакритовых стенах, поднимались к небу столбы дыма. Зона высадки, судя по всему, была зачищена.

Три «Валькирии» резервного взвода, сопровождаемые дополнительной машиной поддержки, везущей Бэлида и его стрелковых сервиторов, с ревом промчались над самыми крышами домов и узкими улочками. Алабель слышала, как меняется тональность моторов «Валькирий», когда те начинали сбавлять ход и опускать носы, готовясь к тактической высадке.

Сантос обернулась к пассажирскому отсеку и крикнула взводному командиру:

— Когда окажемся на земле, действовать придется быстро. Пусть два ваших отряда организуют периметр вокруг «Валькирий». Мои стрелковые сервиторы обеспечат им огневую поддержку. Вы вместе со штурмовой группой отправляетесь со мной. Как войдем — не мешкайте. Не думайте ни о чем. Просто убивайте все, что движется.

Лейтенант штурмовиков кивнул Сантос. Закрывающее все лицо забрало армейского респираторного шлема делало его похожим на робота. Раздалось потрескивание вокс-модуля, встроенного в маску:

— Мы с вами, инквизитор, — кратко произнес лейтенант. — Император защищает.

Сантос расчехлила пистолет, не дожидаясь, пока «Валькирия» прекратит спуск и зависнет, неистово завывая двигателями, в метре над заваленной мусором площадью. Раздался оглушительный треск — штурмовик, расположившийся у открытого люка, выпустил очередь из тяжелого болтера по какой-то далекой цели.

— Вперед, вперед, вперед! — закричала инквизитор, выпрыгивая из штурмового челнока и бегом устремляясь к ближайшему зданию.

За ее спиной споро и дисциплинированно высадилась штурмовая команда, прикрывая все входы хеллганями. Лейтенант ни на шаг не отставал от Сантос, сжимая в одной руке плазменный пистолет, а в другой — потрескивающий силовой меч.

Инквизитор выхватила энергетический кинжал из ножен и коснулась пальцем руны активации. Сантос редко брала с собой это оружие; оно перешло к ней по наследству от ее наставника, инквизитора Грезлена. Он подарил ей его, когда она сама достигла того же ранга.

Сантос сжала рукоять кинжала так, что побелели костяшки пальцев, а затем сломя голову влетела в узкий дверной проем. Она была полна решимости либо вонзить это лезвие в глаз лорду Хаоса, либо погибнуть.

Глыбы изломанного пермакрита и перекрученные листы пласта продолжали дождем сыпаться с разрушающегося свода на Эреба и культистов. Снаружи доносился рев турбин и грохот выстрелов тяжелого вооружения. Лорд Хаоса покосился на магоса Алголя. Тот опустился на колени и зашелся во влажном кашле, вызванном клубящейся пылью.

— Заканчивайте перевод, магос! — пророкотал Эреб, прежде чем направить проклятый крозиус на лежащих ниц культистов и произнести проникновенным тоном: — Восстаньте, воины веры! Слуги ложного Императора среди нас! Боги взирают на вас — так идите и заслужите их милость!

Разразившись кровавыми криками, культисты кое-как поднялись на ноги, вооружаясь инструментами: мощными акустическими дрелями, энергетическими кирками и дуговыми

молотами. Каждый рабочий знал по собственному горькому опыту, что эти устройства способны сделать с мягкой плотью и хрупкими костями.

Дюбель извлек из кобуры болт-пистолет. Затем послышалось хищное шипение поля дезинтеграции вокруг энергетического кулака.

— Смерть рабам ложного Императора! — проревел лейтенант, и культисты устремились наверх, избегая по пандусу навстречу показавшемуся в дверях первому врагу.

«Инквизитор», — подумал Эреб, обратив внимание на возглавляющую штурм женщину в богато украшенной силовой броне. Ее будто выточенное из алебаstra лицо было искажено гримасой звериной ярости, а взгляд, обращенный на лорда Хаоса, пылал столь черной ненавистью, что Эребу не оставалось ничего иного, как предположить, что они уже когда-то встречались.

Эреб вызывающе осклабился и раскинул руки в приветственном жесте, начиная нашептывать богохульные слова, наполненные мощью скверны.

Вот он! Внезапно увидев перед собой лорда Хаоса, Алабель Сантос исполнилась чистого, праведного гнева. Эреб насмеялся над ней, кривя губы в дьявольской ухмылке, простирая руки в стороны.

«Сейчас я тебя развеселю», — подумала она, вскидывая инферно-пистолет. Но едва она успела навести дуло на Эреба, как перед лордом Хаоса возник еще один закованный в доспехи силуэт, поднимающий болт-пистолет. Масс-реактивные заряды ударили в наплечник и нагрудник, и только потом в ушах прогремел грохот выстрелов. Попадания заставили ее закрутиться на месте. Сервоприводы силовой брони угрожающе завизжали, пытаясь компенсировать силу ударов.

По уходящему вниз пандусу загрохотали сапоги, и к Сантос взбежал десяток размахивающих оружием культистов. За спиной инквизитора возник лейтенант, вскинувший пистолет и дважды быстро выстреливший в сторону приближающегося сброда. Сгустки перегретой плазмы смяли первый ряд противника.

— Огнемет сюда! — приказал взводный лейтенант по воксу.

Облаченные в бронекостюмы штурмовики уже выстроились на узкой полоске пермакрита по обе стороны от двери и теперь поливали приближавшихся еретиков красными лазерными лучами. В следующее мгновение к пандусу шагнул солдат, окативший обезумевших шахтеров шипящим потоком пылающего прометия. Культисты завизжали и подались назад, стремясь сбежать от языка всепожирающего пламени. По пандусу покатились горящие, извивающиеся тела.

Два штурмовика, стоявших по правую руку от Сантос, рухнули на пол, скошенные болтерными зарядами. Панцирная броня не имела ни малейшего шанса против смертоносного огня десантника-предателя. Инквизитор припала на одно колено, пытаясь высмотреть лорда Хаоса в густом черном дыму и всполохах лазерного огня. Нет, разглядеть его не получалось, зато она могла его слышать. Глубокий, звучный голос, распеваящий отвратительные слова, от которых по ее спине, вдоль искусственного позвоночника побежали мурашки. Затем голос лорда Хаоса взмыл внушающим ужас крещендо — и на секунду инквизитору показалось, что даже сам воздух отступает, стремясь спастись от ужаса битвы.

Вопли объятых огнем культистов внезапно разом смолкли. Сантос почувствовала, как ткань реальности начинает трещать по швам. Она услышала хор визгливых голосов и ощутила во рту привкус расплавленной меди. Не успела инквизитор выкрикнуть предупреждение, как на штурмовиков через огненную завесу бросились демоны.

Их лица были похожи на освежеванные морды волков, а невероятно мускулистые тела влажно блестели потеками свежей крови. Их глаза, клыки и перекрученные рога были отлиты из чистой бронзы и сверкали так, словно только вышли из кузни, как, впрочем, и их двуручные секиры. Промеж изогнутых бровей вырезаны знаки Кровавого Бога, и твари определенно намеревались сегодня добыть новые черепа для подножья его трона.

Люди закричали. Штурмовик с огнеметом в руках рухнул на одно колено и повалился на Сантос, заливая ее кровью. Прорывав обет Божественному Императору, она спихнула труп, едва успев заметить нависший над ней окровавленный силуэт.

Удара она не почувствовала. Просто горячий ветер вдруг повеял в лицо, а затем инквизитор с изумлением поняла, что по плечу под нагрудником струится теплая кровь. Левая рука недвижно повисла, и Сантос ощутила покалывание игл — встроенный в броню медицинский модуль пытался не дать впасть в шок. Все, что она смогла подумать: «Хвала Императору, в голову он не попал». Инквизитор вскинула пистолет, нацелив тот прямо в грудь демона, и нажала на курок. Сгусток огня чистого голубого цвета, достаточно жаркого, чтобы прожечь и броню «Лендрейдера», разрубил демона напополам, а затем с громовым грохотом взорвался под потолком. Кровопускатель распался на куски в облаке зловонного, жирного дыма.

Сантос отползла назад и прислонилась спиной к мраморной плитке. Словно в замедленной съемке она наблюдала за тем, как к ней устремляется еще один демон, заноса над головой секиру. Где-то недалеко раздавались крики и лязг стали. Краем глаза она заметила, как расступается дым, позволяя разглядеть силуэт закованного в красные доспехи Темного Пророка, возвышавшегося возле монолита из перекрученного камня.

Смерть приближалась к ней на заканчивающихся копытами ногах. Сантос понимала, что силы ее покидают. Решение пришлось принимать буквально за один удар сердца. Отведя взгляд от надвигающегося демона, она навела пистолет на другую цель. Особым образом дернув щекой, активировала лазерный прицел, встроенный в аугментический глаз. Тонкий, словно иголка, луч замерцал в дыму, прочертив в нем беспощадную черту и пометив кровавой точкой лоб лорда Хаоса.

— Это за улей Крендан, — прошептала инквизитор, вдавливая курок.

Над головой раздался рев кровопускателя... а затем в его голову ударил сгусток плазмы. Демон пошатнулся, и в следующую секунду его грудь вспорол клинок силового меча. Как только воплощение демона рассеялось, лейтенант перепрыгнул Сантос.

— Спасайте инквизитора! — приказал он, прицеливаясь и стреляя прямо в лицо следующему демону. — Император защищает! — проревел лейтенант, сделав еще шаг по пылающему пандусу.

Сантос почувствовала, как чьи-то руки ухватились за воротник ее брони. Глаза начала застилать тьма. Громовой раскат сделанного инквизитором выстрела отразился от стен. Она попыталась отыскать взглядом Эреба, но разглядела только лейтенанта, отважно шагавшего прямо на беснующихся демонов и раз за разом стрелявшего из плазменного пистолета. Сопло оружия раскалилось добела, и бронированная перчатка начинала плавиться от жара.

— Император защищает! — услышала инквизитор его крик, когда на воина прыгнул очередной демон. Лейтенант вновь надавил на курок, но на сей раз перегревшееся энергетическое ядро взорвалось ослепительным огнем, испепелившим одновременно и стрелка, и его врага.

Сантос поволокли по полу, и она потеряла сознание от прокатившейся по ее телу волны невыносимой боли.

Краем глаза Эреб заметил вспышку выстрела из инферно-пистолета и на долю секунды испугался, что Темные Боги оставили его. Несущего Слово ослепило невыносимое голубое сияние, а затем раздался грохот, бросивший лорда Хаоса на колени.

Когда он пришел в себя, сражение уже закончилось.

Пандуса больше не было. По правде сказать, весь фасад здания обвалился, перекрыв выход тоннами расколотого пермакрита. Лишь парочка прожекторов все еще озаряла площадку тусклым светом.

Спустя мгновение Эреб разразился смехом. Он воздел крозиус и вознес благодарность Губительным Силам за их темные дары. Ничто во всей Вселенной не могло помешать ему добраться до Врат Проклятия.

Все еще продолжая смеяться, лорд Хаоса обернулся к магосу Алголю и увидел, сколь двоякими бывают дары Темных Богов.

Выстрел инквизитора миновал Эреба, зато поразил монолит. Черный камень взорвался, разметав украшавшие его письма градом острых, словно бритва, осколков. Алголь лежал на спине, привалившись к подножию древнего камня. Сухое тело магоса было иссечено, а на костлявом лице застыло изумленное выражение.

Эреб припал на колени возле мертвого техножреца. Где-то неподалеку загрохотали, падая, камни, и лорд Хаоса заметил, как Дюбель выбирается из-под обломков. Десантник-предатель увидел, что случилось с Алголем и процедил сквозь зубы особо грязное проклятие.

— Похоже, придется вернуться на Эбок с пустыми руками, — сплюнул Дюбель.

Лорд Хаоса вновь посмотрел на изумленное лицо магоса.

— Я так не думаю, — произнес Эреб, подкладывая левую ладонь под голову Алголя. Одно давно выверенное движение рукой, и тонкая шея техножреца переломилась. Раздался сухой хруст позвоночника, и в следующее мгновение Эреб уже держал за волосы оторванную голову магоса в неровном свете прожекторов.

— Монолит, конечно, уничтожен, но у нас остались глаза, видевшие его, — произнес Эреб. — Глаза — зеркало души, Дюбель. И, заглянув в него, мы сможем постичь ее секреты.

Лорд Хаоса посмотрел в глаза Алголя и рассмеялся, узрев в них свое будущее.

Мэтт Киф

ХОЗЯЕВА СУДЬБЫ, РАБЫ НЕИЗБЕЖНОСТИ

В помещении царила полная тишина, если не считать мерного гудения статики в коммуникаторе, столь слабого, что капитан Элогий вдруг поймал себя на том, что задерживает дыхание, чтобы различить этот звук.

Капитана поспешно вызвали на мостик «Длани Жиллимана», оторвав от молитвы. Именно по этой причине он был сейчас облачен в церемониальные белые одеяния, а не в голубую силовую броню ордена Ультрамаринов.

Впрочем, столь необычный внешний вид не вызвал никаких вопросов у остальных собравшихся. Все трое, как и он, были капитанами, и только это имело значение. Вместе они возглавляли четыре полные роты, руководили четырьмя сотнями космических десантников, хотя на боевой барже, где сейчас пребывали капитаны, едва набиралось несколько десятков Астартес.

Многокилометровому кораблю требовалась лишь горстка космических десантников, поскольку всеми системами управляли тысячи преданных ордену слуг и машиноподобных сервиторов.

Остатки могущественного войска были распределены еще по двум боевым баржам, бесчисленным ударным крейсерам и стремительным малым кораблям, составлявшим флот Камидия. Время от времени один из этих кораблей проплывал перед огромным обзорным экраном, заменявшим носовую стену мостика.

Братья-капитаны Юний и Авл лишь молча кивнули, увидев Элогия. И только Омней не выказал вообще никаких эмоций. Он был единственным, кто надел шлем, и громкость коммуникатора была уменьшена именно ради него. Более четкий, хотя и приглушенный сигнал сейчас воспроизводился внутри этого, оборудованного сверхчувствительными системами шлема, в надежде хотя бы частично разобрать чудовищно искаженную помехами передачу. Остальные капитаны могли лишь догадываться о смысле тихого потрескивания, но проявляли терпение. Омней почти недвижно застыл возле консоли управления, лишь пальцы быстро бегали по клавишам.

Минуло еще семь или восемь минут, прежде чем Омней признал свое поражение и, покачав головой, снял шлем.

— Ничего? — спросил Элогий.

— Ничего, что я мог бы сказать, не опасаясь, что это окажется недостоверным, — произнес Омней. — Я могу выстроить тысячи версий исходя из услышанного, но они будут ничем не лучше тысяч образов, какие я могу увидеть, наблюдая за облаками над Ультрамаром.

Авл едва заметно улыбнулся, вспомнив о прекрасном Ультрамаре, и сжал ладонью наплечник Омнея, благодаря собрата за попытку.

— Там, где сломается машина, — заметил Авл, — там преуспеет человек.

Голос его прозвучал уверенно и оглушительно громко, в то время как его рука простерлась в сторону людей, переминавшихся в дверях. Услышав десантника и повинувшись его жесту, два астропата зашаркали к четверем Астартес. Нескладная и лысая парочка являла собой яркий контраст могучим Ультрамаринам.

Грубая машинерия вокс-коммуникаторов была для них бесполезна, и астропаты сосредоточились на самом луче сигнала, проходящем через древнюю хрустальную призму и воспринимаемом лишь их внутренним нематериальным ухом. Из порождаемых лучом образов в их сознании они извлекали информацию, недоступную обычному слуху. Эта передача, ведущаяся на столь примитивном, материальном уровне, велась из какого-то отдаленного места, где не сыскалось астропата, способного отправить запрос через непостижимые пространства путем ментального усилия, — способ, обычно использовавшийся для межгалактической связи. Но, в любом случае, и вполне материальные средства связи несли в себе ментальный след.

Астропаты закатили слепые глаза и принялись раскачиваться, медленно проговаривая слова. Голос одного из них был высоким и пронзительным, в отличие от второго, но в конечном итоге это ничего не меняло: тщательно подобранные интонации и ритм сливали их в один внеземной звук.

— Альфа-альфа-альфа! — раздавалось словно из ниоткуда. Кого другого это могло бы сбить с толку и напугать, но только не капитанов Космического Десанта.

— Альфа-альфа-альфа, — раздалось снова.

— Зов о помощи, — произнес Омней, хотя смысл сигнала и без того понимали все присутствующие.

— Альфа-альфа-альфа, омега-сан-омега, — продолжал голос. — Альфа-альфа-альфа, омега-докс-омега.

Элогий затаил дыхание, услышав сигнал бедствия Ультрамаринов.

— Омега-сан-омега, ответьте, омега-докс-омега, — проговорил Юний, наклонясь к приборной панели. Он почти пролаял эти слова, пробежавшись пальцами по управляющим рунам, встроенным в ее поверхность.

— Сигнал закольцован и передается машиной, — объявил Омней, успевший уже отследить передачу. — Мы не сможем отправить ответ.

Юний распрямылся в полный рост и с озабоченным выражением на лице повернулся к остальным.

— Альфа-альфа-альфа, — продолжало звенеть в комнате.

Омней приблизился к панели управления, но на сей раз его пальцы заплясали совсем по другим рунам.

— Ты определил источник? — спросил Элогий.

— Да.

— Это хорошо. Дай мне координаты, и я отправлюсь туда.

— Элизий.

Слово это прозвенело из металлического рожка, заменявшего сервитору рот, и в то же мгновение корабль затрясло при переходе в реальное пространство. Путешествие по варпу заняло чуть более суток, чему Элогий был несказанно рад.

Какоту вновь сотрясла дрожь: включились импульсные двигатели, и корабль после недвижимого, призрачного путешествия по варпу вновь помчался на языках пламени сквозь ледяной вакуум космоса. Конечно, безвоздушное пространство не могло создать никакого сопротивления, и тряску вызывала вовсе не турбулентность, просто время, проведенное в варпе, разбалансировало импульсные двигатели, и их мощные выбросы первое время пересекались и мешали друг другу.

Элогий вместе со своей ротой отделился от основной флотилии, взяв на себя командование ударным крейсером, чтобы разведать источник загадочного сигнала. Хотя нынешний корабль, «Щит бдительности», обладал огромными размерами, он все же показался бы крошечным по сравнению с боевой баржей, на борту которой капитаны были, когда получили сообщение. «Длань Жиллимана» вместе с остальным флотом Камидия теперь находилась очень и очень далеко.

Вскоре тряска утихла; слуги, пребывавшие под непрерывным надзором брата Кая, должным образом настроили двигатели для полета в реальном пространстве. Спору нет, следовало отдать должное знаниям Кая, но только благодаря усердию рабочих ему удавалось так быстро добиваться нужного результата. Слуги выполняли почти всю важную работу на борту, оставляя своим хозяевам, космическим десантникам, заниматься исключительно руководством и обороной. Все слуги были обычными людьми, выходцами с Макрагга, родной планеты Ультрамаринов, но благодаря своим познаниям и талантам они стали прекрасными работниками. Несколько сотен человек, облаченных в стандартные бело-синие одеяния, непрерывно трудились в бесконечных коридорах «Щита бдительности».

— Источник установлен? — спросил Элогий.

Омней, оставшийся на борту далекой «Длани Жиллимана», сумел проследить сигнал только до этой звездной системы. Теперь же, когда они подлетели ближе, Элогий требовал от экипажа большей точности.

— Северный континент Элизия, — раздалось в ответ, хотя Элогия несколько озадачило, от кого именно исходила эта реплика.

Библиарий Кириакис стоял в дверях, опираясь расставленными руками о стороны низкой арки, отделявшей заднюю часть мостика от передней. Элогий сам потребовал присутствия Кириакиса, но не был готов к тому, что достопочтенный псайкер откликнется с таким энтузиазмом; корабль был столь огромен, что обычно Элогий пребывал в компании, состоящей исключительно из сервиторов и слуг ордена.

— Слуги уже проложили курс, — произнес Кириакис, скорее всего, просто предугадав следующий вопрос.

Элогий кивнул и опустил в кресло.

— Элизий, — произнес Элогий, когда последний боевой брат вошел в ангар.

Мир и его луны неторопливо вращались в космосе под ними, и край планеты можно было разглядеть за прозрачным изгибом энергетического щита, отделявшего отсек от вакуума.

Сержанты Нерион и Аурелий, а также их люди, стояли возле опущенных трапов «Громовых ястребов», к которым были приписаны, готовые в случае нападения тут же занять свои места. Расположившись куда более непринужденно, вокруг Элогия и Кириакиса собрались также и подчиненные сержанта Эстариона, временно оставившие многочисленные посты, находящиеся вдоль всей протяженности ударного крейсера.

— Аурелий, Эстарион, — произнес Элогий. — Ваши отряды будут сопровождать меня во время высадки. Один «Громовой ястреб» на отряд. Эстарион, со мной. Аурелий, с вами полетит библиарий Кириакис. Нерион, вы остаетесь здесь и ждете дальнейших инструкций.

— Так точно, капитан. — Единственным, кто ответил на приказ, был Нерион. Аурелий и Эстарион только почтительно кивнули. Воины Нериона отошли от трапа ближайшего из «Громовых ястребов», к которому, сопровождаемый Эстарионом, направился Элогий. Аурелий тем временем загонял своих людей внутрь второго челнока, к которому подошел и почтенный Кириакис. У стены по правую руку стоял еще один пустой «Громовой ястреб», к которому и устремились бойцы Нериона в поисках укрытия, пока два других челнока готовились к взлету. Любого, кто остался бы в ангаре в момент запуска двигателей, ждала неминуемая гибель.

Элогий разместился в одном из кресел транспортника у кормы «Громового ястреба». Капитан не имел ни малейшего желания вмешиваться ради одного только самоутверждения в давно отлаженный церемониал Эстариона и предоставил брату-сержанту право всецело распоряжаться в рубке. Еще пара десантников проследовала в носовой отсек вместе со своим командиром, остальные же семеро быстро заняли места возле Элогия, расположившись внутри полупустой машины так, чтобы при необходимости высадиться максимально быстро и в полной боевой готовности.

— «Вигилий-Ди», к старту готов, — протрещал в коммуникаторе голос сержанта Аурелия.

— «Вигилий-Прайм», к старту готов, — отозвался Эстарион, пристегиваясь в кресле и одновременно начиная прогревать двигатели «Громового ястреба».

После секундной задержки коммуникатор ожил вновь:

— «Щит бдительности» к вашему старту готов, — сказал Нерион, чьи люди уже успели укрыться. — Да направит вас Император.

«Вигилий-Ди» взлетел первым и, неторопливо подбирая под себя опоры, пролетел по ангару к выходу. Следом устремился и «Вигилий-Прайм», двигавшийся быстрее своего собрата. Он пролетел над неподвижным «Вигилием-Тер» и заложил резкий вираж, чтобы пристроиться сзади и чуть левее ведущего челнока, уже приближавшегося к выходу из ангара. Обе машины выровняли направление и вошли в длинный пусковой туннель. Задействовав двигатели на полную мощность, они покинули корабль и нырнули в звездную черноту.

Когда челнок вышел в открытый космос, надежный адамантиевый люк выскользнул из паза и отгородил рубку от пассажирского отсека, лишив Элогия возможности наблюдать за происходящим. Поэтому капитан снял шлем с крепления на бедре и надел на голову.

— Источник сигнала обнаружен, — раздался голос в коммуникаторе, вмонтированном в шлем. Говорил Эстарион, сидевший сейчас в рубке.

— Идите на него, сержант, — велел Элогий.

— Выполняю, капитан.

Коммуникатор умолк, и Элогий склонил голову, погружившись в молчаливую медитацию. Еще какое-то время все было спокойно. Только минут десять или пятнадцать спустя «Громовой ястреб» начало бросать из стороны в сторону — челнок определенно входил в атмосферу. Гул моторов, относительно тихий при пилотировании в безвоздушном пространстве, многократно возрос, и теперь к нему прибавился рев турбин и маневровых двигателей.

— Капитан, анализ рельефа показывает, что мы можем приземлиться примерно в пяти километрах от источника сигнала. Подтверждаете? — вновь прозвенел в шлеме Элогия голос пилота.

— Да. Идите к цели и сразу по прибытии начинайте высадку, — приказал Элогий.

«Громовой ястреб» заложил вираж, и капитан почувствовал, как его вдавливают в прочные металлические трубы рам-фиксаторов. Еще секунда, и его уже вжал в жесткую спинку кресла: челнок спикировал вниз и начал стремительно снижаться. В последнее мгновение «Громовой ястреб» выровнялся и почти горизонтально, едва заметно вздрогнув, опустился на землю.

Едва челнок приземлился и опустил трап, как космические десантники вскочили со своих мест, откинув фиксаторы, и устремились к трапу в давно установленном порядке.

В коммуникаторе пискнуло, и люк рубки ушел в сторону, пропуская Эстариона и двух сопровождающих его космических десантников, направившихся к выходу из челнока, чтобы присоединиться к товарищам, уже образовавшим оборонительный периметр вокруг «Громового ястреба».

Ультрамарины приземлились на краю поля, поросшего высокой, качающейся на сильном ветру травой. Неподалеку от челноков вздымался лес, опоясывающий поле и скрывающий под собой высокие холмы; кроны деревьев образовывали вздымающиеся и опадающие волны.

Из второго «Громового ястреба» выбрался отряд Аурелия, сопровождаемый Кириакисом. Двое десантников замешкались с настройками ауспиков, чтобы точнее вычислить местоположение источника сигнала, но были остановлены жестом Кириакиса, поднявшим свой посох и ткнувшим им куда-то на юго-запад, в самую гущу леса. Мозг библиария был чувствительнее любой машины.

Следуя чутью Кириакиса, Элогий повел людей в указанном направлении. Пятеро космических десантников, выстроившись вокруг капитана, отправились с ним. Еще четверо вместе с Эстарионом шли в некотором отдалении; четырех воинов возглавил и Кириакис, державшийся между первыми двумя группами. А Аурелий с оставшимися силами двинулся окружным путем, прикрывая фланги своих собратьев на случай нападения.

Все эти предосторожности оказались совершенно ненужными, и стремительному марш-броску ничего не мешало. Отряды быстро пересекли поле и вышли к опушке простиравшегося за ним леса. С этого места заросли казались густыми и бескрайними, но войдя в них, космические десантники вскоре обнаружили, что деревья начинают редеть и их зеленый ковер испещрен дырами глубоких и длинных оврагов. Один из них оказался прямо на пути Ультрамаринов, неожиданно возникнув прямо под ногами. Элогий немного помедлил, раздумывая, стоит ли спускаться.

Кириакис встал возле его плеча и кивнул, указав на скопление деревьев на противоположном склоне. Капитан приказал двум воинам отправиться вперед и обследовать овраг на предмет удобного места для переправы, а сам решил остановиться и подождать, пока подтянутся люди Эстариона. И к тому времени, как те появились, поступило сообщение о еще одной возможности.

— К северу от вас есть переход, — раздался в коммуникаторе голос Аурелия, чей отряд, сделав крюк по полю, вышел к оврагу на некотором удалении от позиции Элогия и, как выяснилось, весьма удачно. Капитан отозвал десантников, спустившихся вниз, и, сопровождаемый почти полным отрядом самого Аурелия, направился на север, к обещанной переправе.

Край оврага часто становился настолько ненадежным и отвесным, что Ультрамаринам приходилось вновь отступать в лес, чтобы найти более безопасный путь, и тогда разлом почти пропадал из виду. Впереди из оврага выросла огромная каменная «шпора», облепленная растениями. Она, а еще резкий изгиб оврага мешали разглядеть, что же находится дальше.

Поэтому с Аурелием они встретились, почти неожиданно выйдя из густых зарослей на плоский, каменистый утес, нависший на несколько метров над оврагом.

Неподалеку виднелся высокий, изгибающийся аркой мост. Цветом он сильно контрастировал с окружающим пейзажем и был возведен определенно не из камня. Его цвет чем-то напоминал кость, но поверхность не была достаточно гладкой, хотя и не столь изъеденной оспинами, как валуны, образовавшие стены оврага. И очертания моста свидетельствовали, что он искусственного происхождения, а не выточен из камня ветром и дождями. Под ним, расположившись через равные промежутки, виднелись меньшие, опорные арки, крепившиеся к дну узкого разлома. Мост никоим образом не мог возникнуть в силу естественных причин, но чьи руки его построили, оставалось загадкой.

Но каким бы ни было его происхождение, назначение вопросов не вызывало. Это мост, и по нему можно перейти на другую сторону оврага. Как только Элогий со своими спутниками вышел из леса, Аурелий пробежался по утесу и ступил на мост. Он был не слишком широк, и Ультрамарины могли пройти по нему только друг за другом; зато оказался достаточно надежным.

Приблизившись к середине моста, где конструкция поднималась над местностью выше всего, Элогий заглянул вглубь рва. Дно устилала разрушающиеся валуны, наполовину засыпанные галькой. Воды капитан не видел, но казалось очевидным, что все эти камни когда-то принесла сюда давно высохшая река, прорезавшая за долгие годы и этот овраг.

Приглядевшись, Элогий сумел различить несколько странных предметов. Среди камней выделялись какие-то более светлые, хотя и запыленные элементы. Их очертания позволяли предположить, что когда-то они принадлежали чему-то, очень напоминающему конструкцию под

ногами капитана. «Скорее всего, — подумал Элогий, прежде чем отправиться дальше, — обломки другого моста, некогда обрушившегося в реку. Эта переправа была не единственной».

Противоположный склон оказался куда более крутым и высоким, и, взбираясь на заросший лесом холм, космические десантники продолжали продвигаться, растянувшись цепью. Как только они поднялись на вершину, возвышавшуюся над всеми окрестностями, источник таинственного сигнала предстал их взорам.

Внизу пролегало еще одно пересохшее русло, разделявшееся на два рукава. На островке, лежавшем на пересечении давно прекративших свой бег потоков, возвышалось нечто вроде крепости: строение из камня и стали, выглядевшее настолько обветренным и обветшалым, что казалось давно заброшенным. И все же на его стене красовался весьма знакомый герб: ослепительно-белая «омега» — символ Ультрамаринов.

— Похоже, мы здесь не одни, — криво усмехнувшись, произнес Кириакис, остановившись рядом с Элогием.

— Но как такое может быть? — спросил капитан, только что выслушавший последний доклад Эстариона, вернувшегося с разведки территории форта. На то, чтобы осмотреть всю крепость, понадобился целый час, хотя с самого начала стало очевидно: ответы найти не удастся. Так что Элогий фактически дожидался заранее известного ему отчета.

Планировка крепости на поверку оказалась весьма примитивной — банальное нагромождение камней да металла, который годился разве что в утиль. И все же в этом месте остались отчетливые следы деятельности Астартес, обеспечивших себя только самым необходимым.

Ничего более существенного людям Эстариона обнаружить так и не удалось. В крепости не оказалось ни единого собрата-Ультрамарина.

— Ничего? — уточнил Элогий, глядя, как сержант качает головой. — Совсем?

— Не совсем, — ответил Эстарион. — Несколько слуг, но все они немые.

Элогий озадаченно нахмурился.

— Немые? — переспросил он.

— Так точно, капитан.

— Я хочу их увидеть.

Элогий вошел в грязную комнату, расположенную ниже всех прочих помещений крепости и по факту оказавшуюся всего-навсего пещерой, выдолбленной в камне под фортом. Слуги замерли, выстроившись у дальней стены. Они являли собой жалкое зрелище: практически каждый подвергся серьезным хирургическим модификациям и был чудовищно изуродован. Некоторые и вовсе больше походили на сервиторов, чем на живых слуг.

«Кто бы ни сделал этих несчастных такими, он, видимо, отчаянно нуждался в этих преобразованиях», — подумал Элогий, подходя к ближайшему из обитателей крепости.

Слуга заморгал со скоростью, казавшейся немыслимой для живого существа. Его глаза открывались и закрывались по несколько раз в секунду, причем часто не одновременно, словно пытаясь передать все эти пощелкивания и попискивания, управлявшие его машинным разумом.

Элогий отошел от него, не в силах ничего разобрать в этом безумном моргани. Ему и раньше доводилось встречать слуг, которых лишили дара речи, но в его собственном ордене подобное практиковалось исключительно в тех случаях, когда того требовали возложенные на человека

обязанности. Капитан был сильно озадачен, увидев перед собой единственных обитателей монастыря — дюжину людей, каждый из которых был нем. Только один или двое прошли аугментацию, способную хоть как-то объяснить их бессловесность, но всех остальных, похоже, лишили возможности разговаривать по каким-то особым причинам. И Элогий не мог даже догадываться о том, зачем это могло понадобиться.

Отчаянные перемигивания, вполне возможно, в некотором роде заменяли несчастным утраченные языки, но если они и общались таким способом, то ни Элогий, ни остальные десантники понять их не могли. Кроме того, немые слуги, похоже, не были способны и на другие формы контакта, поскольку никак не отреагировали на брата Лонгиния, пытавшегося объясниться с ними при помощи жестов.

Вначале Элогий закончил осмотр, а затем и Кириакис, нечленораздельно прорывав, признал свое поражение: разум этих слуг по своей природе был слишком близок к машинному, чтобы его смог прочесть псайкер. Кай предложил одному из слуг стило, хотя тот не только не притронулся к письменным принадлежностям, но даже словно и не заметил их. Становилось очевидным, что эти люди никогда не выдадут своих секретов.

Элогий поманил за собой библиария и направился к выходу.

— Я сбит с толку, брат Кириакис, — признался капитан.

— И в самом деле, все это более чем странно, — отозвался псайкер. — Нет ни малейших сомнений, что крепость возведена руками нашего великого ордена. Оставленные вещи вполне соответствуют нашим правилам, в архитектуре нет отступлений от требований Кодекса, и здесь ощущается дух столь же чистый, как в самом сердце Макрагге. У меня нет повода сомневаться в том, кто построил крепость, хотя я и не могу сказать зачем.

— И при этом никто до нас здесь не мог высадиться? Ты в этом точно уверен?

— Абсолютно. До флота Камидия никто прежде не проникал вглубь Предела Пируса, а если говорить о столь удаленной системе, как Элизий, то мы должны быть первыми сынами Жиллимана, ступившими на поверхность этой планеты. Конечно, я все еще жду сообщений от своих братьев, хотя уверен, что они подтвердят: ни один Ультрамарин ранее не высаживался в этом мире.

— Ни один... и все же мы видим целую крепость, приспособленную для проживания наших братьев, — заметил Элогий.

— Верно, — сказал Кириакис. — Мне надо подумать. Впрочем, сомневаюсь, что ответы отыщутся скоро.

— Буду молиться об этом, — пообещал капитан, удаляясь по коридору от достойного библиария. — Да, буду молиться.

Элогий склонился в молчаливой молитве; лишь губы его шевелились, придавая форму словам катехизиса Ультрамаринов, пока капитан пытался отыскать в глубинах собственного сознания причину, по которой судьба привела его на Элизий, и понять, что их ожидает.

Молитва успокаивала, но, к сожалению, ответов дать не могла. Капитан поднялся с колен и прошествовал по часовне, лязгая подошвами тяжелых ботинок по холодному каменному полу.

Он подошел к стене с огромным гобеленом, закрывавшим ее почти полностью. Элогий остановился перед реликвией и почтительно опустился на колени. В этот самый момент сквозь камни стен пробилась последние солнечные лучи уходящего дня.

Изображение на гобелене было вполне традиционным. В центре возвышался всемогущий Император, представленный в профиль и решительно идущий вперед, взгляд его был устремлен куда-то за пределы полотна. За спиной Императора простирался пейзаж с высокой горой — должно быть, символизирующей его власть, а над головой сиял нимб из шести звезд, ярко сверкающих в ночи. Левой рукой он касался правого плеча, и между пальцами струилась кровь. По щеке катилась одинокая слеза. Элогий не сомневался: все вокруг него и в самом деле построено Астарте. Подобной человечностью, как на этом мрачном портрете, бессмертного Императора наделяли исключительно космические десантники; никто, кроме них, не знал настолько хорошо своего спасителя.

Элогий поднялся и неторопливо направился к единственной двери часовни. Но не успел он выйти, как в проеме возник Кай, поприветствовавший капитана многозначительным взглядом. Элогий сразу понял, что десантнику есть что сказать, но предпочел не нарушать молчания внутри часовни и потому вышел, прежде чем заговорить.

— Новости, Кай? — произнес Элогий, шагая по тускло освещенному коридору.

— Капитан, брат-библиарий Кириакис просит вас о встрече.

— Хорошо. Веди.

— Вот передатчик, которым они воспользовались, — показал Кириакис на огромный деревянный стол, стоявший посреди самого просторного и, видимо, служившего для собраний помещения крепости. Помимо уже привычных каменных стен, в этом зале из пола к потолку тянулись толстые металлические опоры, а свод был обит стальными пластинами; красоту здесь принесли в жертву безопасности.

— Этот? — произнес Элогий, и библиарий кивнул:

— Пелей подтвердил.

Десантник, стоявший у дальней стены, кивнул.

Не разбираясь сам в подобных вопросах, Элогий без малейших возражений положился на его мнение. И так, на столе между капитаном и библиарием стоял передатчик, с которого сорвали кожу, а провода подключили к многочисленным ауспикам, сенсорам и приемникам, используемым хитроумным Пелеем, чтобы извлечь из этой коробки все ее тайны.

— Скажи, Кириакис, что это нам дает? — спросил Элогий.

— Передача не была завершена, капитан. Мы получили не все послания.

— И о чем они говорят?

— Нападение сил Хаоса. Они сообщают, что подверглись нападению со стороны Хаоса. — Кириакис умолк, а Элогий нахмурился.

Капитан отвернулся от стола и жестом приказал Эстариону следовать за ним. Вдвоем они пересекли зал и зашагали по темным крепостным коридорам. Внешние стены форта были лишены оконных проемов, и свет проникал только сквозь случайные щели между камнями.

— Возьму десять человек и постараюсь разузнать что к чему, — сказал Элогий. — Сообщил сержанту Нериону, что тут вполне безопасно и что он может со своими людьми присоединиться к нам на поверхности. Дождемся, пока они придут, а затем я отправлюсь на поиски. Пусть он охраняет форт.

— Слушаюсь, капитан. — Эстарион кивнул и остановился, выжидая, пока командир пройдет через дверь в конце коридора.

Элогий начал спускаться по широкой лестнице, выходящей из крепости, а Эстарион повернулся к группе десантников, державшихся в некотором отдалении. Повинуясь его жестам, несколько воинов поспешили следом за капитаном, в то время как остальные остановились, взяв под охрану выход.

— Капитан? — раздался голос сержанта Аурелия, посмотревшего на закатное солнце. — Куда мы идем?

Элогий помедлил, минув три последних каменных ступени и отходя от форта, чтобы сооружение не мешало ему осматривать окрестности. Он раздумывал еще несколько секунд, прежде чем на глаза ему попало нечто удивительно знакомое. Тогда капитан ткнул пальцем:

— Туда. Идем туда.

Элогий указывал на величественную гору, возвышавшуюся на далеком горизонте. Она выглядела в точности так, как на гобелене в часовне.

Чем дальше уходил Элогий и чем ниже садилось солнце, тем больше убеждался капитан в правильности своих догадок. Приближающаяся ночь нарисовала на небе полукруг из шести ослепительно белых звезд, украсивших еще не совсем почерневшее небо над пиком. Если сходство с изображением одной только горы еще и вызывала сомнения, то эти бриллиантовые маяки убедили Элогия, что они приближаются к тому самому пейзажу, что был весьма правдоподобно перенесен на гобелен.

Благодаря «Громовому ястребу» путешествие заметно ускорило, но изломанный рельеф у подножия горы не позволял произвести безопасную посадку, так что Элогию и его людям все равно пришлось более часа пешком преодолевать холмы. Два боевых брата остались охранять челнок, и капитан время от времени слышал, как включается и выключается коммуникатор Лонгиния: находящиеся у челнока братья отслеживали местоположение остальной группы.

Как и овраги, посреди которых высилась таинственная крепость, холмы густо поросли лесом, что сильно ухудшало обзор. Очередной раз посмотрев на кроны деревьев, Элогий наконец был вознагражден многообещающим видом: где-то вдалеке поднимался дым.

Отряд быстро заскользил сквозь заросли и вскоре вышел к примеченному месту. Десантники услышали потрескивание костра и чьи-то голоса. Взяв болтеры на изготовку, Ультрамарины рассыпались по лесу, окружая незнакомцев, и начали приближаться к источнику дыма.

Выбежав из-под защиты деревьев, Элогий оказался на широкой, овальной поляне. Следом за ним, пригибаясь и сжимая в руках болтеры, выскочили закованные в синие доспехи братья. На поляне, вокруг горевшего в самом ее центре огромного костра, плясали и завывали с дюжину мужчин и женщин варварского вида. Завидев Элогия, один из дикарей мгновенно забыл о веселье и бросился в драку, заноса, словно дубину, огромную окровавленную кость. Это импровизированное оружие, не причинив ни малейшего вреда, разбилось о нагрудник капитана, а затем Элогий нажал на гашетку болтера и навсегда успокоил безумного аборигена.

Еще два десантника шагнули вперед, намереваясь покончить с дикарями, но Элогий поднял руку, призывая повременить. Он и так уже продемонстрировал силу, и этого должно было хватить, чтобы усмирить этих безмозглых созданий. Капитан одной рукой поднял упавшее под ноги тело и без малейших усилий метнул его через всю поляну. Труп пролетел несколько метров, прежде чем шлепнуться среди остальных варваров, все еще толпившихся у костра.

Две женщины рухнули на колени возле тела, зайдясь в истошных воплях, которые равно могли быть и скорбным плачем, и криком ненависти. Трое детишек спрятались за спинами еще нескольких женщин, в то время как остальное племя начало опускаться на колени, заламывать руки и бормотать нечто неразборчивое, но определенно являющееся мольбой о пощаде.

Элогий опустил болтер и подошел ближе, пока остальные Ультрамарины замыкали в круг поляну и ее первобытных обитателей.

Дикари попятились от приближавшегося к ним капитана, но сомкнувшееся кольцо закованных в доспехи воинов не дало им сбежать. Варвары, нервничая, вернулись к костру, стараясь держаться так, чтобы пламя отгораживало их от предводителя космических десантников. Теперь стали очевидными и назначение этого костра, и повод, по которому праздновали дикари.

Поверх пылающих дров лежал огромный труп, закованный в почерневшие от копоти, хотя и не пострадавшие пока от огня, доспехи. Элогий протянул руку и выволок тело из костра.

Мертвец чадил и искрился, но исходивший от него жар несколько не смущал капитана, крепко ухватившегося и потянувшего на себя обуглившийся нагрудник силовой брони покойника. Почерневшая пластина оказалась в руках Элогия. Под ней обнаружился второй слой, практически не пострадавший от пламени. Зато его покрывали омерзительные символы.

— Да покарает тебя Император за все, что ты творил, — сказал Элогий, осознав, что под почерневшей оболочкой брони скрывалось тело десантника Хаоса. Капитан оторвал наплечник еретика и с силой ударил им о покрытую сажей, обугленную броню, сбивая нагар и обнажая чудовищный символ. Несущие Слово.

Элогий швырнул обломок брони на землю и шагнул к ближайшему из дикарей. Схватил сухопарого, косматого аборигена за рванину, которую тот носил вместо одежды, и приподнял над землей.

— Что здесь произошло? — настойчиво спросил Элогий, глядя на человека, силящегося вырваться из его рук. Капитан искренне сочувствовал бедолагам, которым явно довелось многое повидать, и в некотором роде даже испытывал признательность за ту радость, которую они выражали по поводу смерти предателя, но сейчас необходимо было разобраться в происходящем, и времени на любезности не оставалось. Элогий ни на секунду ни поверил бы, что эти люди могли самостоятельно расправиться с чудовищным космическим десанником Хаоса.

— В... в... вы убить их, — заикаясь, произнес мужчина, не осмеливаясь посмотреть в глаза Элогию.

— Именно. Я собираюсь их убить, — ответил капитан. — Но, скажи, что здесь произошло? Скажи!

— Он имеет в виду, — произнес Кириакис, обращая на себя внимание командира, — что ты уже убил их. А не то, что только собираешься.

Элогий повернул голову и посмотрел на библиария, стоявшего почти у самого костра и возложившего ладонь на плечо одной из перепуганных женщин, которая, в отличие от извивающегося мужчины в руках капитана, просто застыла на месте.

Кириакис убрал ладонь, и женщина повалилась на землю, пытаясь прийти в себя после невыносимого прикосновения библиария.

— Они уже видели таких же, как мы, и по ошибке приняли нас за них, — поведал Кириакис. — Ультрамарины убили и этого предателя, и многих ему подобных. Эта девушка, как я понял, видела сражение с достаточно близкого расстояния. Ты напугал того, первого... можно сказать, загнал его в угол, вот он и напал, хотя эти люди и не считают нас врагами. Они достаточно безобидны и, можно сказать, в некотором роде лояльны.

Элогий несколько секунд раздумывал, а затем произнес:

— Что ж, тогда отпустим их. Но необходимо уничтожить тело предателя и прогнать этих оборванцев куда подальше. Не стоит им лишний раз на него смотреть.

Брат Кай шагнул в сторону, предоставив дикарям коридор к отступлению. Аборигены сбились плотнее, кто-то поднял упавшую женщину, лежащую у ног Кириакиса, и племя медленно побрело к краю поляны, все еще не до конца понимая, какая судьба их ожидает.

Элогий разжал хватку и подтолкнул недавнего пленника к его сородичам. Несколько не рассчитав силу, Ультрамарин заставил дикаря сорваться на бег, и этого вполне хватило, чтобы наутек через дыру, оставленную Каем, бросились и все остальные варвары. Еще секунда, и на поляне не осталось никого, кроме Ультрамаринов, озаряемых светом полыхающего костра.

Лонгиний выступил вперед и вынул из раздатчика гранату, прежде чем поднять лежащее у круга костра тело. Десантник засунул гранату под броню предателя и тут же отбежал. Вскоре труп объяло всепоглощающее пламя: мелта-заряд поджег и полностью поглотил каждую клеточку мерзкой твари.

Там, где еще секунду назад валялся мертвый предатель, осталась только горстка пепла, да и ее тут же подхватили горячие языки костра, а прохладный вечерний ветер разметал в воздухе, оставив на земле лишь размытый силуэт. Элогий немного постоял, убеждаясь, что с еретиком точно покончено, и вновь повел Ультрамаринов вглубь леса.

— Сюда, — указал Кириакис, стоя на развилке, где одна тропа взбегала к горной вершине, а вторая вновь спускалась к подножию.

Элогий кивнул, и отряд, вновь построившись цепью, двинулся за библиарием, умевшим узнавать приметные знаки, которых никогда прежде не видел.

Деревья быстро редели, уступая место голым каменным отложениям. Кириакис немного помедлил, запечатлевая в памяти образ и проверяя свою экипировку, прежде чем отправиться дальше и повести за собой остальных.

Очень скоро они зашагали по бесплодным склонам, открытым всем ветрам. Когда они миновали каменную «шпору», их взорам предстал хороший вид на горные тропы, и десантники осознали, какой путь успели проделать. Ветер высокогорий не знал усталости.

Наконец, выбравшись на небольшое плато, Ультрамарины нашли и тех врагов, которых искали, и друзей, с которыми желали встретиться.

И те и другие были мертвы. Трупы десятка дюжих Ультрамаринов и в два раза больше еретиков распростерлись на камнях посреди отметин, явно оставленных сражением. Элогий опустился на колени возле ближайшего из павших собратьев и осторожно отстегнул его шлем, стараясь не оскорбить погибшего товарища. Лицо покойного было ему незнакомо, но в то же время удивительно кого-то напоминало. Капитан видел перед собой довольно пожилого воина, с висками, тронутыми сединой, и, глядя в мертвые глаза боевого брата, Элогий испытал неловкое чувство: он должен был бы помнить его имя, но оно почему-то никак не приходило ему на ум.

Остальные воины рассредоточились по полю битвы, изучая другие тела. Хотя павшие братья и принадлежали к ордену Ультрамаринов, геральдические знаки и монограммы на их броне не помогали установить их личность. Еще удивительнее было то, что все они были столь же стары, как и воин, над которым склонился Элогий.

Под одним из колен у каждого из них красовался странный рисунок: метка военной кампании, изображавшая кольцо из семи звезд. Вначале Элогию показалось, что узор просто взят с ухе

виденного им гобелена в часовне, но затем его внимание привлекла лишняя звезда. Впрочем, была ли связана метка с гобеленом или нет, но она не походила ни на одну из тех, что использовались орденом за всю долгую, полную подвигов историю.

Несомненно, тела принадлежали Ультрамаринам, но они не могли служить ни в одной из рот, какие приходили на память Элогию и его товарищам.

Когда капитан и его спутники подготовили достойное погребение для своих удивительных собратьев, на горы опустилась почти крошечная тьма. Генное семя было извлечено, тела омыты и преданы земле. С трупами предателей поступили так же, как и раньше, — от них не должно было остаться и следа.

Ответов по-прежнему не находилось. Даже произнося молитву, Элогий продолжал раздумывать над этой тайной.

Ослепительно-оранжевое солнце еще только начинало подниматься над горизонтом, а Ультрамарины были уже совсем близки к вершине загадочной горы, где Кириакис и Элогий надеялись найти ответы на свои вопросы.

Восходящее солнце показало путникам то, что скрывалось от них прежде. Первые оранжевые лучи, прорезав небо, высветили древний монолит, возвышающийся на вершине буквально в тридцати метрах от десантников. Очертания двух изящных, но удивительно высоко протянувшихся рук прежде были скрыты от их взоров изгибом склонов и особенностями конструкции. Теперь же, когда до монолита оставалось рукой подать, Элогий и его воины смогли рассмотреть находку. Они уже было дружно устремились вперед, но в следующее мгновение замерли, ужаснувшись увиденному.

Вокруг скульптуры разбили свой лагерь Несущие Слово: двадцать или даже больше предателей проводили у подножия монолита один из своих чудовищных ритуалов.

Элогий, Кириакис и остальные Ультрамарины либо припали к земле, либо прижались к каменному склону, чтобы не попасться противнику на глаза и подготовиться к нападению. Им предстояло атаковать врага, занимавшего высоту, а потому, если они хотели победить, действовать следовало предельно скрытно.

Оглядевшись, капитан обратил внимание на выступ, плоская вершина которого шла параллельно плато, занятому еретиками. Выступ этот был ниже всего на пару-тройку метров, и Элогий, взмахом руки велел двум братьям следовать за ним, направился туда. Он на несколько секунд задержался возле Аурелия, серией быстрых жестов пояснив тому свой план. Сержант кивнул и, сопровождаемый Кириакисом, повел своих людей по более крутому склону.

Элогий не столько поднимался вверх, сколько двигался в обход; он укрылся позади выступа и вместе с двумя воинами подбирался к врагу, оставаясь вне зоны видимости. Достигнув почти самой верхушки выступа, капитан помедлил и посмотрел на товарищей, выжидая, чтобы те доложили о своей готовности, а затем, втроем, они устремились вперед, обрушив на Несущих Слово потоки болтерного огня. Подвергшись нападению с этого направления, предатели начисто лишились возможности найти хоть какое-то иное укрытие и были вынуждены отступить под защиту монолита. Первый же залп скошил троих еретиков. И еще двое погибли во время бегства.

Как только Несущие Слово побежали от края плато, Аурелий и его люди воспользовались представившейся возможностью, чтобы взобраться наверх. Они быстро атаковали склон и поднялись на плато. Вскоре грохот их болтеров поддержал нападение Элогия, и Несущие Слово оказались заперты в смертельной западне перекрестного огня. Еретики вновь попытались отступить, открыв ответный огонь в отчаянной попытке вырваться из окружения.

Элогий повел своих братьев вперед, направляясь к плато. Изгибающееся полукругом, оно позволило легко обогнуть монолит и вновь взять в прицел кинувшихся наутек Несущих Слово. Ультрамарины вновь открыли огонь, очередной раз вынуждая предателей искать пути к отступлению. Едва еретики успели перестроиться и укрыться за скульптурой, как за их спинами на краю плато возник Элогий и сопровождающие его десантники.

Аурелий разделил своих Ультрамаринов на два небольших отряда, ко второму из которых примкнул библиарий. Они побежали в обход монолита с разных сторон, отрезая предателям пути к отступлению. Перекрестным огнем Ультрамарины заставили противников вжаться в землю, а нескольких лишили жизни.

Попавшие в окружение и оказавшиеся практически в безвыходном положении, Несущие Слово ответили беспощадной контратакой. Они сосредоточили всю мощь своего оружия на группе, возглавляемой Аурелием, и бросились ей навстречу, не обращая ни малейшего внимания на остальных Ультрамаринов.

Под ответным ударом еретиков пал брат Кай. Лонгиний оттащил его тело в укрытие неглубокой ямы у подножия монолита, но помочь другу уже ничем не сумел и был вынужден сообщить Элогию, что первая кровь Ультрамарины уже пролилась.

Поскольку Кай погиб, а Лонгиний из-за него временно выбыл из боя, Несущие Слово обрушились на Аурелия и единственного оставшегося с ним десантника. Два предателя запустили цепные мечи и побежали вперед, стремясь вступить в рукопашную. Аурелий в долгу не остался: он поднырнул под удар и вплотную выстрелил из болт-пистолета прямо в бронированное брюхо врага. Уже мертвый, Несущий Слово еще раз неуклюже взмахнул своим оружием и рухнул на спину. Этот последний удар уже не имел никакой силы, и зубья меча лишь слегка проскрежетали по наручам Аурелия, но сержант в результате потерял равновесие. Падая на землю, он успел увидеть брата Тира, схлестнувшегося с тремя Несущими Слово разом и погибающего под их ударами. Кириакиса видно не было.

Еще один предатель навис над пытающимся подняться сержантом и занес над ним свой меч. Несущий Слово сжимал рукоять двуручным хватом и уже собирался опустить оружие на голову Аурелия, когда раздался грохот болтеров. Изрешеченный выстрелами труп еретика отбросило в сторону Отряды Элогия и Кириакиса обогнули монумент и зашли Несущим Слово за спину, успев спасти сержанта в последнее мгновение. Один из предателей, по всей видимости, командир, заметил приближение подкрепления и отвел остатки своих сил от монолита. Сумасшедшая выходка еретиков, ошеломившая Аурелия, помогла им вырваться из окружения. Но стоило промедлить хоть секунду, и их зажали бы вновь, так что предатели спешно бежали к краю плато, оставив везучего сержанта подниматься и приходиться в себя.

Впрочем, Несущие Слово вовсе не были разбиты. Сонарий, один из воинов Аурелия, руководивший отрядом, что заходил с другой стороны монолита, попытался броситься в погоню, но, выйдя из-под защиты монолита на открытую местность, лишь даровал еретикам быструю победу. Сонарий, Псалит и Грегорий пали под плотным ответным огнем отступающих предателей. Убив и распугав своих преследователей, Несущие Слово побежали к обещающему безопасность лесу, раскинувшемуся под плато.

Но уже через минуту их бегство остановил взрыв: над склоном завис «Вигилий-Ди». Люди Аурелия, оставленные присматривать за «Громовым ястребом», прибыли по первому зову и обрушили всю мощь боевого челнока на ошеломленных предателей, сгинувших в потоках зарядов, выпущенных болтерами и тяжелым бортовым орудием. Элогий и Аурелий прекратили преследование, увидев, что в нем после своевременного прибытия «Громового ястреба» уже нет никакого смысла.

Не имея возможности приземлиться на этой местности, челнок заложил вираж и исчез столь же внезапно, как и появился — чтобы понять, что драка закончена, пилотам хватило раздавшихся в их коммуникаторах благодарностей от братьев. Когда рев турбин затих вдали, выжившие Ультрамарины собрались вокруг Элогия. Из-под прикрытия деревьев вышел Кириакис. Предстояло много работы. Погибших десантников следовало похоронить, а от предателей очистить землю. Этим, под присмотром Лонгиния, поспешили заняться два воина. Элогий, который все никак не мог выбросить из головы воспоминания о пожилых Ультрамарилах, найденных ими перед последним сражением, не теряя времени отправился осматривать монолит. Аурелий с Кириакисом последовали за капитаном, поднимаясь по круглым каменным ступеням, ведущим к скульптуре. Конструкция была невероятно огромной и в то же время — изящной. Ее определенно изваяли из того же самого удивительного, белого, как кость, материала, из которого был построен мост. Скорее всего, создатели у моста и монолита были общие.

И создателями этими определенно не могли быть Несущие Слово, поскольку Элогий своими глазами видел, как те изо всех сил старались осквернить монолит отвратительными символами своих мерзких богов. Аурелий подозвал брата Телея, обрушившего очистительное пламя на эти рисунки, чтобы уничтожить их раз и навсегда... но последствия его поступка оказались более значительными.

Едва пламя коснулось простертых к небу рук, как ослепительные оранжевые языки вначале поползли по ним вверх, словно подталкиваемые некой невидимой силой, а затем рухнули обратно, закружив вокруг монолита и грозя пожрать и Телея, и остальных десантников. Огнеметчик поспешил погасить оружие и бросился на землю. Элогий, Кириакис и Аурелий так же избежали гибели, а поднявшись, удивленно уставились на монолит.

Теперь между воздетыми вверх каменными ладонями пульсировал и потрескивал сгусток тусклой фиолетовой энергии, наполненной, казалось, силой молнии, но уходящей к облакам тонкими спиралями, словно дымок над походным костром. Затем в небо ударил ослепительный луч, пронзивший атмосферу планеты и ушедший в космос. Элогий посмотрел наверх, отслеживая путь этого загадочного выстрела, и изумленно раскрыл рот.

Едва забрезживший рассвет еще не успел погасить звезды, и капитан увидел, как в темно-сером небе что-то движется. Точные очертания объекта различить не удавалось, но оставалось очевидным: там, в космосе пробудилось ото сна нечто огромное.

«Громовые ястребы», ревя турбинами, бок о бок влетели в ангар, и пилоты опустили челноки на палубу, не слишком заботясь о точности выбора места для посадки; Элогий требовал от них предельно быстрого возвращения на «Щит бдительности». Оставшаяся внизу планета все еще хранила множество нераскрытых тайн, да и загадочная крепость требовала продолжения исследований, но сейчас необходимо было решить куда более срочную проблему.

Элогий опустил трап «Громового ястреба» и торопливо спустился в ангар. Мимо пробежали десантники, спеша занять свои посты.

Ему понадобилась всего минута, чтобы добраться до мостика, где его терпеливо дожидался Нерион.

— Приветствую, Элогий, — сказал тот. — Соизволишь рассказать, что же это ты такое призвал на наши головы?

Нерион указал на обзорный экран, и Элогий устремил взгляд в бездну космоса... и понял, что смотрит прямо на второй, колоссальный монолит, такой огромный, что расстояния между двумя простертыми руками хватило бы, чтобы провести между ними корабль. Но, если не считать разницы в размерах, этот монолит был точной копией того, что остался на планете.

— Подведи нас к нему, — приказал Элогий. — Только медленно.

— Так точно, — раздалось в ответ, и крейсер осторожно поплыл вперед.

Полет их был прерван ударом, достаточным, чтобы сбить капитана с ног, а Нериона заставить вцепиться в кресло, чтобы только не упасть.

— Мы атакованы! — проревел Нерион в трубку коммуникатора, извещая разом все посты.

Мимо обзорного окна промчался ошеломляюще быстрый росчерк, и находившиеся на мостике увидели, как к ним устремились две яркие вспышки, прежде чем обзор закрыл опустившийся защитный экран. Элогий приготовился к неизбежному удару, но вместо него ощутил лишь дрожь силовых щитов, отразивших попадание. Аурелий, судя по всему, сумел найти способ улучшить работу систем «Щита бдительности». Элогий посмотрел на свою панель управления и неторопливо поднялся на ноги: по монитору стремительно бежали строчки результатов сканирования и энергетических сигнатур.

— Эльдары, — произнес капитан и, чертыхнувшись, обрушил на консоль тяжелый кулак.

За спиной Элогия над панелью управления склонился Нерион, готовивший корабль к контратаке. Только эльдары могли подкрасться к «Щиту бдительности» так незаметно и маневрировать с немыслимой скоростью, какую капитан успел отметить до того, как опустился защитный экран.

— Что они здесь забыли? — произнес Нерион. Не успел он договорить, как блок коммуникатора на его панели заискрился и перегорел.

— Меня мало волнует, что нужно этим проклятым вырожденцам ксеносам и что и где они забыли. Важно, что это я буду решать их судьбу и стану их погибелью! — прорычал Элогий, чей гнев возрастал тем сильнее, чем большее количество корабельных систем выходило вокруг него из строя. Приборы либо просто умолкали, лишившись питания, либо вдруг начинали отчаянно искрить.

— Брат Лонгиний, — проговорил Элогий в свой коммуникатор, стараясь перекрыть рев сирен тревоги, раздававшийся по всему кораблю, — прикажите слугам открыть беглый огонь.

— Так точно, ка... — Ответ оборвался. Корабль вновь неистово содрогнулся всем корпусом, и освещение на несколько секунд пропало. Мостик ненадолго погрузился в непроглядную тьму и молчание, а затем зажглись аварийные лампы, озарившие помещение тусклым красным светом.

— Орудия вышли из строя! — сообщил мрачную новость Лонгиний, дежуривший у орудийных батарей далеко внизу под мостиком.

Элогий раздраженно зарычал, но уже в следующую секунду в его голове возник новый план действий.

— Брат Аурелий, варп-двигатели работают?

— Нет, капитан, они тоже повреждены. Но у нас осталась импульсная тяга. — Его голос звучал слабо, коммуникационные системы получали недостаточно энергии. Положение становилось опасным.

— Курс на врата, — сказал Нерион без былой уверенности в голосе.

— Что? — спросил Элогий.

— Врата близко, летим к ним. Есть шанс сбежать.

Капитан нахмурился, но выбор у них и в самом деле был невелик. Нерион прав. Монолит и в самом деле являл собой нечто вроде астральных врат. Ультрамарины сильно рисковали, если собирались прыгнуть в неизвестность; корабль запросто могло разорвать неистовствующими течениями варпа или забросить прямиком в одно из адских измерений, населенных демонами. Но в противном случае их все равно ждала гибель. Решение было скверным, да только другого Элогий не находил. Он неохотно отдал приказ:

— Брат Аурелий, курс на монолит. Проходим мимо ладоней, а затем во врата. Приказ понятен?

— Да, капитан.

Элогий коснулся своей консоли, и на небольшом экране перед его глазами возникло изображение космоса перед носом корабля. Их приближение определенно активировало монолит, между ладонями которого уже формировалось облако клубящейся фиолетовой энергии, такой же, какую Элогий видел на планете. Минутой позднее «Щит бдительности» нырнул в этот загадочный вихрь.

Они находились в нем какие-то секунды, а затем на экране капитана вновь возник вид на звезды.

— Нерион! — крикнул Элогий. — Сообщите наше местоположение.

— Местоположение... — Нерион помедлил. — Капитан, показаний пока нет, мы недостаточно отошли от монолита.

Потянулись секунды тягостного ожидания, но затем Нерион заговорил вновь:

— Мы находимся... капитан, мы все еще возле Элизия, только с другой стороны от врат.

— Будь прокляты ксеносы! — взревел Элогий, понимая, что его надежды на спасение разбиты.

— Капитан, не похоже, чтобы нас продолжали атаковать, — произнес Нерион. — Однако обшивка корабля сильно повреждена, и мы не можем маневрировать.

Элогий склонился над консолью, чтобы проверить показания, но в ту же секунду замер, испытав отвратительное чувство. Все вокруг, казалось, начало кружиться и вращаться вначале медленно, а затем все быстрее и быстрее, словно закручиваясь по спирали. Подобным ощущениям в открытом космосе не было места, и капитан понял, что их корабль полностью лишился сил и оказался в плену гравитационного колодца Элизия.

— Вся энергию на двигатели! — закричал Элогий.

Хотя двигатели изо всех сил пытались вырвать корабль из смертельных объятий планеты, все было тщетно, «Щит бдительности» продолжал двигаться по инерции, и уже через минуту его сгоревшие моторы умолкли, не оставив ударному крейсеру ни единого шанса на спасение.

Застрав в гравитационном колодце, корабль был обречен, и если бы Элогий срочно не отдал нужные распоряжения, погибли бы и все находившиеся на борту. Единственное, что они могли, так это бежать, и капитан отчаянно выругался, прежде чем отдать приказ... возможно, последний в его жизни.

— Всему экипажу занять десантные капсулы! Покинуть корабль!

Нерион распахнул люк и выбрался из капсулы на сырую землю. За ним вылез и Элогий. Оба десантника стояли плечом к плечу на поверхности Элизия, вглядываясь в небо и гадая, удалось ли спастись еще хоть кому-то из их братьев.

Они, казалось, несколько часов стояли так, пытаясь найти хоть малейший признак того, что они не единственные выжившие. Но то, что им в итоге пришлось увидеть, надежды не вселяло.

Два ослепительно-белых росчерка разорвали небо, приближаясь к земле с пугающей быстротой. Вскоре можно было различить их очертания — это был «Щит бдительности», разрезанный орудиями эльдар почти пополам и теперь падавший в атмосферу в огненном облаке. Потом оба фрагмента исчезли за горизонтом, и еще несколько мгновений все было тихо, но вот раздался мощный взрыв, и вдалеке поднялся столб дыма, огня и обломков.

Грохот оглушил Элогия, а затем капитан застыл от удивления, увидев россыпь новых, разрезающих небо огней. Они были куда мельче двух первых, но более многочисленные. Должно быть, не меньше дюжины. Десантные капсулы. Спустя несколько мгновений ожил ауспик Нериона. Встроенные в спускаемые модули маячки начали подавать сигналы, и на экране устройства зажглись двенадцать точек, указывающих координаты. Элогий и Нерион, не теряя ни минуты, побежали к ближайшей.

Прошло несколько часов, прежде чем Элогий отыскал Кириакиса и остальных выживших, перебегая от одной точки падения к другой, ориентируясь по драгоценному ауспику. В результате ему удалось собрать с дюжину космических десантников и почти в четыре раза больше слуг и сервиторов. Это все, что осталось от их воинства. В их распоряжении не было даже ни одного «Громового ястреба». Они оказались отрезаны от помощи, и у них осталась только одна последняя надежда на выживание.

— Мы на месте. Так показывает ауспик. Она должна быть прямо здесь, — произнес Аурелий, явно и сам не до конца веривший собственным словам.

— Это невозможно, просто немыслимо. Не могла же она просто исчезнуть, — Элогий ничего не понимал. Ему не хотелось верить даже показаниям ауспика, утверждавшего, что они стоят на том самом месте, где совсем недавно возвышалась крепость. Несмотря на сомнения, капитан огляделся, и каждый холмик, каждый овраг, течение древней реки и мягко изгибающийся над ней склон, подтвердили ему, что это и в самом деле то самое место, где они отдыхали менее суток назад. Но крепости не было, как не было и признаков, что она вообще когда-либо здесь стояла.

— Как такое может быть? — произнес Элогий, хотя и знал, что никто не сможет ответить ему на этот вопрос.

Он посмотрел в направлении уже ставшего знакомым пика и в сгущающихся сумерках пересчитал звезды. Одна, вторая, третья, четвертая, пятая, шестая, седьмая. Теперь их было семь! На небе, помимо уже знакомых им далеких светил, горело еще одно, хотя и слабое, умирающее. Должно быть, капитан выразил свое изумление слишком громко, чтобы привлечь внимание спутников.

— Что случилось? — поинтересовался Аурелий, подходя ближе.

— Это и в самом деле то самое место, — ответил Элогий.

— О чем это ты? — спросил Кириакис, поднимаясь и отходя от костра.

— Крепость здесь очень скоро появится, — произнес капитан. — И еще прежде, чем ее достроят, вон та звезда угаснет. На гобелене в часовне будут изображены шесть звезд, но с этого дня на нашей броне вот здесь, под коленом, будут красоваться семь. Теперь они станут нашим отличительным знаком.

На лице Кириакиса проступило выражение изумленного осознания.

— Похоже, мы и в самом деле проделали долгий путь, — произнес он.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Аурелий.

— Врата, — отозвался Элогий. — Они перенесли нас на малое расстояние, но забросили очень далеко. Мы потерпели крушение, попали в неведомые мне времена и не сможем выбраться отсюда, пока не встретим свою судьбу. А затем, скорее всего, снова найдем сами себя. Мы служим Императору, но, похоже, теперь судьба повелевает нами.

— Судьба? — сказал Кириакис. — Я не слишком уверен, что это судьба забросила нас сюда. С какой целью?

— Чтобы никогда не позволить Хаосу овладеть планетой, — ответил Элогий, твердо убедившийся в своей вере в судьбу, ожидавшую и его самого, и остальных братьев. Он посмотрел на Аурелия, измученного и усталого после отчаянного бегства с гибнущего ударного крейсера, и представил его осунувшееся лицо в более почтенном возрасте. Да, труп именно Аурелия, только уже пожилого, он буквально днем ранее нашел на горном склоне, с его головы снимал шлем, и именно его облик показался ему тогда таким знакомым. Теперь Элогий твердо знал, чего им ожидать и к чему готовиться: к битве с предателями, которые однажды придут и вновь запустят колесо событий. И в этом состоял отныне долг капитана и его людей.

— Император приказал нам отправиться в этот поход, и он все еще ведет нас, но сама судьба указывает, что вселенная должна и будет принадлежать человечеству. Судьба поручила нам эту роль, и мы обязаны ее сыграть. Мы выполним все ее требования: мы сохраним и этот мир, и все его тайны, и благодаря нашим усилиям владения нашей расы однажды раскинутся на всю вселенную, как и завещал Император.

— Нерион, — добавил Элогий, повернувшись к сержанту, — собери слуг. И лиши их дара речи, всех до единого. Нехорошо получится, если те, кто придут после нас, будут знать слишком много — они могут проявить недоверие, как поступили бы мы сами, или вовсе найти повод не следовать по нашим стопам.

— Как только закончите с этим, найдите вместе со слугами обломки «Щита бдительности». Соберите все, что только удастся. Остатки корабля станут неплохим началом.

— Началом для чего? — спросил Нерион.

— Для строительства форта, крепости из камня и железа, — ответил Элогий. — Мы воздвигнем здесь бастион Ультрамаринов, на том самом месте, где я сейчас стою, и будем готовы встретить Хаос, когда придет время. Или хотя бы часть наших оставшихся сил будет готова, поскольку увидеть тот день смогут не все.

— Именно за этим нас привели сюда, вот чего требует от нас судьба, — продолжал капитан. — Охранять эти места, быть готовыми сражаться и умереть здесь. Все будет именно так, ибо мы — рабы неизбежности.

— Все так, как и должно быть, — произнес старый провидец, чье дряхлое тело уже утратило изящество, свойственное его расе, и чья шаркающая походка ничуть не напоминала легкие, стремительные движения его сородичей. Он медленно заковылял к креслу, приготовленному для него среди его предшественников в зале Хрустальных Пророков, ведь работа его подошла к концу.

— Точно, все? — спросил юный жрец.

— Да, все в порядке, и врата останутся открытыми для нас. Я об этом позаботился, — отозвался провидец. — Ведь мы — хозяйева судьбы.

Си Эс Гото

КРОВАВЫЕ СЛЕЗЫ

Она была совсем еще ребенком, когда всему пришел конец. Он обхватил ее подобно рукам давно умершей матери, баюкал, словно впереди ее ждали небеса или новое начало. Но она прозревала подлинную суть вещей — она была эхвелин. Видела искушения и иллюзии, изливающиеся из будущего, пытающиеся затуманить ее зор и оставить в тугих пеленах настоящего. Она была еще совсем ребенком, когда всему пришел конец, но понимала: настали последние дни.

Вокруг кружила пылающая пыль, крохотными умирающими звездами рассыпаясь во тьме некогда величественной залы. Весь воздух, казалось, насквозь пропах энтропией, и сейчас этот воздух вдыхала одинокая девочка. Она стояла среди развалин, и сцена разрушения отражалась во влажной глубине ее сапфировых глаз. Крошки пылающей серы и кости духов плясали вокруг нее, подобные рою недолговечных мотыльков; они жалили ее бледную, испачканную кожу и бесшумно угасали. Когда девочка оглядела руины и устремила взгляд сквозь бушующее пламя, по измаранной в саже щеке скатилась одинокая слеза, оставляя за собой чистый, белый след. Слезка казалась хрустальной призмой, в которой отразились воспоминания о битве, принесшей гибель на Кэлор. Когда она упала на залитый кровью, изломанный пол, вместе с ней словно разбился и весь некогда прекрасный мир.

Над полем недавней битвы пронесся мягкий немолодой голос, подобный проблеску чистого неба среди сумрачных туч.

— Эла.

В ответ девочка слегка повернула голову, словно направив свои изящные ушки к источнику звука. Движение это сделало ее чем-то похожей на травоядное животное, опасющееся хищников и в то же время привыкшее к их постоянному присутствию: хищники представляют угрозу, лишь выходя на охоту.

— Эла, выйди из-под дождя.

Это был Эггарн, древний и дряхлый провидец Ривалин. Его согнутое годами тело зашаркало, направляясь к девочке облаком огненных мотыльков, пляшущих в тумане дыма. Все еще остающиеся настороженными уши позволили Эле различить постукивание металлического посоха, на который опирался старик, чья походка с каждым днем становилась все менее устойчивой.

— Вряд ли это можно назвать дождем, карадок, — отозвалась девочка, выставив вперед ладони, словно ребенок, пытающийся поймать падающие с неба капли. Запрокинув голову, она посмотрела на вихрящиеся туманности янтарных искр и серого дыма, наблюдая за тем, как они танцуют и подобно косяку рыб переносятся с места на место. Оседающий пепел обжигал и заставлял слезиться глаза.

Наконец, повернувшись, Эла посмотрела прямо в старое лицо некогда великого провидца. Для эльдара он был уродлив, а кожу его бороздили глубокие морщины. Он прожил столь долгий век, что даже старейшины Кэлора не помнили его молодым. Ему многое довелось увидеть за эти годы: вначале Войну Великих Домов, завершившуюся падением Ансгара, а затем ужасное Противостояние Пророчеств, поставившее и Тэрту, и весь Кэлор на колени. И все это время горбатый, скрюченный старик-провидец не позволял померкнуть славе зала Ривалин. Лишь теперь, когда зал обратился в пылающие развалины, пошатнулся древний род Ривалин. И все же Эла видела, как в скрытых под тяжелыми складками темного капюшона глазах провидца пляшут озорные искры.

С далекого, невидимого отсюда свода выстроенного из кости духа здания неожиданно ударили потрескивающие молнии энергий варпа; искусственный мир балансировал почти на самом краю Вихря.

— Как и дождь, изливающийся на землю, эти невзгоды не вечны, моя маленькая морна. — Иссохшие, морщинистые губы Эггарна тронула едва заметная улыбка.

Они немного побыли среди пылающих развалин — прошлое и будущее Кэлора стояли плечом к плечу, наблюдая за началом последних дней. Они лицезрели сцену гибели и отчаяния. То там, то здесь взгляд упирался в изувеченные, охваченные огнем тела, лежащие среди обломков.

— Пойдем, моя морна, мое дитя. Здесь нам делать уже нечего. — Говоря это, Эггарн протянул руку. — Неплохо бы найти укрытие от этой грозы.

Посмотрев в мерцающие глаза старого провидца, Эла увидела в них отражение пожара. На мгновение ей показалось, что она смотрит в прошлое и вновь становится свидетелем недавней битвы, разворачивающейся в фиолетовой глубине его зрачков. В отражении возникло испуганное, искривленное болью лицо... возникло и тут же исчезло, сменившись пляской бесчисленных огненных крупинки.

— Идем, — улыбнулся старик, поворачивая руку ладонью вверх и то ли успокаивая, то ли умоляя свою юную ученицу.

Эла медленно кивнула, словно признавая правоту древнего эльдара: им предстояло много дел, если, конечно, осталось еще что спасать. Она протянула свою белую, грязную руку и вложила ее в ладонь Эггарна. Глаза ветхого провидца блеснули из-под капюшона, и Эла показалось, будто улыбнувшись, он облизал языком губы.

Командные палубы «Неустанного гнева» погрузились во тьму; ударный крейсер шел по краю бурлящего варп-шторма. В слабом зеленоватом свете мерцающих мониторов и терминалов магистр Калидиан Эксрий отбрасывал на пол тяжелую, колеблющуюся тень. Непримирым взглядом он всматривался в трепещущие, размытые изображения пылающих потоков варпа, круживших и бурливших на основном обзорном экране. Иссеченное боевыми шрамами и глубокими морщинами лицо воина скрывал капюшон пошитого из грубой ткани плаща, длинные полы которого тяжело свисали с темно-зеленой энергетической брони. Там, где полагалось находиться правому глазу, пылал красным огнем бионический имплантат, установленный еще несколько десятков лет назад.

— И в самом деле, место подходящее. — Голос Калидиана перекачивался подобно сухому щебню. Магистр поскреб левой рукой небритый подбородок и ненароком коснулся указательным пальцем уголка глазного импланта. Хотя прошли уже долгие годы с тех пор, как ему вживили это устройство, Калидиан так и не смог с ним свыкнуться. Угловатый, холодный металлический выступ на лице не позволял забыть о клятве отомстить десантнику-отступнику, вырвавшему ему глаз; не существовало преступления более гнусного, чем обратить оружие против своих же собратьев. Магистру противно было бы даже произнести вслух имя нечестивца.

— Сигнал был неотчетливым, Калидиан. — Капеллан-дознаватель расположился в самом темном углу рубки управления, держась в стороне даже от самых слабых лучей света, испускаемых мониторами и обзорными экранами. Он стоял, подпирая спиной стену, и его лицо было полностью скрыто темнотой и плащом. Голос же капеллана, когда он заговорил, едва отличался от шепота.

— Так всегда и бывает, Лексий. — Магистр Четвертой роты Темных Ангелов не стал отворачиваться от экрана, но позволил себе ехидно усмехнуться скептицизму капеллана. На борту «Неустанного гнева» не нашлось бы другого Астартес, которому столь же хотелось бы обрушить всю мощь отмщения и правосудия на голову отступника, как Лексию Труидану. Самоотверженный капеллан-дознаватель был готов идти даже по самому сомнительному следу, если существовала хотя бы малейшая вероятность, что он выведет на частичку сокрытой истины. И уж ему-то, куда

более чем прочим, должен был быть понятен смысл этой диверсии на самом краю огромного Вихря.

— Магистр, вы всегда в первую очередь полагались на поиски упоминаний его имени. Но в этом сообщении о нем не говорится ни слова.

— Не так уж много тех, кому знакомо его имя, Лексий, и еще меньше тех, кто сумел бы понять, кем он на самом деле является. И нам с тобой, старина, одновременно и повезло, и не повезло оказаться в числе этого меньшинства. В сообщениях содержится достаточно информации, чтобы хотя бы попытаться проверить. В частности, говорится о древней черной броне и великолепном мече, никогда не покидающем ножен. Еще важнее такая деталь, как утверждение незнакомца, будто он говорит от лица самого Императора. Это куда более серьезная зацепка, чем большинство из тех, за которыми мы гонялись до сих пор.

Наконец Калидиан отвернулся от бурлящего и извивающегося морока Вихря и, устремив взгляд над головами суетившихся у терминалов слуг, чей разум был опустошен, едва заметно улыбнулся капеллану. Бионический глаз прекрасно видел того даже в темноте.

— Такова наша судьба, брат. Необходимо привести его к покаянию, дабы однажды мы все смогли предстать перед Львом или Императором.

— Мы в ответе за грехи свои и наших братьев, — прошептал Лексий, продолжая прятать лицо в тени.

— Да, капеллан. Нельзя рисковать душами Темных Ангелов. — Калидиан вновь повернулся к экрану. — Проверить целостность варп-щитов и взять курс на систему Тирайн внутри Вихря.

События эти должны были бы стать известны, как Возрождение Тирайн, вот только писари и посланники кошмарных воинов, упавших на наши головы, уже изрядно потрудились, настроив уйму документов и постановлений, именующих произошедшее ритуальным очищением. Для грядущих поколений и тех, кого заинтересует правда, пишу я с искренностью и отчаянием в сердце эти строки. Не остается надежды, что они попадут на глаза хоть кому-нибудь, кто сумеет нам помочь, ведь нет для нас отныне иного упования, кроме как на самого Императора. Да только тлеет еще в моей душе слабая крупичка веры, понуждающая отправить это послание блуждать в пучинах космоса.

Началось все с того, что небеса запылали огнем, и поплыли по ним разноцветные облака. Кровавые реки потекли по полям, и все, чего они касались, погибало в ужасных мучениях. На все вокруг поставила смерть свою печать. Со шпилей и из окон огромных, высоких храмов, воздвигнутых на горных вершинах, сочилась кровь, и казалось, будто они плачут.

Некогда зеленая и плодородная Тирайн много веков жила на самой границе Вихря, подобная деревушке, беспечно основанной на краю разрушающегося утеса. Оставалось лишь вопросом времени, когда утес рухнет, а планета низвергнется в хаос. И вот, когда это случилось, удивительный, богоподобный воин прибыл, чтобы подхватить ее.

С незапамятных времен обитатели Тирайн уповали лишь на Императора Человечества, обращая к нему исповеди и молитвы наших усталых душ. Мы трудились до последнего глотка воздуха, даруемого нам еще не рухнувшим в бездну миром. Мы поднимали на вершины гор огромные каменные блоки, из смирения волоча их при помощи одних только канатов, чтобы воздвигнуть затем величественные храмы, вершины которых уходили в стратосферу.

Тирайн стала памятником самоотверженности и славы Империиума.

Невзирая на то, что судьба ее была уже предрешена, Тирайн славилась как мир-святилище, притягивающий пилигримов со всей системы. По дорогам, ведущим к горам, где высились многочисленные святилища, брели вереницы аркофлагеллянтов, избивавших себя до крови... и это была первая кровь, впитанная ныне проклятой землей Тирайн. Со временем с ней смешались и жизненные соки замученных и истерзанных жертв.

И за все это время Император ни разу не откликнулся на наши мольбы.

В первые дни, когда похотливые щупальца варпа наконец дотянулись до нашей планеты и затащили ее в Вихрь, закрутив что твою юлу, набожные имперские граждане Тирайн впали в отчаяние. Когда вскипели небеса, а горы затряслись в агонизирующем танце, наши молитвы и просьбы к Императору сменились криками и воплями, полными обвинений и ненависти: наш бог оставил нас. И вот во всем этом ужасе, созданном доходящей до безумия паникой, неизвестностью и страданиями, зазвучали первые, пока еще тихие голоса, обращенные к иным силам; люди готовы были присягнуть любому, кто пообещал бы защиту от варп-шторма.

И на сей раз действительно нашелся тот, кто ответил на наш призыв.

Объятый сиянием славы богоравный воин спустился с кипящих, изуродованных варпом небес, и свет его объял всю планету, подобно серебряному гласу самого Императора. Семь дней держал воитель свой крейсер на низкой орбите, и корабль светился, точно звезда на нашем больном, лишенном надежды небе. И когда взоры всех жителей Тирайн обратились к этой звезде, как к маяку новой надежды, а в храмах зазвучали импровизированные молитвы, обращенные к единственному источнику света и стабильности в этом темном, утопающем в варпе мире, тогда воин увел «Истинное слово» с орбиты... И когда этот огонек в небе Тирайн угас, обреченный мир вновь утратил надежду.

Еще семь дней воин наблюдал, как рушатся шпили огромных соборов. Рассказывают, что он улыбался, взирая на то, как мы обезглавливаем памятники Императору и украшаем печатями богов, прислушивающихся к нашим молитвам. Повсюду на планете возникали всевозможные культы, чьи сторонники тут же принялись перестраивать некогда величественные храмы. Их усилиями вновь взмыли к небу высокие шпили; проломы и трещины в стенах были заделаны человеческими черепами. Миллионы душ взывали о спасителе — любом, который указал бы им путь.

И вот когда он узрел, что планета всецело охвачена страхом, отчаянием и цепляется за каждую соломинку в тщетных потугах спастись, Хранитель Веры вернулся на орбиту, подарив обездоленным тирайцам яркую и безупречно чистую звезду надежды. Его космические десантники дождем пролились на землю в своих штурмовых капсулах, пылавших в атмосфере подобно метеоритам и рассеивавших сгущавшуюся тьму божьим знамением: он принес с собой мечты о новой жизни и порядке преданным, отчаявшимся, запутавшимся и сбившимся с истинного пути. И мы приветствовали его появление так же, как приветствовали бы самого Императора, соизволь он когда-нибудь спуститься к нам.

Хранитель Веры ходил среди нас, словно бог, провозглашая подлинную волю Императора, указывая нам новое направление и даруя смысл нашим молитвам.

Тирайн осталась миром-святилищем; ее благочестивые и самоотверженные жители вложили свой труд в восстановление потрясающих воображение памятников и соборов, некогда посвященных культу Императора Человечества. Отныне они сияют гротескной роскошью, украшенной символикой Великого Предательства — по изуродованным образам фальшивого Золотого Трона струится кровь. На алтарях и в прочих святых местах символику Империи сменили грубые изображения иных сил, ведущих нас по пути истинного Императора.

Здесь сам воздух загустел от возбуждающего тлена, и люди ведут себя, будто пьяные, а культы Слаанеш совратили многих и многих, и тирайнцы предаются извращенным наслаждениям, находя их даже в страданиях. Боль, мучения и даже смерть очень скоро стали для этих людей синонимами искусства. пытки и истязания заменили собой молитвы и самопожертвование. И вместо того, чтобы выступить против этих еретиков, Великий Апостол принял их как родных: теперь голос Императора призывает нас купаться в крови невинных жертв.

Великий Апостол спас нас от отчаяния, и теперь наши стоны извращенного наслаждения звенят в глубине Вихря, маня, подобно маяку, других искателей удовольствий, мечтающих присоединиться к безумной оргии, охватившей наш мир.

Будь осторожен, дорогой читатель, ибо на Тирайн не осталось места ни для святости, ни для разума. Я даже не надеюсь, что ты придешь нам на помощь, зато смею рассчитывать, что мое предупреждение удержит тебя от появления в атмосфере нашей планеты. Держись подальше.

Не было ничего, кроме крови. Она струилась подобно рекам, словно сами боги зарыдали алыми слезами. Губы Эла шевелились, будто пытаюсь выдать ее потаенные мысли, но все же с них не срывалось ни звука. В этих безмолвных словах смущенного сознания переплелись воедино тяжесть неприятия увиденного и детское изумление. В обворожительных сапфировых глазах, устремившихся в какую-то невидимую даль, засверкали хрустальные слезы.

Придворные некогда великого дома Ривалин со смешанными чувствами взирали на юную провидицу.

— Эта вырожденка ничего не знает о крови, — прошипела Мэвех Потаенной Радости, провидица дома Юфран. Сама не более чем ученица, прошедшая ритуал Туирианн каких-то двенадцать лет назад, она все же была более чем втрое старше малышки Эла. Молодое личико Мэвех скривилось в свирепой гримасе, натянувшей сложную паутину покрывавших его шрамов. Однако в глубине ее глаз лихорадочным блеском сверкала усмешка. — Она не знает того, на что смотрит, а потому ничего и не видит.

Остальные придворные зашептались. Одни соглашались с Мэвех, другие же пребывали в смятении: они не раз слышали предсказания Эла и понимали, что к ним следует относиться со всей серьезностью. Она вовсе не была простым ребенком, видящим во сне кошмары или грезящим наяву. Отношения двух юных провидиц отличались напряженностью и даже враждебностью, хотя никто толком не понимал причин этого.

— Так что вы все-таки видите, юная Эла из дома Ашбель? — Глубокий голос Уиснеха Анионского, расположившегося в стоящем посреди разгромленного тронного зала кресле, звучал спокойно. Но, хотя интонации и были нарочито мягкими и почти убаюкивающими, в них проскальзывали усталость и скептицизм. Лорд был одним из старейших среди присутствующих эльдар и участвовал в собраниях со времен, предшествовавших Войне Великих Домов. Он одним из первых среди высших эльдар Кэлора разглядел пошлую душу Идена Тэрту и представителей его воинского дома, когда тех еще только удостоили почетного места в этом священном собрании. Он стал свидетелем того, как утонченную, великую культуру династии Ривалин разжижали и оскверняли безмозглые выходцы примитивных домов, прибывших из-за Предела Стикслин. Тянулись века перемен, и Анион научился с сомнением относиться ко всему новому и молодому, но даже он видел необычную силу, скрытую в сознании находившегося перед ним ребенка.

Маленькая Эла, стоявшая в самом центре Круга Совета и окруженная со всех сторон сидящими в полуманьях фамильных креслах представителями знати Кэлора, только покачала головой. Губы ее слегка скривились, словно от неожиданного приступа головной боли.

— Вы вовсе не желаете услышать о моих видениях. Вам хочется, чтобы я молчала.

— Быть может, маленькая морна, ты опасешься того, что кто-то из этого собрания желает тебе зла? Ты это ощутила? — Сам провидец подался вперед на своем троне, опираясь на узловатый, кривой посох. Он повернул к юной протеежке скрытое под капюшоном лицо и ободряюще улыбнулся, словно обещая защиту.

— Она напугана, Эгеарн Ривалинский, и вряд ли хотя бы осознает, что все мы здесь желаем лишь помочь ей обрести душевный покой и мечтаем о безмятежном будущем, где не будет места подобному безумию, — прошепела Мэвех, и провидцу показалось, будто сейчас он увидит, как меж ее зубов скользнет тонкий, раздвоенный язык.

Эла вновь обвела собравшихся взглядом, и по коже ее, словно от ледяного сквозняка, побежали мурашки. Она не позволила себе остановиться и всматривалась поочередно в глаза каждому, кто присутствовал на собрании: Мэвех, Уиснеху, Брикрю Слоэнскому, Келиддону Озианскому и самому Эгеарну — покровительствующему ей карадоку. На какое-то мгновение ей показалось, будто они сжимают свой строй вокруг нее, образуя кольцо силы и беря ее в плен. Они словно пытались проникнуть в самые потаенные ее мысли, издеваясь и смеясь над ее словами.

Девочка моргнула и огляделась снова — все эльдары занимали положенные им места, а на их непривычно грязных лицах замерло вопросительное выражение: они не могли постичь причин столь странного поведения юной провидицы.

— Я вижу реки крови, обрушивающейся водопадами со стен великих храмов. Вижу и памятники Великому Врагу, возносящиеся к затянутым багровыми тучами небесам. Колдун мон'ки зовет на помощь демонические орды, при взгляде на которые моя душа исполняется страха. Я вижу... — голос девочки стал едва слышен, словно она пыталась подобрать слова для обозначения чего-то жуткого, наименования которому не знала, — вижу конец дней. Это Падение.

— Оглядысь! — взорвалась Мэвех, вскочила с поломанного кресла и драматично всплеснула руками. — Это ли не конец дней? Двор Ривалин лежит в руинах, сотни эльдар Кэлора валяются в лужах собственной крови под горами обломков, пронзенные мечами своих же сородичей, став жертвами лживых клятв. И это... это дитя... как может она говорить о будущем, если не способна распознать в нем эхо настоящего; она слишком юна, чтобы понять разницу. В ее речах мы слышим только страх, не мудрость. Нет смысла тратить время и скудные ресурсы на проверку детских сказочек. Есть куда более насущные дела.

Закончив свое выступление, юфранская провидица прожгла Эла пламенеющим взглядом, словно девочка стояла сейчас перед судом. Глаза Мэвех мерцали потаенным огнем скрываемых эмоций, но оставались окнами души... и Эла чуть отступила назад, когда всмотрелась в их глубины. Она отодвинулась, стараясь увеличить расстояние между собой и соперницей, и натолкнулась спиной на кого-то, вставшего позади.

— Успокойся, моя маленькая морна, дитя мое. Давай уйдем уже отсюда — нам незачем смотреть на то, что будет дальше.

Эла оглянулась через плечо и увидела Эгеарна. Он стоял, согнувшись, и капюшон почти полностью скрывал черты его лица даже на столь близком расстоянии. Одной рукой он все так же устало опирался на узловатый посох, вторую же ласково положил на плечо Эла. Девочке на мгновение показалось, будто в тени плаща сверкнули отполированные зубы провидца, а по нижней губе старика скатилась струйка густой крови. Вырываясь, Эла инстинктивно отдернула руку.

В просторных помещениях величественной базилики Экстаза Тирайн звучали тысячи голосов, сливающихся в общий восторженный гул. Мерный, отражающийся эхом от стен речитатив звенел среди массивных колонн и изваяний, заставляя огромное здание содрогаться, словно живое.

Базилика эта являла собой подлинное сокровище Тирайн; она вздымалась к небесам на вершине Тиринитобии — самой высокой из гор, расположенных в обитаемых землях. Возвели храм в соответствии с величественными стандартами высокой готической архитектуры: длинные, разделенные на три прохода оси тянулись вдоль сводчатого нефа от основных ворот к алтарю, покоящемуся у стены великолепной апсиды. Внутри хватало места, чтобы разместить тридцать тысяч верующих, и храм всегда был полон: и от рассвета до заката, и от заката до рассвета. Непрестанный поток прихожан вливался в главные врата, вытесняя ранее пришедших через боковые. К алтарю сходились пересекающиеся трансепты, и в точке их схождения вспучивался пузырь высокого, потрясающего воображение свода. Выполненный из окрашенного в алый цвет стекла Кровавый Купол придавал рубиновый оттенок и залу, и алтарю... как поговаривали, именно такого цвета и была кровь самого Императора. Если же подняться над храмом, то можно было увидеть, как к величественному строению стекаются миллионные армии пилигримов, чьи челноки приземлялись на многочисленных космодромах в ближайших долинах. Трансепты храма вместо того, чтобы под привычными углами сходиться к главной оси, образовывали два могучих крыла, придавая базилике, если смотреть сверху, схожесть с имперской аквилой.

— Из пожарищ предательства, через кровопролитие отмщения несем мы слова правды вашим позабытым и отверженным сердцам. — Глубокий, раскатистый голос оратора гремел под сводами, отражаясь от массивных каменных колонн и проносясь над десятками тысяч голов, обращенных к проповеднику. — Ибо я — Хранитель Веры, первый сын великого иконоборца — носителя подлинного слова и возлюбленного чада богов.

Продолжая говорить, закованный в темные доспехи великан обрушил тяжелые кулаки на края купели, и собравшуюся паству осыпало каменными осколками. На поясе проповедника все так же безмятежно покоился меч с резной рукоятью. Люди взирали на гиганта с благоговением и восторженным смущением, впитывая каждое его слово, подобно изнывающим от жажды, истощенным переходом через пустыню путникам, дорвавшимся до воды. Тысячи лет ждали они прихода Императора, и когда уже казалось, что надежды их были самым подлым образом обмануты, с небес в потоках пламени спустился сей величественный воитель. Он поведал, что их обряды прекрасны и чисты, но обращены совсем не к тому, к кому следует: они поклонялись фальшивому Императору, плевавшему на все молитвы, призывавшему их к служению и подчинению, но не дававшему ничего взамен. Лживый идол не мог устоять против спустившегося на землю голоса истины — голоса иконоборчества и подлинных знаний... Хранителя Веры.

Когда паства в первый раз собралась в базилике, таинственный божественный воин взбежал к алтарю, сжимая в руках гигантскую аквилу — задача непосильная и для двух десятков мужчин с Тирайн. Разразившись демонстративным ревом, он перевернул герб вверх ногами и вонзил в плиту оскверненного и разбитого алтаря, ставшего символом отрицания всего того, что олицетворял прежде; именно тогда и зажглись огни революции, охватившей всю Тирайн.

— Я не прошу от вас ничего, что вы уже не отдавали бы прежде: лишь вашу веру и самозабвенное усердие. Да, знаю, вы отреклись от них, и тяжкое бремя ложится на мои плечи. Но вам не стоит переживать, ведь эти качества издавна являются частичкой ваших душ.

— Я, — продолжал воин, — прошу лишь о том, чтобы ваше усердие было обращено к подобающей цели и во имя правды. Направьте молитвы и дела свои к тем, кто слышит вас... к тем, кто прислушивается к вам.

— Вы рыдали, — продолжалась проповедь, — когда мир рухнул, но кто пришел на помощь? Кто вновь зажег свет на небосклоне и вернул чаяния сердцам? Кто вернул Тирайн жизнь, кровь и ярость? Император?

Тридцать тысяч глоток взорвались гневным, полным возмущения ревом. Толпа была взведена уже почти до неистовства.

— Нет! — прогремел голос проповедника, прокатившийся по залу и проходам так, словно говорил сам бог. — Это был я!

Тяжелый кулак великана разбил одну из каменных чаш для омовений.

— Я вернул жизнь вашему миру, принеся сюда голос истины, голос Богов Хаоса!

Над столпившейся паствой вновь прокатился рев, но на сей раз это был вопль экстаза — жители Тирайн открыли свои души Хранителю Веры.

— Все ваши молитвы должны быть обращены к ним — к богам, от чьей воли и милости зависят наши судьбы, к богам, что вознаграждают нас за труды своими великими дарами! Обратим же слова к тем, кто слушает, кто устремит к нам свои взоры и возвысит нас через страдания, дабы мы окрасили Галактику в красный цвет и утолили голод богов!

Кэлорские Пауки Варпа перемещались, оставаясь недвижимыми, проникая в реальность и вновь пропадая, точно крошечные хрустальные создания, населявшие «паутину», и от которых воины наследовали свое имя. Мощные и компактные прыжковые генераторы на их спинах позволяли создавать недолговечные отверстия в ткани материального пространства и проходить сквозь варп, возникая и исчезая подобно игле, прошивающей ниткой немислимо черную ткань.

Когда отряд Пауков, облаченных в выкрашенные в гранатовые и золотые тона доспехи, возник на границе разрушенного сектора, прилегавшего к двору провидца, Адсулата вскинула руку, приказав всем остановиться, а затем отвела отряд в укрытие. Ей уже доводилось бывать в этих местах и прежде, и она знала, каких опасностей следует ожидать. Какой бы урон ни был нанесен двору Войнами Пророчеств, но охранялся он все равно отменно. На службе у верховного прорицателя во множестве состояли и провидцы, и заклинатели, да и сам он был достаточно силен, чтобы заранее почувствовать приближение отряда неуклюжих Пауков Варпа: способность пронзать реальность мало на что годилась, когда и охрана, и защитные системы прекрасно видели и в имматериуме.

Храм Пауков Варпа, скрытый в лесистых землях Периметра Стикслин, тоже серьезно пострадал во время недавних войн. Нынешнее его расположение держалось в тайне от посторонних, и многие из тех, кто оставался безоговорочно предан ривалинскому провидцу, полагали Пауков врагами всего искусственного мира. Тот же Уиснех Анионский, не задумываясь, прикончил бы любого из них, едва увидев, поскольку его войска понесли тяжелые потери от Пауков в сражении против великого экзарха, когда тот двинул свои армии против Совета. «К счастью, — подумала Адсулата, — мало у кого из уцелевших сторонников верховного провидца хватит отваги сражаться».

Даже издалека она могла видеть, какой ущерб нанесен этим территориям. Некогда изящные и прекрасные конструкции растрескались и лишились своей безупречности. То там, то здесь пробивались языки не до конца потушенного пламени; на обочинах улиц догорали реактивные мотоциклы и «Соколы». Скорее всего, трудолюбивому и ответственному великому провидцу не понадобилось бы много времени, чтобы все здесь привести в порядок — в конце концов, Войны Великих Домов завершились не так уж давно, а двор успели отстроить. Впрочем, Адсулата не была уверена, что Эгеарн Ривалинский увидит окончание работ. Его, похоже, куда более волновали совсем другие дела.

Будущее Кэлора находилось теперь в руках малышки Эла — вот это Адсулата знала точно.

Изучив обстановку, арахнир — командир отряда Пауков — отметила легкое мерцание варпа, озаряющее своды здания, возведенного из кости духа. Какую бы эстетическую и практическую пользу ни приносил этот материал, извлеченный из самого варпа и обладающий уникальными свойствами, но Адсулата знала — архитектура Кэлора стала главным слабым местом искусственного мира, стоило ему приблизиться к грозным пределам Вихря. Арахнир понимала: раз проявления энергий Хаоса стали заметны, мир идет по самой грани, и щупальца варпа уже протянулись к Кэлору в надежде схватить его и одержать очередную победу над детьми Иши... и кости духа только способствовали этому.

Потрескивание в небе тоже не сулило ничего хорошего.

Башня провидца высилась подобно игле света над темными, охваченными пожарами руинами. На протяжении всей войны она оставалась наиболее защищенным зданием, и бушевавшие вокруг беспощадные баталии почти не затронули ее. До Адсулаты доходили слухи, что под фундаментом этого здания скрыт лабиринт, где прячутся сторонники культа наслаждений — секты, очень схожей с теми, что во множестве возникали среди эльдар незадолго до Падения, когда Сынам Азуриана пришлось бежать, спасаясь от лап Великого Врага, Слаанеш, и поселиться на разлетевшихся по всей Галактике огромных искусственных мирах. В древних поэмах говорилось о том, какой упадок постиг эльдар с приходом Слаанеш, и том, как она, словно назойливое дитя, преследовала их народ с тех самых пор.

В искусственных мирах был принят аскетический и подчиненный дисциплине образ жизни, чтобы не позволить пальцам Слаанеш дотянуться до душ изгоев. И подобные гедонистические собрания наверняка казались Великому Врагу не иначе чем ярко сияющим маяком, манящим его к Кэлору... или же притягивающим Кэлор к нему. Возможно, и сам великий провидец не подозревал, сколь чудовищное зло творится; не столь уж и глупо бывает прятаться прямо под носом своего недруга.

Тем временем же искусственный мир все ближе и ближе подходил к Вихрю, где кипели энергии варпа. Лишь юной провидице Эла'Ашбель дано было узреть мимолетные образы тех ужасов, что поджидали детей Иши в глубинах этой бури. Девочка рассказывала о планете Тирайн, где рожденный мон'ки колдун-демон притягивал к себе Кэлор, чтобы принести искусственный мир в жертву в знак преклонения перед Великим Врагом. Кроме того, недавно был замечен вошедший в Вихрь космический крейсер людей. И все же ни великий провидец, ни его Совет не предпринимали никаких действий. А значит, роль защитников духа Кэлора в очередной раз выпадала на долю Пауков Варпа. Раз Совет не прислушался к голосу Ашбель, это сделает Адсулата.

Арахнир оглянулась, проверяя, готовы ли ее воины, а затем кивнула, подав краткий, но очевидный знак, и в мгновение ока исчезла. Один за другим Пауки Варпа испарились, следуя за своей повелительницей к башне великого провидца, где, как им было известно, удерживали юную Эла.

Зрелище, представшее глазам Калидиана и Темных Ангелов, когда они спустились по сходням «Громого ястреба», наполнило их души отвращением. Боевой челнок приземлился на некогда, должно быть, оживленной площади посреди белокаменного города, изящно расположившегося на самом краю тирайнской долины. С одной стороны вздымались к небу вершины высоких, острых скал, а с другой — живописные луга сбегали к широкой, извилистой реке. Скорее всего, в былые времена этот город обладал значительным влиянием.

В центре площади, перед самым носом челнока, стоял фонтан: статуя, окруженная кольцом воды. Уже с трапа было видно, что изваяние некогда изображало Императора. Конечно, его нельзя было назвать ни прекрасным, ни хотя бы достоверным, но его суть, как и замысел неумелого скульптора, сомнений не вызывала. С тех пор статую переделали. Ее раскрасили в яркие цвета и покрыли странными письменами; неведомые символы были выцарапаны на постаменте и

высечены тупыми ножами на поверхности самого изваяния. В грудь его был вбит длинный, обоюдоострый меч, повредивший механизм фонтана, из-за чего вода струилась по клинку, словно кровь, сочащаяся из раны. На голове статуи было смонтировано нечто вроде громкоговорителя, издававшего омерзительные звуки, — на всю площадь разносились крики бьющихся в экстазе людей.

Присмотревшись внимательнее, Калидиан понял, что фонтан на самом деле наполнен кровью... и кровью же вымазаны все камни вокруг. Она текла по улицам, ее бурные потоки, собирая ручейки, сочившиеся из окон горных храмов, сбегали по склонам к алеющей реке.

Не произнося ни слова, капеллан Лексий выпрыгнул из «Громового ястреба», вскинул болтер и расстрелял фонтан, разметав по сторонам окровавленные осколки и заставив умолкнуть мерзкие вопли.

— Не потерплю скверны, — пробормотал капеллан, словно объясняя свой поступок. Остальные Темные Ангелы оставили его слова без ответа, скользя взглядами по пестро разукрашенной площади и отмечая каждую деталь.

В некоторых улочках возникло какое-то шевеление, и космические десантники подняли болтеры, готовясь к сражению.

— Ждать, — отрывисто приказал Калидиан.

Десантники наблюдали за тем, как на площадь из домов и прилегающих улиц небольшими горстками осторожно выходят люди. Все они были облачены в какие-то пропитавшиеся кровью обноски и украшены ритуальными шрамами, а глаза их сияли темным, сомнамбулическим блеском. Движения горожан были замедленными, словно все они находились под воздействием какого-то дурмана, и, казалось, никого из этих людей не смущает наличие двухметровых, закованных в энергетическую броню воинов, стоящих с болтерами наизготовку.

К первым вышедшим на площадь присоединялись все новые и новые группы, сливаясь в толпу. Казалось, они стекаются со всего города. Все они пошатывались, словно пьяные: взгляды их были мутными, а зрачки глаз — расширенными. Калидиан сразу понял, что это вовсе не следствие пережитого ужаса или болевого шока. Атмосфера над площадью сгущалась, грозя обернуться всеобщей истерией, горожане взирали на Астартес с голодным предвкушением. Все они направились сюда, едва завидев огни «Громового ястреба». Спустя еще несколько секунд на площади было уже не протолкнуться; Темные Ангелы оказались окружены со всех сторон.

— Вы принесли Голос Императора? — Вопрос этот прозвучал почти как какое-то ритуальное песнопение и произнесен был одновременно десятками голосов, словно эти люди долго репетировали. Музыкальности в их словах не было никакой, но горожане определенно радовались этой спонтанной гармонии друг с другом.

— Мы принесли воздаяние и суд! — прорычал Лексий, готовясь уже нажать на спусковой крючок, но тут перед ним встал Калидиан.

— Вы Хранители Истинной Веры?

Калидиан несколько секунд разглядывал толпу, оценивая царящее в ней настроение и движения людей.

— Да, — наконец ответил он. Магистр заметил среди толпы человека, стоявшего чуть впереди остальных. Лицо мужчины было иссечено нанесенными самому себе шрамами, а на груди его был вырезан кровавый герб Слаанеш. — Вы видели уже таких, как мы?

— Голос Императора ходил среди нас, — ответил человек, и глаза его расширились в смешении страха, благоговения и экстатического восторга.

— И этот «Голос» рассказал вам, как правильно молиться и жить? — спросил Калидиан.

— Да, Владыки Слова. Мы удостоились лицезреть самого Хранителя Веры. Он навсегда останется с нами.

— Он выглядит так же, как мы?

— Да, Владыки Слова.

— Вы отведете нас к нему. — Калидиан отвернулся от окровавленного тирайнца и встретился с полным яда взглядом Лексия. Капеллан горел нетерпением уничтожить, убрать с глаз Императора долой весь этот отвратительный сброд. — Потерпи, Лексий, праведное очищение может подождать. Нам представился шанс отомстить. Быть может, мы наконец-то нашли его?

Глаза мастера-оратора пылали демоническим огнем, когда он взирал, как экстаз охватывает сердца измученных, отчаявшихся тирайнцев. Базилика гремела и тряслась от иступленных воплей восторженных новообращенных. Он видел эту сцену уже не раз в бесчисленном множестве миров, она повторялась изо дня в день с тех самых пор, как он высадился здесь, на планете, истерзанной ужасом и скорбью. Души этих людей взывали к нему, подобно пылающему маяку ведя его из глубин Вихря. Миллионы душ, созревших для жатвы, — какой роскошный дар богам!

Но деятельность, развернутая им на Тирайн, преследовала и куда более утонченную цель. Не какое-то там простое приношение крови в угоду Кхорну, ибо магистр веры не подчинялся ни одному из богов. Он слышал нашептывания о куда более ценной добыче — о ней вещал ему голос самой искушенной из соблазнительниц. Древний и некогда процветающий искусственный мир эльдар подошел удивительно близко к границам Вихря. Если превратить Тирайн в планету-святилище Слаанеш, богиня наделит его силами заманить ксеносов в шторм и пришлет легионы своих демонеток, чтобы захватить искусственный мир, и без того уже постепенно переходящий в ее руки. В благодарность за души многих тысяч эльдар, которых может оказаться достаточно, чтобы позволить Слаанеш покинуть варп и проникнуть в пространство материальной вселенной, магистра веры ожидали милость и дары богини.

Искушение было слишком сильным даже для такого, как он.

Некогда верный Императору десантник поднял взгляд к прекрасному, окрашенному кровью стеклянному куполу и, кажется, увидел за его сводом мерцание новой звезды: искусственный мир эльдар был уже недалеко.

— Да славятся вовеки те боги, что вознаграждают нас за труды своими великими дарами! — закричал Хранитель Веры, прислушиваясь к тому, как его паства заходится в восторге и в унисон вторит его словам. — Обратим же слова свои к тем, кто слушает, кто устремит к нам свои взоры и возвысит нас через страдания, — продолжал он, и на лице его играла улыбка: эти души уже попали под его власть: — дабы мы окрасили Галактику в красный цвет и утолили голод богов!

На самом верху башни великого провидца заточенная в круглой комнате в центре сияющего здания, но вдали от света, суеты и искушений искусственного мира, сидела, погружившись в молчание, Эла'Ашбель. Подобрав под себя ноги и закрыв глаза, хотя вокруг и так была лишь темнота, она безмолвно читала мантру, обращая взор своего разума внутрь себя и пытаясь проникнуть в безвременье имматериума.

Она не могла понять, почему так изменилось отношение к ней великого провидца. Некогда заботливый, он вдруг стал враждебным и властным. Раньше он говорил, что верит в ее силы и

способности, а потом помешал ей обратиться к Кругу Совета, заявив, что ребенок не может столь непочтительно разговаривать со старейшинами.

Она ничуть не сомневалась, что все увиденное ею было правдой, и брызги варп-шторма, проскакивавшие трескучими искрами по стенам из кости духа, каждой своей вспышкой только подтверждали ее подозрения. Весь огромный искусственный мир проваливался в Вихрь, притянутый заклинаниями колдуна мон'ки, заключившего сделку с самим Великим Врагом: Слаанеш звала своих создателей домой. Одного не могла понять Эла: почему Эгеарн всего этого не замечает — он же великий провидец!

В далеком, обросшем легендами прошлом, могущественные псайкеры хоамелингов — эльдар, живших до Падения на родной планете, — не сумели распознать колдовские чары Великого Врага. Они слишком увлеклись проблемами постигшего их упадка и остались слепы к зарождавшемуся в имматериуме вихрю демонической похоти.

Перед внутренним взором Эла возник Эгеарн, протягивающий к ней руку среди догорающих руин древнего зала. Что-то в этой сцене было не так, но тогда она просто не обратила внимания, а теперь не могла дать этому точного названия. Или вот когда он выводил ее из Круга Совета. Что-то странное в изгибе сморщенных старческих губ и темном блеске зубов. Она припомнила прикосновение его холодной руки и внутренне поежилась.

По краю ее комнаты одна за другой зажглись и угасли вспышки света, заставив девочку распахнуть глаза, но при этом она не переменяла позы, в которой медитировала. Она сразу поняла, что происходит.

— Адсулата, — произнесла Эла, вновь закрыв глаза, словно ее это нисколько не заботило. — Давно не виделись.

Ей не были нужны глаза, чтобы знать, как сейчас ведут себя давние знакомые. Порой она даже задавалась вопросом, а нужны ли ей вообще эти глаза. Кто еще, кроме Пауков Варпа, мог так легко пройти мимо охраны башни и подобно новым звездам вспыхнуть посреди ее потайной комнаты для медитаций?

Ей не ответили, но внутренним взором Эла видела, как арахнир и отряд подчиняющихся ей Пауков Варпа склоняются в глубоком поклоне древнего церемониального приветствия, которого обычно не удостоивался никто, кроме самого великого провидца.

— Великая провидица Ашбель, — спустя некоторое время произнесла Адсулата, — мы прибыли освободить вас из заточения.

— Вы заблуждаетесь, арахнир Адсулата. Я вовсе не великая провидица, а это — не тюрьма.

— Как скажете, великая провидица, — вновь склонилась командир Пауков, и голос ее явно свидетельствовал, что она вовсе не собирается соглашаться ни с одним, ни со вторым утверждением. — Тем не менее мы прибыли освободить вас. Кэлор в опасности. Вы видели корабль мон'ки, вошедший в Вихрь?

— Да, Паук Варпа, видела. Как и многое другое... связанное с кровопролитием. Будущее обещает многие опасности и невзгоды, Адсулата.

— И все же совет Ривалин ничего не предпринимает?

— Я рассказала им все, что видела.

— А они в ответ заперли вас здесь?

— Чтобы защитить меня и помочь обрести душевный покой, — произнесла Эла, понимая, что эти слова не способны убедить даже ее саму.

— Не так много дней прошло с тех пор, как Пауки Варпа прикрывали вашу спину во времена Войн Пророчеств, Эла Ашбельская. И мы останемся с вами сейчас. Приказывайте, и ваша воля будет исполнена. Скажите, великая провидица, что вам явилось?

— Я не ваша великая провидица, арахнир Адсулата. — Эла смущало и раздражало упорство, с которым предводительница Пауков использовала столь высокий титул. — Но я видела кровавые водопады, обрушивающиеся со стен величественных храмов, и возносящийся к затынутому багровыми тучами небу дым жертвенных костров, посвященных Великому Врагу. Видела человеческого псайкера, сговорившегося с демоническими силами, внушающими ужас моему сердцу. Адсулата, мне явилось падение Кэлора... конец наших дней.

— Вы видели Тирайн, великая провидица? Планету мон'ки, угодившую в западню ужасного варпшторма? Если лживый Совет не собирается ничего делать, этим займутся Пауки — мы готовы сопроводить вас на Тирайн и сделать все возможное, чтобы ваши видения не воплотились в жизнь. Если на то будет ваша воля, мы исполним ее.

На несколько долгих мгновений Эла погрузилась в молчание. Она не открывала глаз, перебирая представшие перед ее внутренним взором варианты будущего, взвешивая последствия своего решения. Давно знакомая с Адсулатой, она знала ее как честного и самоотверженного воина аспекта великого экзарха Паучьего Храма, а кроме того, арахнир была предана Кэлору. Ее намерения были безупречны, а чутью всегда можно было доверять. С другой стороны, вызывал беспокойство Эгеарн — великий провидец и карадок самой Эла. Перед глазами девочки неожиданно вновь предстали воспоминания об усмешке старика и прикосновении его руки. Почему он ничего не замечал?

Впервые в своих мыслях Эла допустила еще одну возможность: вероятно, великий провидец прекрасно все понимал, но сознательно решил ничего не предпринимать. От этого предположения бросало в дрожь. Неужели Совет и в самом деле пал столь низко?

— Да, такова моя воля.

Круг Ривалин был разрушен, но не уничтожен. Вырезанные из кости духа троны, расставленные по краю широкого кольца и пережившие тысячелетия, стояли растрескавшимися и разбитыми, но далеко не пустовали; значительному числу придворных повезло выжить в безумии Войн Пророчеств. И все присутствующие видели, как их древние и славные земли — великий искусственный мир Кэлор — погружаются в пучину отчаяния. Мало кто из лордов воссоединился со своим домом и взял в руки оружие, чтобы участвовать в борьбе, но большинство предпочло укрыться за стенами Высокого Совета, считая себя выше бессмысленной жестокости своих обезумевших собратьев. Из всех драчунов один только престарелый и циничный Уиснех Анионский вернулся, чтобы вновь занять свой узорчатый, украшенный рунами трон. Дом его значительно пострадал и был разорен войной, но все же до последнего ее дня отважно сражался во имя великого провидца.

Ярость недавнего мятежа прошла мимо отдельных потайных, скрытых от посторонних глаз помещений огромного здания, и многие советники продолжали вести привычную им жизнь в привилегированных роскошных условиях. Одной из тех, кому так повезло, оказалась и провидица дома Юфран, Мэвех, которая взирала теперь на объятый пожарами Кэлор и все более убеждалась в том, что ее презрение к воинственным сородичам более чем оправдано.

— Поверить не могу, что старый кнавир вообще согласился пустить эту дочь слигра выступить перед советом, — Мэвех ослабилась, вставляя в свою речь древние, еретические словечки. Глаза

ее пылали словно у разъяренной змеи. Едва великий провидец потащил мелкое отродье в ее башню, как Мэвех вольготно развалилась в своем троне, и то, как она теперь держалась, могло бы заставить стороннего наблюдателя подумать, будто весь Совет подчиняется ей.

Остальные засмеялись, и в их голосах были хорошо различимы и радость, и нетерпение, и даже страх. У многих непочтительность молодой провидицы вызывала одновременно и восторг, и тревогу.

— Не следует употреблять такие слова в этом зале, Мэвех Юфранская. Не подобает члену Совета говорить столь дурно ни о великом провидце, ни о сделанном им выборе. Упомянутое дитя еще может сыграть свою роль в том, что нас ожидает. И хотя бы благоразумия ради, вам следует научиться сдерживаться. — Уиснех поднялся с трона. Он был единственным, кто вообще смел перечить юфранской ведьме, но даже и его одного обычно хватало, чтобы заставить все прочие голоса умолкнуть. — Кроме того, мон'ки и в самом деле объявились на границе этого сектора: судя по всему, речь идет о каком-то ударном крейсере... быть может, принадлежащем Адептус Астартес. Провидица Мэвех, видения Эла'Ашбель могут оказаться не столь уж и далекими от истины.

— Разумеется, не следует сбрасывать со счетов то, что мон'ки появились именно сейчас, — надменно улыбнулась Мэвех, даже не делая попыток подняться с трона в ответ на вызов Уиснеха. Она лишь перекинулась взглядами с молодым Келиддоном Озианским, чьи золотые глаза идеально гармонировали по цвету с роскошными, яркими одеяниями, которые были безупречно вычищены и наглажены, невзирая даже на беды, что обрушились на Кэлор. Лишь свежее пятнышко крови на подоле его экстравагантного плаща служило напоминанием о том, какие сейчас стоят времена.

— Согласен, — кивнул Келиддон, и под его ухмылкой, казалось, одновременно скрывались мириады различных эмоций.

Уиснех перевел взгляд с Мэвех на Келиддона и с нескрываемым раздражением покачал головой. Уже само по себе мало хорошего было в том, что этим юнцам вообще дозволили участвовать в Совете — они попали сюда только потому, что главы их домов преждевременно сгнули при непредвиденных и трагических обстоятельствах еще в самом начале Противостояния Пророчеств. В обычаи Совета Ривалин не входило даровать столь важные посты неоперившемуся молодняку, даже если речь шла о таких почтенных семьях, как Юфран и Озиан; могущество, влияние и образ жизни двора великого провидца легко могли навсегда изменить разум впечатлительной души. Вот и эта парочка очевидным образом наслаждалась предоставленными им привилегиями, забыв даже о том, какие сложные проблемы поставил перед ними этот день.

Уиснех устал от их нахальства и ничтожных, мелочных секретов. Они никогда и ничего не делали, только чесали языками, да хихикали. Когда войска великого провидца держали оборону из последних сил, и сам Уиснех во имя Эггарна отважно шел под вражеским огнем, Мэвех и Келиддон хлестали эдресианский эль и наслаждались постановкой «Рождения Великого Врага» в исполнении заезжей труппы Арлекинов.

— Итак, вы оба согласны с тем, что это нельзя оставлять без внимания. Вот только что вы предлагаете предпринять касательно мон'ки на практике? — прорычал Уиснех, позволяя своему обычному спокойному цинизму смениться неприкрытой враждебностью.

— Почему бы не спросить об этом крошку Эла'Ашбель, Уиснех? — шутливо ответила разгневанному старшему члену Совета Мэвех и зашлась смехом, найдя свое нахальство забавным.

Внешне беспечные слова юфранской провидицы таили в себе куда более сложный и оскорбительный смысл. Во-первых, она говорила снисходительным тоном, намекавшим, что

Уиснеха она уважает ничуть не более стареющего великого провидца, который, судя по предыдущему ее высказыванию, годился разве что на то, чтобы быть карадоком Эла'Ашбель. Это осознание подвело Уиснеха к вопросу: уж не пытается ли Мэвех указать, что сам великий провидец нуждается в подобной снисходительности? Нет ли в ее речах скрытой ереси?

С другой стороны, Мэвех могла пытаться показать, что его неприязнь ко всему юному старомодна и является не более чем анахронизмом. Она, судя по всему, намекала, что даже Эгearn Ривалин спокойно отнесся к выступлению перед Советом маленькой Эла.

Раз уж сам великий провидец соблаговолил раскрыть свою душу той отвратительной девчонке, то и Уиснеху, разумеется, следовало смириться с присутствием Мэвех и Келиддона. И подлинную политическую сложность составляло то, что, несмотря на их юный возраст и весьма незначительные заслуги, не эти двое, но Уиснех оказался в одиночестве в этом Совете. Великий провидец, судя по всему, питал излишние надежды на молодежь, и Уиснех неожиданно почувствовал себя незванным гостем на частной вечеринке. В голове его продолжала раскручиваться цепочка неприятных мыслей, порождая еще один непристойный вопрос: быть может, между Мэвех и Эгearnом было куда больше общего, чем могло показаться, и не объясняла ли такая связь то, где находился великий провидец в кульминационные дни Противостояния Пророчеств, когда Уиснех вместо него возглавлял армии Ривалин. Неужели Эгearn и в самом деле спутался с Мэвех и Арлекинами?

Сложности, могущие открыться, продолжай он задавать себе многочисленные вопросы, вели к еретическим заключениям, к которым Уиснех вовсе не желал приходить. Поэтому он просто успокоил себя тем, что проклял в душе чрезмерную утонченность путаницы эльдарской политики и полный загадок, хитрый ум юфранской провидицы. При всей своей примитивности, неуклюжести и глупости, мон'ки хотя бы обладали тем превосходством, что были неспособны вести насыщенные потаенными смыслами беседы и плести настолько сложные интриги против собственных сородичей. Уже не в первый раз за свою долгую и полную событий жизнь Уиснех захотелось поменять ее на быстротечное, простое и прямолинейное существование обычного мон'ки.

— Вы не первые, кто пал жертвой бесчинств фальшивого бога, — произнес оратор и наклонился над разрушенной его кулаками купелью внутри базилики Экстаза Тирайн, словно собирался поделиться каким-то секретом. Ощувив изменение в его голосе, прихожане зашикали друг на друга и погрузились в молчание. — Вы не одиноки, хотя и можете испытывать сейчас чувство разобщенности.

По главному нефу, точно первое дуновение ветра перед приближающейся бурей, прокатился тихий гул соглашающихся голосов.

— И я, как вы, некогда гнул спину, веря в лживые обещания этого самодовольного Императора Человечества. Было время, когда я, тогда еще воин Великого Крестового Похода, одержимый праведным гневом, разносил его «свет» по Галактике. Я падал пред ним на колени, открываясь всей своей душой его речам, склонял голову в ожидании прикосновения его золотой длани. Но, как и вы, ждал напрасно. Его лживые пальцы так никогда и не удостоили этой чести ни меня, ни моих собратьев, ни даже самых преданных его слуг. Вместо того чтобы воздать нам должное и даровать спасение, он насмеялся над нами и оскорбил, назвав все наши труды бесполезными и пустыми.

— И, — продолжал он, — даже тогда мы, подобно вам, не утратили своей веры. Мы погрузились в отчаяние, пытаюсь осмыслить, что же могло заставить наше божество поступить так с нами. «Ой-ой! Это, наверное, все мы виноваты! Мы, видно, плохо молились! Ведь не мог же Император вот

так просто взять и отвернуться от нас без всякой причины!» Мы неделями напролет молились, не зная усталости.

По базилике прокатился рокот приглушенных голосов: граждане Тирайн в повествовании проповедника узнавали собственные невзгоды и реакцию. Кое-кто даже закричал, соглашаясь, и их голоса прокатились волнами над шумящей подобно морю толпой.

— Но, — произнес проповедник, прежде чем выдержать драматическую паузу, чтобы власть тишины успела сковать его паству и чтобы каждое лицо напряглось в ожидании продолжения. — Но не на нас лежала печать вины, — прошептал он, наблюдая за тем, как напрягает слух паства, силящаяся разобрать его слова. — Мы не были виноваты! — взревел он, и голос его зазвенел эхом под сводами собора. — Оступился сам Император. Он никогда не слышал нас. Не заботился. Даже пальцем не пошевелил, чтобы помочь нам хотя бы в самом малом. Бросил нас на произвол судьбы!

— Но вы не одиноки!

Паства содрогнулась в экстазе.

— И вот мы стоим здесь, объединенные осознанием истины! Мы возносим свои молитвы к тем, кто слышит нас... к тем, кто достоин нашей крови и трудов.

Собравшиеся люди начали один за другим скандировать имя великого проповедника, одновременно ритмично стуча по полу каблуками; базилика затряслась от их рвения.

— Мы вознесем свои мольбы к тем, кто слушает, кто устремит к нам свои взоры и возвысит нас через страдания, — продолжил проповедник, обратив к неистовствующей толпе финал своей речи, и улыбнулся, услышав, как люди подхватывают его слова, — дабы мы окрасили Галактику в красный цвет и утолили голод богов!

Оставив разрушающееся и умирающее великолепие Круга Совета позади своей развевающейся вуали, Мэвех скользнула в узкие коридоры дворца великого провидца, и длинный подол ее одеяний прочертил в пыли долгий извилистый след. Несколько раз свернув из одного разрушенного прохода в другой, она нырнула в служебные туннели, спускаясь все глубже и глубже под древний комплекс.

Несколькими минутами позже она помедлила, остановившись посреди заваленного мусором помещения. Внимательно оглядевшись по сторонам и убедившись, что за ней никто не наблюдает, она коснулась затянутыми в мягкую бархатную перчатку пальцами губ изящной статуи, вырезанной из кости духа. Вокруг изваяния замерцал слабый зеленоватый ореол, затем что-то едва слышно щелкнуло, и скульптура отодвинулась в сторону, открыв потайной проход. Еще раз бросив взгляд в основной коридор, Мэвех быстро шагнула в темноту, и статуя плавно вернулась на прежнее место.

Узкий сумрачный коридор, по которому теперь шла провидица, принадлежал словно иному миру, или, во всяком случае, хранил память о совсем других, куда более радостных для Кэлора временах. Выполненные из мерцающей кости духа стены сияли мириадами огоньков и казались окнами, выходящими на бесконечно далекие звезды. Здесь царил идеальный порядок, эти помещения не были осквернены и разрушены безумием войны.

Оказавшись среди всего этого сияния, Мэвех на минутку остановилась и вздохнула. Ей показалось, будто она чувствует, как с нее осыпается вся грязь и мерзость, правившие бал снаружи. По ее телу разлилась приятная дрожь расслабления, и молодая провидица зашагала по прекрасному коридору.

Пройдя его еще только до середины, она уже начала слышать громкие голоса и веселую шумиху пирушки. Эхо разносило эти звуки по узкому проходу, а впереди свет в дверном проеме то и дело перекрывала чья-нибудь тень, выдававшая движения эльдар, устраивавших свои тайные сборища в расположенной за ним пещере.

Когда Мэвех вошла в просторное помещение, ее сразу захлестнули эмоции. Вдоль всего зала тянулся длинный, покрытый изящной резьбой стол кости духа, весь уставленный дорогими, роскошными яствами, пестрыми статуэтками и графинами с вином. Там был даже бочонок с эдресианским элем. За столом, развалившись в резных, напоминающих троны креслах, сидели более десятка эльдар, облаченных в яркие, пышные одеяния. Пирующие неторопливо наслаждались едой, весело смеясь и с головой уйдя в беседы и диспуты. Казалось, будто ожила фреска, изображавшая те славные времена, когда династия Ривалин пребывала на пике своего могущества. Несмотря на скромное число приглашенных, эти посиделки служили для Мэвех символом той жизни, которую вели эльдары до Падения.

Как только провидица перешагнула порог купающегося в тепле, свете и всепоглощающей атмосфере декаданса зала, собравшиеся повернулись к ней и вскинули бокалы в знак приветствия. Мэвех весело кивнула в ответ и перевела взгляд на массивные двойные двери, которые прямо в эту минуту начали открываться, позволяя вкатиться сцене с представлением.

На окрашенной в нефритовый цвет тележке к сложному древнему приспособлению было приковано обезьяноподобное животное. С него содрали большую часть одежды, обнажив бледную плоть перед любопытными, восторженными взглядами эльдар. Мэвех вспомнила, что уже видела и прежде этого мон'ки — она лично отловила его, когда тот пытался бежать из Вихря на примитивном космическом судне. Он передавал что-то вроде сигнала о помощи, который как раз и привлек ее внимание. К слову сказать, было весьма увлекательно разбираться в содержании этого сигнала — во всяком случае, это помогло хотя бы ненадолго отвлечься от скучных и противных обязанностей, навалившихся на нее в Кэлоре.

— А, — произнесла провидица, позволяя слететь со своих губ легкому вздоху, словно испытывала физическое наслаждение от происходящего, — чужак, именующий себя... как же там было? Ах, да: Слефий Пий Третий. Сколь восхитительно, что это создание все еще живо и способно нас позабавить.

— Есть куда более важные дела, нежели это существо, Мэвех Потаенной Радости. — Голос, казалось, исходил из ниоткуда, и все же волна холода, прокатившаяся по залу, заставила провидицу обернуться к прячущей под капюшоном лицо фигуре, сидящей во главе огромного стола.

— Следует заметить, не столь уж и потаенной.

В зале раздался хохот и насмешливые реплики, ведь каждый из присутствующих прекрасно знал, к каким «радостям» склонна Мэвех. Тем временем мрачная, кутающаяся в плащ фигура протянула свой узловатый посох и подцепила им кружку, полную эдресианского эля, словно была слишком слаба или пьяна, чтобы подняться из кресла.

Мэвех заинтересованно склонила голову и покосилась на этого согбенного старика. Его плащ и накидка были чернее самой черноты — окраска и качество ткани свидетельствовали о его влиятельности. Посох же и повадки вовсе выдавали его моментально.

— Эгеарн, — прошептала Мэвех, и ее тихая речь поплыла через зал. — Очень рада, что вы вновь почтили нас своим присутствием. Должна признаться, мне уже начинало казаться, будто вы предпочли наше общество этому противному упряму Уиснеху Анионскому. Мой милый великий

провидец, он ведь такой серьезный, и я уверена, он не одобрит существования нашего маленького домика удовольствий.

Великий провидец взглянул на нее поверх своей кружки и скривил в улыбке опоясанные кольцом пивной пены губы.

— Ты всегда была моей любимицей, Мэвех, но не стоит недооценивать Аниона. Он предан мне, и порой бывает весьма полезен; если бы не таланты и упорство нашего друга Уиснеха, разве могли бы мы поддерживать сей... сей уровень цивилизованности в море безудержного одичания, постигшего наши времена. Кто как не он сражался во главе моих армий! Без него ничего бы этого, — Эгеарн в театральном жесте взмахнул посохом и случайно опрокинул кружку, от чего искрящийся напиток залил и без того запачканный объедками стол, — ничего бы этого у нас не было.

Мэвех кивнула и опустилась в кресло, стоявшее на противоположной стороне стола, глядя прямо в глаза великому провидцу. Сидевший рядом эльдар поспешил наполнить ей бокал и передвинуть блюда так, чтобы рядом оказались излюбленные ее кушанья. Скользнув взглядом по лицу услужливого соседа, Мэвех с удовлетворением отметила, что тот является никем иным, как Брикрю Слоэнским. «Как же это все-таки замечательно, — подумала она, — когда один из членов Круга Совета лично наливает тебе вхин». Такое было возможно лишь здесь, в ее потаенном мире наслаждений. И такова была власть тех идей, на которых она построила свой ковен, что даже столь знатные эльдары готовы были поступиться своим статусом, только бы получить приглашение. Предложенный ею образ жизни задевал какую-то очень важную струну в душе любого ее сородича, хотел тот признавать это или нет.

Еще пару лет назад этот зал казался не более чем пустыми, навязчивыми мечтаниями и самой Мэвех, и еще несколькими помогавшим ей провидицам дома Юфран. Теперь же ей подчинялась целая тайная организация, состоящая исключительно из избранных и спрятанная, подобно сияющей жемчужине, в глубинах океана уродства и примитивной агрессии.

— Вы как всегда правы, — улыбнулась провидица. Если говорить начистоту, то ее мало интересовала вся эта политика Круга Совета. Она вообще появлялась на его скучных, лишенных всякого веселья заседаниях только потому, что это давало ей статус, позволявший открывать многие и многие двери в Кэлоре... в том числе и те потаенные, что вели в этот зал. Со дня, когда началось Противостояние Пророчеств, дела в остальном искусственном мире шли все хуже, а чересчур старательный Уиснех обретал все большую власть в ослабевающем Совете. Но, в конечном счете, Мэвех не заботило, чем именно занят Уиснех, пока тот не мешал ей наслаждаться всеми благами и возможностями роскошной эльдарской жизни. И все же, время от времени она не могла удержаться от того, чтобы не поддеть и не подразнить главу дома Анион — ведь он всегда так восхитительно смешно злился.

— Во всяком случае, старый вояка пока не удосужился по достоинству оценить... особые качества нашей маленькой Эла, — произнесла Мэвех, гоня по хрустальной тарелке кусочек изысканного деликатеса. — По всей видимости, он полагает эту мелкую гадину слишком юной и прелестной.

— Мэвех, он умудренный опытом старый дурак. К тому же никто из нас не способен заглянуть в будущее, которое видит девчонка. Оно сокрыто даже от меня.

— Так, может быть, Эгеарн, пришло время привести ее сюда? — Эта затея настолько возбуждала, что на лице Мэвех возникло выражение, близкое к плотскому экстазу. Она чувствовала себя так, словно осмелилась озвучить нечто запретное. — Быть может, она окажется... восприимчивой?

— Ты зря полагаешь, что я сам об этом не задумывался. Вот только явленные ей видения указывают, что ее заботят вещи, никак не связанные с нашим развеселым сборищем. Ее... не

интересуют истины, касающиеся этой стороны эльдарской души. Закрывая глаза, она видит одну только кровь; не важно, медитирует ли она, или ложится спать, но перед ее внутренним взором всегда струятся потоки крови.

— Так и мы здесь крови не чураемся, — заигрывающим тоном произнесла Мэвех, сверкнув глазами в сторону скованного мон'ки, испытывавшего сейчас в руках сладострастных эльдар все радости наслаждения и боли.

— И все же, Мэвех, она может оказаться нашим врагом. Не стоит рассчитывать, что невинность и юность сделают ее твоей безвольной пешкой... как бы ни была притягательна эта мысль.

Юфранская провидица ничего не ответила; на минуту она отвлеклась на чарующее представление со Слефием Пием III. Она даже представила себе на месте извивающегося мон'ки маленькую гадину из рода Ашбель.

— Она покинула Кэлор. Тебе известно об этом? Она более не включена в бесконечный контур: наш мир ощутил ее исчезновение. Пауки Варпа помогли ей перенестись на Тирайн, ближайшую из планет, захваченных Вихрем. Мэвех, девочка пытается найти способ помешать Кэлору войти в него. Она верит, что нас туда затягивает благодаря чарам некоего колдуна-мон'ки, заключившего сделку с Великим Врагом. — Последние слова Эгеарн подчеркнул совершенно по-театральному. — Ей кажется, что это единственное разумное объяснение нашей траектории.

— Стало быть, великий провидец, мы будем не столь уж и не правы, положившись на ее юность и невинность. — Мэвех широко улыбнулась, используя против собеседника его же слова. — К тому же мне кажется, что ее добрый карадок вполне заслужил полного доверия своей маленькой морны. — Провидица поочередно изобразила голоса Эла и Эгеарна.

— Ну, а что касается ее деятельности на Тирайн, можете спать спокойно, ведь я уже позаботилась, чтобы кое-кто составил ей компанию. — Произнося эти слова, Мэвех бросила взгляд на окровавленное, изувеченное тело навсегда замершего Слефия. — Благодаря нашему скоростижно скончавшемуся другу сами Адептус Астартес изволили поддержать ее. Эти мон'ки такие простые, примитивные создания — ничего не знают о дисциплинированности: положи перед ними приманку, и они тут же побегут к ней.

— И в приманках ты разбираешься как никто другой.

В небо внезапно ударил огненный вихрь варпа, нависая над развалинами некогда прекрасной каменной площади. Он кружил, пылая сверхъестественным, лиловым светом, втягивая в себя тяжелые тучи и разрушая ярко разукрашенные, измазанные кровью дома. И словно радуясь ему, лежавшая на улицах пыль взвилась крошечными ураганчиками, заплясавшими по всей площади, потрескивая и искрясь энергиями имматериума.

В завихрения портала одна за другой били неровные росчерки молний, превращая его дымное кольцо в сверкающий провал. Прошло лишь несколько секунд, и его поверхность взорвалась, пропуская группу стройных существ, чья броня, выкрашенная в гранатовые и золотые цвета, блестела даже в тусклом свете, озарявшем Тирайн. Воины легко приземлились на окровавленные камни, поддерживая закутанную в плащ фигурку ростом с подростка.

Едва успев коснуться ногами земли, Пауки Варпа поспешили выстроиться в круг, защищая от неведомых опасностей маленькую, облаченную в рубинового цвета плащ Эла. Они изначально готовились к тому, что встретят их вовсе не дружелюбно; отряд чистых эльдарских душ, высадившихся на планете, пребывающей в плену искушений Слаанеш, не мог не привлечь внимания.

Пока Пауки Варпа оглядывали окрестности в прицелы своих Ткачей Смерти и пытались найти какие-либо признаки присутствия демонов, пыльные вихри, плясавшие на площади, начинали уплотняться и превращаться в стройных, гуманоидных созданий. Не прошло и нескольких секунд, как на некогда безопасной и пустынной площади во множестве возникли изящные бледнокожие демонетки Слаанеш. Казалось, Великий Враг издалека учуяла запах детей Иши.

Одновременно с прилегающих улиц на площадь начали выбегать изувеченные, окровавленные мон'ки. Они потрясали строительными инструментами, ножами, кнутами и примитивным метательным оружием. Их тела вместо одежды покрывала яркая раскраска; эти животные что-то кричали и распевали, создавая чудовищную какофонию, оскорблявшую утонченный слух эльдар.

Демонетки устремились вперед, прорываясь сквозь непривычно плотное пространство материального мира и непринужденно раздвигая собирающуюся толпу. Порождения варпа скользили и выгибались, исполняя свою смертоносную пляску, и Пауки Варпа тоже пришли в движение. Эла предвидела, что на Тирайн им доведется столкнуться с демонами, и ее спутники вовсе не были не готовы к этой встрече.

Не произнеся ни единого слова, Адсулата выпала из реальности, а затем неожиданно возникла прямо за спинами ничего не подозревающих мон'ки. Стволы ее Ткача Смерти защелкали и завертелись, оставив просеку в рядах этих животных раньше, чем кто-либо успел обернуться. Но оказавшаяся неподалеку демонетка была быстрее: увернувшись и прокрутив серию немислимых пируэтов, она вдруг мягко оттолкнулась от земли, прыгнула и приземлилась буквально в нескольких метрах от арахнир.

Адсулата не мешкала и не останавливалась ни на мгновение, переведя вращающийся ствол с толпы на грациозную, изящную фигурку демонетки. Но служительница Слаанеш двигалась со стремительностью артиллерийского снаряда, уклоняясь, вертясь и отпрыгивая от летящих в ее сторону зарядов, пока расстояние не сократилось до нуля. Демонетка вырвала Ткач Смерти из рук арахнир и взмахнула хищно изгибающимся мечом.

Адсулата позволила Ткачу Смерти упасть и отразила удар противника одним из клинков, тянувшихся вдоль ее предплечий.

Тем временем остальные Пауки Варпа последовали примеру своего командира, совершив прыжки в стратегически важные точки площади, окружая толпу, заходя ей в спину и не позволяя демонеткам начать скоординированное нападение на юную провидицу.

Три воина аспекта остались стоять возле Эла, рубя мечами тех мон'ки, кто приближался к ним под напором толпы, и поддерживая огнем собратьев, сражавшихся сейчас с демонетками.

Эла стояла в этом кольце спокойствия посреди бойни, чувствуя, как над площадью, подобно вихрю, закручивается облако болезненной ненависти и жажды крови. На мгновение девочке вспомнился разрушенный, охваченный пожарами некогда прекрасный Кэлор, — что-то в атмосфере Тирайн вызывало в ее душе столь же болезненное чувство. Бросив взгляд в сторону гор, возвышающихся над бушующим вокруг нее сражением, она увидела очертания величественной, уходящей к самим облакам базилики. Стены здания, прямо как в видении, насквозь пропитались кровью, и Эла знала — колдун там и он ждет ее.

Судьба никому не даст отсрочки.

Прошептав несколько слов силы, юная провидица выпростала руки из-под плаща, и вокруг ее ладоней заплясала корона энергетической ауры, а между пальцами забили дуги электрических разрядов — она призывала на площадь Грозу Элдрич.

Темные Ангелы ненадолго остановились на краю одной из длинных аллей, выходящих на просторный пустырь перед воротами огромной базилики, воздвигнутой на вершине горы. Отряд предпочел немного задержаться и оценить обстановку, прежде чем выходить на открытое пространство: чтобы соблюсти осторожность, вполне хватало и атмосферы, царившей в городе. Величественные и огромные десантники стояли, окруженные толпой тирайнцев, следовавших за ними повсюду, восторженно кричавших и певших во славу второго явления Голоса Истинного Бога.

— Не нравится мне все это, — произнес Лексий, разглядывая внушительное строение, стоявшее перед ними.

Невзирая на закрытые ворота и раскинувшийся перед ними огромный пустырь, Темные Ангелы прекрасно слышали еретические молитвы и гулкую какофонию голосов, звеневшие под сводами храма.

— ...возвысит нас через страдания, дабы мы окрасили Галактику в красный и утолили голод богов! — разносились над пустырем приглушенные слова.

Путешествие по улицам раскинувшегося внизу города было долгим и познавательным. Дома его в отсутствии ухода постепенно разрушались и носили следы недавних беспорядков; все постройки без исключения были переделаны из простых, скромных жилищ паломников и набожных граждан в вульгарно разукрашенные и безвкусно обставленные обиталища гедонистов и извращенцев. Изображения Императора были либо обезображены, либо сорваны со стен и оставлены валяться в грязи. Их заменили изваянные на скорую руку скульптуры, посвященные каким-то немислимым тварям. Повсюду звучал один и тот же, уже знакомый десантникам богомерзкий шум, доносившийся из уличных громкоговорителей и разбитых окон цветастых домов. А порой ему вторили и люди, пьяно блуждавшие по улицам. Это была подлинная пытка для барабанных перепонки.

— Не могу поверить, что он и в самом деле здесь, — проворчал Калидиан, бросив еще один взгляд на пройденную ими аллею. Его бионический глаз не переставая пылал красным огнем, словно магистр постоянно что-то искал. Голос его звучал все тише и тише, пока, наконец, не стал едва слышен: — Должен же существовать предел падения даже для падшего ангела?

Лексий ничего ему не ответил, хотя и задумался над этим вопросом. За последние два десятилетия он проследил не менее дюжины возможных наводок и мотался по всей Галактике в надежде уловить хоть какие-нибудь слухи, или же самый слабый намек. Поэтому он привык крайне скептически оценивать свои шансы на завершение этого задания. Но, невзирая на сомнения, был вынужден признать, что столь многообещающей зацепки, как сигнал, поступивший с Тирайн, им не попадалось уже долгие годы. То сообщение чуть ли не умоляло их прибыть и исследовать планету.

На секунду ему пришло в голову, что превосходно составленный и закодированный сигнал мог быть послан кем-то, кто пытается заманить их в западню, но затем капеллан привел свои мысли в порядок: кому было знать о позоре Темных Ангелов? Кто мог устроить такую ловушку? От единственного разумного ответа вдоль аугментированного и усиленного позвоночника Лексия прокатилась волна дрожи: это мог быть только Сайфер собственной персоной. Так, значит, он все-таки был где-то рядом? Нет, куда более вероятно, что сигнал был послан, чтобы пока Темные Ангелы копошатся на Тирайн, предатель успел скрыться где-нибудь в поясе Офорин.

— Так близко! — наконец прорычал Лексий. — Магистр Эксрий, необходимо зачистить это место. Само его существование оскорбляет и оскверняет свет Императора.

И тут его мысли свернули в новом, неожиданном направлении: если кто-то сумел прознать о тайном позоре Темных Ангелов, то он вполне мог водить их за нос, подкидывая такие вот подсказки капелланам-дознавателям и заставляя их бегать, что твоих марионеток, из одного края Галактики в другой. Лексий принялся перебирать в уме возможных манипуляторов, и в душе его начал разгораться гнев.

— Эльдары! — раздался крик за его спиной, и группа тактических десантников не замедлила развернуться в направлении замеченного врага. Облаченные в тяжелые, раскрашенные в красные и золотые цвета доспехи воины-ксеносы внезапно материализовались прямо на пустыре возле ворот базилики. Присмотревшись, Лексий заметил, что чужаки привели с собой кого-то ростом с ребенка, и держали того в самой середине своих рядов, словно охраняли. Судя по всему, они не увидели Темных Ангелов сразу, или же просто предпочли не обратить на них внимание. Чужаки побежали к воротам и начали устанавливать заряды взрывчатки.

— Проклятье Льва на их головы! — прошептал Лексий и взмахнул своим крозиус арканумом, готовясь к бою. Оставалось надеяться, что появление ксеносов на Тирайн является ничем иным, как совпадением, ибо любая иная гипотеза была слишком пугающей. Но, какой бы ни была причина, омерзительные картины, представшие его взору на Тирайн, и без того до предела истощили терпение капеллана, и встреча с подлыми ксеносами сделала планету еще более отвратительной. Ее следовало очистить огнем. Всю, целиком!

— Молитесь! — взревел Калидиан, определенно разделявший сейчас мысли своего капеллана, и выхватил болт-пистолет, одновременно приводя в движение зубья цепного меча. — Ибо сегодня вы умрете!

Темные Ангелы устремились в атаку.

За спинами Пауков Варпа загрохотали болтеры, и тяжелые заряды ударили в ворота, взрываясь шрапнелью. Воины аспекта поспешили развернуться. Гул выстрелов эхом отразился от массивных дверей и стен базилики — о внезапном нападении можно было теперь и не думать.

Повинуясь инстинктам, Адсулата закрыла собой Эла, защищая ее от неожиданной угрозы, приближавшейся с другой стороны пустыря. Отряд закованных в энергетические доспехи и облаченных в плащи космических десантников бежал на них, сжимая в руках полыхающие огнем болтеры. Бросив взгляд по сторонам, арахнир увидела, что ее собственные воины уже совершили прыжок, оставив в покое термические мины, установкой которых только что занимались, и изготовились к бою.

Изучив окрестности, Адсулата не смогла найти ничего, что могло бы сгодиться в качестве хоть какого-то укрытия: стоя в своих красных с золотом доспехах здесь, перед воротами, они являли собой великолепную мишень для воинов-мон'ки. Первым спонтанным желанием стало просто приказать Паукам Варпа совершить прыжок подальше от этого места — несколько быстрых переходов, и они оказались бы за спинами космических десантников, получив возможность атаковать тех с более удачной позиции. Но ведь малышка Эла не умела «прыгать», и Адсулата не могла оставить ее одну.

Не было другого решения, кроме как принять бой.

Словно придя к точно такому же заключению, остальные Пауки Варпа разом открыли огонь из своих Ткачей Смерти, и над пустырем запели крошечные разрывные заряды. Воины аспекта выстроились перед Эла'Ашбель, защищая девочку от опасностей боя.

Космические десантники слепо бежали на них, не обращая ни малейшего внимания на плотную завесу эльдарского огня. Заряды, выпущенные Ткачами Смерти, казалось, бессильно рикошетили

от темно-зеленой брони. Астартес выли боевые кличи на грубом, противном языке своей расы, а из-за их спин уже напирала толпа разодетых в пестрые, окровавленные одеяния тирайнцев, восторженно верещавших при виде разворачивающегося перед ними кровопролития.

Крик боли заставил Адсулату повернуть голову. На дальнем конце строя один из Пауков Варпа рухнул на колени, зажимая горло. Из перебитой артерии толчками хлестала кровь, растекаясь лужей, в которую вскоре рухнул и сам воин.

Лишь только когда убитый упал, Адсулата заметила, что рана его нанесена не болтером, но мечом. Быстро окинув взглядом окрестности, она поняла, что ее отряду есть чего бояться и кроме приближающихся космических десантников. По обе стороны от ворот кружили буранчики пыли — на поле боя материализовались демонетки. Три стройные, ошеломляюще грациозные фигуры уже вступили в сражение с эльдарами. И одна как раз сейчас замерла на краю их боевого порядка, чтобы слизнуть кровь убитого воина со своего отравленного клинка. Четыре из круживших вихрей свидетельствовали, что дальше будет еще хуже.

Раздались крики еще двух Пауков Варпа — разрывные болты ударили в их стройные тела и отбросили к воротам базилики, превратив в бесформенные, изуродованные груды плоти.

Адсулата рискнула оглянуться и обнаружила, что Эла стоит совершенно спокойно, не двигаясь. В ее сапфировых глазах отражались всполохи отдаленных взрывов, а лицо не выражало ни малейших эмоций, хотя вокруг и гибли один за другим ее верные стражи. Арахнир просто поверить не могла, что девочка обладает таким хладнокровием.

В это мгновение огромные ворота базилики с грохотом распахнулись, и из внутреннего двора раздался рев болтеров, поддержанный истошными воплями десятков тысяч разъяренных голосов. Звуковая волна подобно цунами обрушилась на Пауков Варпа, сбивая их с толку. Теснящаяся толпа за спинами облаченных в зеленые доспехи космических десантников разразилась восторженными криками, словно услышала голоса самих богов. Тысячи людей хлынули на пустырь; их пронзительные вопли и грохот оружия сливались в единое целое с тем чудовищным, гротескным шумом, что доносился со стороны базилики.

Сбитая с ног волной звука и потоком воздуха, Адсулата едва успела обернуться, чтобы увидеть, как из тени храма, паля из болтеров, возникают один за другим космические десантники в черно-красных доспехах. Даже не зная, кто они такие, арахнир сразу же поняла, что они представляют совсем иные силы, нежели те зеленые воины, что приближались с другой стороны пустыря.

Створы ворот с лязгом ударили в массивные каменные стены, разбивая установленные эльдарами термические мины и провоцируя мощный взрыв. Ворота взмыли к небу в столбе ослепительного огня.

Перекатившись и вскочив на ноги, Адсулата увидела, что для эльдар этот бой закончен. На белых камнях лежали изувеченные мертвые тела ее воинов, охваченные огнем, выпущенным на волю их же термическими минами. Воины мон'ки приближались сразу с двух сторон, зажимая последних выживших в ловушку перекрестного болтерного огня. Можно было бы попытаться вырваться, но с флангов уже подбирались зловещие, смертоносные силуэты демонеток Слаанеш, окруженные десятками тысяч обезьяноподобных, жаждущих крови культистов.

И среди всего этого безумия стояла маленькая Эла. Такая крошечная и беззащитная среди ярости и жестокости разразившейся бойни. Тела сородичей лежали у ее ног, окрашивая своей кровью подол ее длинного плаща. И все же, казалось, ее нисколько не трогало безумие этой битвы. Заряды болтеров, камни, клинки мечей — все это не причиняло ей вреда, словно не видело достойной добычи в хрупкой девчачьей фигурке. Она стояла, не шевелясь, и ее сверкающие синевой глаза сияли подобно двум далеким звездам.

Адсулата склонила голову в последнем, печальном прощании, слагая с себя свои полномочия: сразу с двух сторон в ее тело вонзились болты. Почти одновременные попадания уравновесили друг друга, и арахнир сумела сохранить равновесие. Но уже в следующую секунду мимо скользнула демонетка, перерубая в коленях ноги командира Пауков Варпа и заставляя ее рухнуть на землю. Завывая от наслаждения, демонетка взвилась в воздух и приземлилась на тело еще одного погибшего эльдара, вонзая в труп когти в поисках камня души.

Уже лежа среди тел своих Пауков Варпа, чувствуя, как из нее на некогда белые камни забытого богами мира изливаются последние капли ее долгой жизни, Адсулата обратила прощальный взгляд к Эла: «Я подвела тебя, моя великая провидица».

«Нет, — прозвучал в ее голове мягкий голос. Эла спокойно шла сквозь безумие бушевавшей вокруг нее битвы. — Ты защитила меня по пути сюда. Ты исполнила свой долг, и душа твоя возвратится в бесконечный контур Кэлора, дабы воссоединиться с предками. Моя же судьба лежит за стенами этой базилики — ты не могла провести меня дальше».

С этими безмолвными словами Эла наклонилась над арахнир и извлекла путевой камень из крепления на нагруднике брони Адсулаты. Потом она отвернулась и неторопливо направилась к зияющему зеву входа в базилику. Тысячи вонючих мон'ки пробежали мимо девочки, стремясь присоединиться к сражению. Но при всем этом они не обращали ни малейшего внимания на юную провидицу. Идя по главному коридору базилики к апсиде, где стоял проповедник, она походила на маленькую рыбку, поднимающуюся вверх по бурному потоку.

Внезапно Эла поняла, что столкновение на пустыре вовсе не было случайным, но стало плодом махинаций могучего разума. Трудно было поверить, что все эти многочисленные воины, демоны и культисты сошлись в одном месте и в одно время по одному лишь стечению обстоятельств. Кто-то все это спланировал, чтобы помешать ей в ее миссии.

Но юная провидица отбросила все сторонние мысли, как только поняла, что толпа расступается перед ней, позволяя впервые в реальности увидеть возвышающегося над своей паствой Кор Фаэрона. Он был именно таким, каким приходил к ней в видениях. Великан стоял за разрушенной купелью. Могучий, облаченный в энергетическую броню богоподобный воин посмотрел сверху вниз на малолетнюю провидицу и засмеялся.

Провидица-дитя, эхвелин Кэлора, приняла ладонь своей судьбы и пошла с ней рука об руку так же, как некогда со своим падшим карадоком, позволяя провести себя через трясину времени настоящего. Неторопливо шла она мимо смятения, объявшего мерзкую паству, собравшуюся в базилике, рассекая толпу подобно остро заточенному мечу. И вот, состарившаяся прежде своих лет, наделенная даром предвидения, в котором слились силы всех ее прародителей, юная дева встала перед чудовищным Темным Апостолом.

И окинув взором ее слабую и хрупкую фигурку, гигантский воитель Хаоса разразился насмешками и оскорблениями; голова его затряслась от могучего хохота, взмывшего к Кровавому Куполу. Демонические повелители предупреждали его о силе Сынов Азуриана, нашептывая обещания великого и кровопролитного сражения, от чего в фантазиях бурлящему яростью Темному Апостолу являлись армии воинов аспекта и даже сам аватар Кхаина.

И вот теперь вместо утопающих в крови легионов перед ним стояла Эла.

Событиям, свершившимся в тот день перед оскверненным алтарем Императора Человечества, не было свидетеля, и все же именно тогда мириады возможных будущих Кэлора слились в единое целое, оставив для него только один путь. Этот решающий момент ничего общего не имел с подлыми планами извращенных предательских эльдар, да сгинут их души в кузне Баула, где горит пламя не менее жаркое, чем то, в котором сгорали тела погибших у ворот отважных Пауков Варпа.

И свершилось все в единое мгновение.

И вот когда, усмирив свой смех, демонический воин вновь обратил взор пылающих глаз на укутанную плащом эхвелин, все еще веселясь над тем, что она осмелилась препятствовать его замыслам, былого и будущего великая провидица наших судеб воздела руки и откинула капюшон с головы.

И тогда все свершилось.

Эла Ашбельская подняла взгляд, и ее мерцающие влажным блеском сапфировые глаза вспыхнули огнем глаз самой Иши и встретились взглядом с омерзительным Апостолом.

Соединение свершилось.

В мгновение это захлопнулись тяжелые ворота базилики, и легли на них могучие замки, которые никому не дано отпереть. Дитя и чудовище остались одни внутри огромного зала. Они стояли, не шевелясь, подобные героям, застывшим на величественных фресках золотого века легенд, сжимая друг друга в тисках своих душ.

Мгновение это выпало из времени и все еще бушующей за стенами базилики битвы. Оно длилось одновременно и малую долю секунды, и в то же время — целый век. Два могучих, исполненных мистических способностей разума невысказанным образом сплетали течение времени.

Никому не ведомо, что узрел темнейший из всех Апостолов в душе маленькой Эла. Нам дано знать лишь одно: увиденное потрясло самые основы его веры, наполнив разум Хранителя сомнениями и неуверенностью, обратившими волю его против него же самого и вознесшими извращенного мон'ки на прежде неведомые ему высоты ярости и гнева.

Не имеет значения, что именно видел тогда Кор Фаэрон в сапфировых глазах эхвелин, но смех его сменился яростью, заставившей Апостола в тот же день покинуть Тирайн.

Но победа далась нелегкой ценой.

Когда юная провидица наконец отвела свой взгляд, то не увидела более ничего, кроме тьмы. Она не различала даже окрашенные алым солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь Кровавый Купол.

Коснувшись пальцами своего лица, Эла поняла, что щеки ее стали липкими от влаги. Из поврежденных глаз подобно слезам струилась кровь.

Извращенный разум Кор Фаэрона нанес удар и ее душе, и ее глазам, явив им образы столь кошмарные, что все естество юной провидицы восстало против них. Ее сознание закрылось от всех внешних ощущений, защищая душу от безумия, предложенного в дар Апостолом.

Она узрела новое будущее. Видела возрожденный и процветающий Кэлор. Видела его в огне пожаров, охвативших леса и аллеи, в то время как демонетки и воины-мон'ки штурмовали искусственный мир. Видела и Апостола, во многом похожего на Кор Фаэрона, стоявшего в Круге Совета среди изувеченных тел придворных. Видела, как Апостол запрокидывает голову и хохочет, радуясь гибели древнего Кэлора. Воин протягивал к Эле свою ладонь, демонстрируя камни душ ее народа. Когда провидица всмотрелась в его лицо, в ее сознании прозвучало имя: Эреб. Но затем его лик преобразился, сменившись образом самой Слаанеш. Нарочито медленным, насмешливым жестом Великий Враг поднесла ладонь к лицу, высыпала всю горсть путевых камней в свою пасть, чтобы сжевать их, капая слюной на пол.

Борясь с явленными ей кошмарами, Эла Ашбельская, эхвелин Кэлора, побрела домой через оставленные павшими Пауками Варпа порталы, спотыкаясь под тяжестью возложенной на нее ноши и невероятным, чудовищным гнетом будущего.

Под далеким сводом лесного сектора Стикслин затрещали разряды варп-молний, озаряя зеленые кроны и наполняя воздух запахом грозы, хотя дождь на землю так и не пролился. Вихрь хлестал по необъятному Кэлору, слишком приблизившемуся к границам могучего варп-шторма. Щупальца демонической энергии оплетали древний искусственный мир, и без того готовый сорваться в бездну саморазрушения.

Поза стоявшего среди кустов великого провидца Эгearn Ривалина выражала некоторую неуверенность. Посох, на который он опирался, под его весом проваливался в рыхлую землю. Эгearn не испытывал ни малейшей радости от того, что ему пришлось выбраться к Периметру Стикслин — нет, это путешествие уже не представляло никакой опасности, просто органическая грязь лесных территорий оскорбляла его благородные чувства. Даже развалины, пожары и пыль казались ему прекрасными в сравнении с этими местами.

К тому же Пауки Варпа экзарха Эйнгэла не проявляли ни малейшего сочувствия к привычкам и нуждам ривалинского двора. И еще именно они первыми из аспектов Кэлора отказались от политического нейтралитета, когда Противостояние Пророчеств только назревало. Верные воины теперь называли Эйнгэла не иначе как одаи-экзарх — великий экзарх.

Главное, чтобы мелкое отродье и в самом деле выбрало именно это место для своего возвращения: она не связывалась со двором, но один из ковенов прорицателей дома Юфран предупредил о ее скором прибытии, и великому провидцу пришлось в спешке отправиться в эти отвратительные земли и дожидаться девчонку, доверив свою безопасность самоотверженному Уиснеху Аниону.

К счастью, Эла'Ашбель задерживаться не стала.

Главный варп-портал Паучьего Храма, утопающий в опаленной, но от того не менее высокой траве, замерцал. Внутри округлого контура возникла переливающаяся энергетическая пелена, в которой, словно на поверхности ночного озера, отразился окружающий мир.

Эгearn вглядывался в мерцающие образы, видя в них и себя самого, и свою почетную стражу, только отражение было искажено и изуродовано варпом. На секунду он задумался, а не таким ли он и в самом деле предстает другим, более невинным эльдарами Кэлора — тем, кто по-прежнему подчиняет свою жизнь чрезмерно суровому Пути? Он покатал эту мысль в своем сознании подобно тому, как мастер вращает в пальцах обладающий изъясном драгоценный камень, и его передернуло от оскорбленного чувства собственного, не требующего никаких оправданий, превосходства. С какой стати его вообще должно волновать, каким его видят остальные?

— Она идет, — произнесла Мэвех, наклоняясь к самому уху великого провидца, и голос ее был полон волнения и тревоги. Ее планы по избавлению от мелкого отродья и помощи Кэлору на пути к его судьбе провалились. Она гадала, какие же невероятные таланты должна была найти в себе Эла, чтобы пережить выпавшие ей испытания.

— Верно, — практически прошипел в ответ Эгearn.

Завеса варп-энергии внезапно пошла рябью и вспучилась, словно какой-то ребенок пытался выдуть мыльный пузырь. Затем в самой ее середине возник разрыв — крохотная черная точка, постепенно увеличившаяся до широкого овала, окруженного трепещущей аурой света. Спустя несколько секунд во тьме возникла щуплая фигурка девочки.

Юная Эла'Ашбель, это гнусное дитя, вышла из варп-портала, ступив на священные, поросшие лесом земли Паучьего Храма, где она провела свои ранние годы. Девчонка была совершенно одна — весь сопровождавший ее эскорт воинов аспекта остался лежать на поверхности Тирайн. Эла шаталась от усталости и измождения. А кроме того, была вся перемазана кровью.

Шаркая, к ней подошел великий провидец и протянул ладонь измученному ребенку.

— Ты спасла нас от чудовищного врага, моя маленькая морна. Эльдары Кэлора перед тобой в неоплатном долгу, ведь им еще хотя бы какое-то время не придется беспокоиться за свои души.

Губы Мэвех скривились, настолько явственно выдавая ее антипатию и разочарование, что Эгearnу даже пришлось бросить на нее призывающий к соблюдению приличий взгляд. Но затем она увидела нечто совершенно восхитительное: кровь, заливавшая лицо Эла, текла из глаз. Казалось, будто девчонка плачет алыми слезами. Она ослепла. И более не могла видеть ни тронутого порчей уродливого лица Эгearnа, ни язвительного выражения на лице самой Мэвех. Теперь тварь была вынуждена куда более чем прежде полагаться на своего карадока. Может, в конце концов, план все-таки сработал.

— Моя маленькая морна, — продолжил старик, и сморщенные его губы изогнулись в похотливой усмешке, — идем со мной. Я знаю отличное место, где ты сможешь отдохнуть и забыть о боли. Идем... мы с Мэвех Юфранской будем ухаживать за тобой.

Спотыкаясь от усталости, боли и дезориентации, Эла'Ашбель протянула руку в своем мире кромешной тьмы и нащупала старые, иссохшие пальцы Эгearnа. Слишком изможденная, чтобы что-либо предпринимать или говорить, она только кивнула и позволила ему увести себя.

Об авторах

ДЭН АБНЕТТ

Дэн Абнетт живет и работает в Мейдстоуне, графство Кент. Романист и создатель комиксов, он написал около сорока романов, в том числе и известный цикл «Призраки Гаунта» знаменитые инквизиторские трилогии «Эйзенхорн» и «Рейвенор». Его романы «Возвышение Хоруса» и «Легион» из цикла «Horus Heresy» стали бестселлерами.

ДАРРЕН-ДЖОН ЭШМОР

Даррен-Джон Эшмор говорит, что является антропологом и, по слухам, для обитания предпочитает свободное пространство между Шеффилдом и Кобе. Однако его подруга утверждает, что этот человек является ее дурным сном, и приносит извинения за то, что заразила им «Black Library».

СИ ЭС ГОТО

Си Эс Гото публиковал свои рассказы в журнале «Инферно!» и других. Его работы для издательства «Black Library» включают романы для таких циклов вселенной «Warhammer 40 000» как «Восход Войны» («Down of War»), «Караул Смерти» («Deathwatch») и роман «Спасение» из цикла о Некромунде.

МЭТТ КИФ

Мэтт Киф много работал в медиа-индустрии, участвуя в создании фильмов и игр, и был одним из тех, кто работал над продвижением последней редакции Некромунды. Живет в Шеффилде.

МАЙК ЛИ

Майк Ли был одним из создателей и разработчиков игры «Демон: Падение» для «White Wolf Studio». За восемь лет он поспособствовал появлению двух дюжин ролевых игр и дополнений. Вместе с Дэном Абнеттом Майк создавал трилогию «Темный Клинок».

ГРЭМ МАКНИЛЛ

Шотландец Грэм Макнилл более шести лет занимался разработкой игр в студии «Games Workshop», прежде чем полностью посвятить себя писательству. Ему принадлежат более двадцати научно-фантастических и фэнтезийных романов и комиксов. Грэм Макнилл живет и работает в Ноттингеме.

СТИВ ПАРКЕР

Стив Паркер живет и работает в Токио, Япония. Он посвящает свое время писательству, стрелковому спорту и изучению английского языка. Он вырос на рисунках Джона Бланше, а также всем, что включает монстров, инопланетян, космические корабли или призраков, — всем, что может объяснить его глубоко укоренившиеся психологические проблемы. Yoroshiku!